

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 1(44)/10

Scientific journal

Political Science.
Social and Communicative Studies Series

Moscow 2010

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 1(44)/10

Научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2010

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«Политология. Социально-коммуникативные науки»

А.П. Логунов – ответственный редактор
С.В. Клягин – заместитель ответственного редактора
Г.В. Амбросьева – ответственный секретарь
Н.А. Борисов
А.Е. Гринько
М.А. Гордеева
А.А. Калмыков
И.В. Логвинова
Е.С. Мелкумян

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Общество в коммуникации	
<hr/>	
<i>О.А. Зиновьева</i>	
Унаследованные политические технологии: монументальная пропаганда сталинской Москвы	9
<i>А.А. Краузе</i>	
Эпистемы властвования: социальная аксиоматика в эпоху глобализации	24
<i>Н.А. Лукьянова, Д.В. Чайковский</i>	
Закономерности процессов знаковой динамики в эпоху социально-политических кризисов	36
<i>Г.П. Бакулев</i>	
Власть и массмедиа: массы не в счет	46
Политика в обществе	
<hr/>	
<i>Д.И. Аксеновский</i>	
Бюрократия как образовательный проект: имитация модернизации власти	52
<i>А.Л. Зверев</i>	
Компетентностный подход к прикладному знанию о политике	64
<i>Г.Г. Косач</i>	
Саудовская Аравия: образование, социальная трансформация, власть	77
<i>А.Н. Марьин-Островский</i>	
Политический режим, институт собственности и экономика знаний в современной России	86
<i>Е.С. Мелкумян</i>	
Система власти в Кувейте: традиции и современность	99
	5

Практики исследований

<i>Н.В. Громько</i>	
Прорывное знание: мыслительный эксперимент Галилео Галилея против власти инквизиции	109
<i>И.В. Логвинова, Е.Е. Рязанов</i>	
Проблемы оптимизации государственного и социального контроля в сфере образования	123
<i>Н.А. Медушевский</i>	
Современный уровень развития аналитических центров в России	133
<i>Г.М. Михалева</i>	
Особенности политической системы современной России и проблемы изучения политического процесса	151
<i>Е.С. Резницкий</i>	
Модель времени в современной российской политической мифологии	162

Исследование практик

<i>А.М. Бунеева, Л.В. Мурейко, О.Д. Шитунова</i>	
Ресурсы манипуляции в политической технологии: неявное знание и массовое сознание	171
<i>А.А. Журухина</i>	
Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории)	180
<i>А.В. Левадная</i>	
СМИ в современной политической коммуникации: посредник или самовоспроизводящаяся система?	193
<i>И.А. Царегородцева</i>	
Новые тенденции в отношениях коптской общины и властей Египта	199
<i>А.А. Курбет</i>	
Публичная политика в современной России	210
Abstracts	217
Сведения об авторах	226

CONTENTS

Society in the Communication Process

<i>O. Zinovieva</i> Legacy political technologies: monumental propaganda of stalinist Moscow	9
<i>A. Krauze</i> Epistemes of ruling: Social axiomatic of globalization epoch	24
<i>N. Lukianova, D. Chajkovsky</i> The processregularities of sing dynamics in the time of political and social crises	36
<i>G. Bakulev</i> Power and mass media: not considering the masses	46

Politics in Society

<i>D. Aksenovsky</i> Ureacracy within social educational project: imitation of power modernization	52
<i>A. Zverev</i> On competencies for creating applied knowledge in political science	64
<i>G. Kosach</i> Saudi Arabia: education, social transformation, power	77
<i>A. Mar'in-Ostrovsky</i> Political regime, institute of property and knowledge economy in modern Russia	86
<i>E. Melkumyan</i> System of power in Kuwait: traditions and modernity	99

Case Studies

<i>N. Gromyko</i>	
The advanced knowledge: cogitative experiment of Galileo Galilee Against the inquisition power	109
<i>I. Logvinova, E. Riazanov</i>	
State and social control in sphere of education – problems of optimization	123
<i>N. Medushevsky</i>	
The present level of development of analytical centers in Russia	133
<i>G. Mikhaleva</i>	
Features of plitical system of modern Russia and political process studyng problems	151
<i>E. Reznitsky</i>	
Temporal model in modern russia’s political mythology	162

Field Studies

<i>A. Buneyeva, L. Mureyko, O. Shipunova</i>	
Resources of manipulation for political technologies: implicit knowledge and mass consciousness	171
<i>A. Zhurukhina</i>	
Polotics and history within Russia–Ukraine informational field	180
<i>A. Levadnaya</i>	
Mass media in modern political communications: intermediate or self-replicating system?	193
<i>I. Tsaregorodtseva</i>	
New tensins in relationships of coptic community and power in Egypt	199
<i>A. Kurbet</i>	
Public policy in modern Russia	210
Abstracts	217
General data about the authors	229

УНАСЛЕДОВАННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА СТАЛИНСКОЙ МОСКВЫ

В статье говорится о формировании и роли политической пропаганды в московской городской среде во время правления Иосифа Сталина. Сталин использовал архитектуру как средство формирования массового сознания с призывами работать на благо индустриализации и коллективизации ради светлого коммунистического будущего. Город становится прижизненным памятником вождю. В величественных дворцах отразилась идея мощи государственной власти и утопического рая для советского народа.

В соответствии с Генеральным планом развития Москвы 1935 г. узкие улицы расширяются, прокладывается метро, город заполняют массивные правительственные и жилые здания и монументы. Символизм, скрытый в монументальном искусстве 1930–1950-х годов отражает культурные пласты ордерных систем XVIII–XIX вв. – барокко, классицизма и ампира, которые, в свою очередь часто обращались к египетскому монументальному искусству с его представлением о незыблемости и бессмертии богов и вождей.

Ключевые слова: архитектурный облик, история Москвы, городская символика, символы сталинской Москвы, политика и монументальное искусство, коммуникации в городской среде, концепция рая.

Власть в обществе владеет разными методами и способами воздействия на своих граждан для оказания давления и достижения желаемых целей. Одной из наиболее сильных форм политического влияния на сознание человека является монументальная пропаганда в городской среде. Особенность такого воздействия заключается в том, что оно сопровождает человека повсюду: в метро, на работе, по пути домой и во время отдыха. В России, как и в других странах, с давних пор существовала традиция идеологи-

ческого использования архитектуры для создания памятников великим победам и свершениям, прославляющих власть или церковь и одновременно формирующих массовое сознание определенным образом. Однако время правления Иосифа Сталина, протяженностью в двадцать с небольшим лет, явилось самым ярким примером создания не просто отдельных зданий, а целых ансамблей и городов, пронизанных политическими наставлениями и обещаниями. Москва, будучи столицей огромной сталинской империи, стала в этом смысле уникальным объектом «огосударственной» урбанистической среды. Особенность монументальной пропаганды заключается в том, что она не замолкает со сменой власти или с уходом своего творца, а продолжает в той или иной степени оказывать огромное влияние на последующие поколения. Эти тенденции прослеживаются в современном художественном стиле, который обращается за вдохновением к 30–50-м годам XX в.: в массовой культуре наблюдается большой интерес к сюжетам, силуэтам и образам, как довоенной, так и послевоенной советской эпохи. В связи с этим своевременным представляется проведение анализа формирования советской идеологической мифологии в московской городской среде, которая создавалась не только сталинскими доктринами, но и более изощренными методами – путем общественных конкурсов, диспутов, в которых участвовали высокопрофессиональные и образованные архитекторы, скульпторы и художники, знакомые с мировой культурой.

В начале 30-х годов Сталин выходит победителем в жесткой политической борьбе; его начинает занимать вопрос крупномасштабной индустриализации страны и создания такой державы, которая стала бы независимой по отношению к развитым капиталистическим странам.

Перед Советской Россией, которая, пережив революцию и гражданскую войну, находилась в состоянии тотального дефицита и неразберихи, встала задача не просто призвать массы работать на пределе возможного, но и убедить их в абсолютной необходимости такого революционного труда на благо и во имя светлого коммунистического будущего. Одновременно с коллективизацией и индустриализацией в строй вступает гигантская индустрия агитации и пропаганды в кино, живописи и архитектуре, которая позволила быстро сформировать нужное стране мировоззрение.

Конструктивизм в архитектуре и авангард в изобразительном искусстве 20-х годов никак не устраивали нового советского лидера. От зданий, возведенных в стиле революционной романтики, не исходил призыв к трудовым подвигам, в них не было величия, отсутствовали рельефы, панно и скульптуры, которые могли бы

выразить не столько художественную, но в большей степени политическую идею. Архитекторы-конструктивисты не создавали грандиозных ансамблей, широких проспектов и площадей для массовых шествий.

Для нового советского строя требовался такой подход к формированию городской среды, где сама планировка городской среды, здания и декоративное убранство беспрестанно воздействовали бы на массовое сознание.

Владимир Паперный в своей книге «Культура два» выделяет «культуру один», когда «власть не занята архитектурой или занята ею в минимальной степени» и «культуру два, когда «власть начинает интересоваться архитектурой – и как практическим средством прикрепления населения», и как пространственным выражением новой центростремительной системы ценностей»¹. Происходит физическое и идеологическое закабаление населения как в городе, так и в деревне. Централизованная, тоталитарная власть требует централизованной симметричной архитектуры.

Именно поэтому состоялось обращение к ордерной системе с ее симметричными портиками и колоннами, но в отличие от общепринятого мнения о том, что состоялся переход к неоклассицизму, здесь гораздо сильнее заметны приемы европейского барокко, пришедшего в Россию в XVIII в., с его театральностью, преувеличенностью, колоссальными дворцовыми ансамблями, перспективами. Тогда впервые в истории воплощаются грандиозные градостроительные проекты по переустройству городов, с уничтожением узких и кривых улиц. Все это было обусловлено возникновением в XVII–XVIII вв. новой модели в политике и экономике – модели «центрального деспотизма или олигархии, обычно воплощенной на национальном уровне»²; к этому следует добавить развитие новых военных технологий, формирование огромных армий, что тоже нашло свое отражение в архитектуре. Для бесперебойного снабжения армии и немалых запросов деспотии требовался постоянный приток средств, рабочие руки. Впервые в истории человечества как политическая, так и религиозная идеология, поддерживающая существующий порядок, заговорили с такой силой языком монументальной пропаганды. Повседневная жизнь превращается в театральное действо, где режиссерами выступают правящая верхушка и церковь. «Стиль жизни барокко требовал простора для маневра и постоянных представлений, будь то движение стремительных экипажей или марширующие полки»³.

Сталинское правительство смогло обеспечить еще более высокое развитие идеологизированной городской среды, опираясь на новые технические решения, анализ агитационного наследия

и манипуляцию профессиональными архитекторами, которые были вынуждены обслуживать интересы вождя и предлагать наиболее сильные методы воздействия на массовое сознание.

Барокко, а позднее и классицизм черпали вдохновение из античных источников, внедряя свою идеологию посредством древнегреческой или древнеримской мифологии, изображая античных богов, воинов в обрамлении венков, гирлянд, растительного и геометрического орнамента, декоративных завитков и переплетений. В XVIII–XIX вв. тематический, часто назидательный рельеф с изображением мифологических сцен вытягивается по горизонтали центральной части здания. Здесь можно было встретить аллегорические разъяснения о назначении здания, изображения тем, связанных с наукой, искусством, просвещением, а иногда и просто идиллические сцены, так необходимые человеку. Для достижения художественного равновесия к тематическим рельефам добавлялись ленточные композиции из медальонов и розеток, растений и цветов. Именно такой подход открывал широкий простор для советской агитации в цементе и камне. Величественные «советские пантеоны богов» украсили наземные и подземные дворцы.

А образцы XVIII–XIX вв. как барокко, так и классицизма, были рядом, на московских улицах. Это и дворцы, и церкви, и монастыри. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что все это богатство подвергалось уничтожению и порицанию – во время реализации «Генерального плана развития Москвы 1935 г.» о старой Москве писали как об отжившей, мешающей новой жизни. При этом отдельные сооружения в целях пропаганды заботы о культурном наследии попадали в разряд памятников. В прессе даже не допускалось и мысли о том, что новый советский стиль – это перифраз уже давно созданного, испытанного, только теперь в новых колоссальных масштабах благодаря новым строительным технологиям и тоталитарной власти, государственной собственности на землю, недвижимость и средства производства.

Новый архитектурный подход сложился в результате непростого и многоэтапного конкурса проектов Дворца Советов в 1931г., когда сверху давались рекомендации использовать классическое наследие, но одновременно с этим резко критиковались «стилизаторство» и «механическое копирование». Был выведен из употребления термин «пролетарская архитектура» 20-х годов, который ассоциировался с интернациональным или международным зодчеством. Взамен все чаще начинает использоваться понятие «социалистическая архитектура» как нечто национальное, государственное. «Точных рецептов изготовления социалистической архитекту-

ры не дано. Архитекторам было предложено перебирать варианты и предоставлять их на суд руководства»⁴.

Особое внимание стало уделяться правительственным и общественным зданиям – народ должен был испытывать благоговение перед властью, место которой в величественных дворцах. Вместе с тем дворцы предназначались для общественно-полезных мероприятий, что давало надежду на будущие комфортные жилищные условия. Сталин впервые осознал, что именно он должен управлять культурой, поддерживать, но контролировать людей творческих и при этом правильно ориентированных идеологически.

Журнал «Советская архитектура» писал в 1932 г.: «Задачи советской архитектуры должны полностью вытекать из великих целей советского государства и должны быть полностью подчинены им»⁵.

Полная реконструкция Москвы началась с улицы Горького по проекту А.Г. Мордвинова. Тому, как освещалась эта невиданная по своим масштабам операция, может позавидовать любая современная рекламная кампания. Собственно, многие приемы сегодняшней рекламы родом из сталинских времен.

Только тоталитарная власть смогла осуществить столь грандиозные планы: к 1938 г. была завершена реконструкция центра. Красная площадь и прилегающие к ней улицы освобождались от мелких торговых и жилых зданий, палаток, одноэтажных домиков. Вокруг Кремля были созданы новые площади, способные принять шествия и массовые демонстрации. Здесь же появляются величественные здания, призванные прославлять и утверждать власть страны Советов: в 1936 г. Дом Совета народных комиссаров СССР (будущий Госплан, а затем Государственная Дума РФ) архитектора Ф. Лангмана, чуть раньше, в 1932 г., гостиница «Москва» архитекторов А. Щусева, Л. Савельева, О. Стапрана. Эти здания еще не имеют пышного барочного убранства, но период скромной величавости пройдет очень быстро и уступит место театральной деко-ративности.

В 1936 г. началось полномасштабное преобразование 1-й Мещанской улицы, ныне проспекта Мира, которая становится важной идеологической магистралью, открывающей дорогу в светлое коммунистическое будущее, построенное на 200 гектарах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В 1939–1940 гг. в соответствии с задачами продвижения на юго-запад был пробит новый луч по Большой Калужской улице, нынешнему Ленинскому проспекту, где явно проступают идеи симметрии и повторяемости, характерные для сильной власти. Именно тогда возникает новая форма строительства зданий из типовых

секций, предложенная группой архитекторов: А. Мордвиновым, Д. Чечулиным, Г. Бархиным, Е. Левинсоном и Г. Гольцем. Весь Ленинский проспект до площади Гагарина выглядит как целостный дворцовый ансамбль в лучших традициях барокко и классицизма, но последствия такого подхода пагубно сказались на унылом облике Москвы в 70–80-х годах.

Садовое кольцо расширялось за счет начавшегося уничтожения бульваров и скверов, здесь появлялись новые нарядные многоквартирные дома разной степени эклектичности. Увлечение ренессансными дворцами, которые тоже входили в перечень допустимых примеров для творческой переработки, стало причиной возникновения «южных» открытых арок и несвойственной Москве раскраски, которые плохо переносили холодный климат. В солнечный день дом играет яркими красками, но в тумане он явно чувствует себя неуютно. Это характерно для живописных многоквартирных зданий на Земляном валу (дома 21, 23–25), архитектора И. Вайнштейна 1937 г., а также Северного речного порта, возведенного в 1939 г. по проекту А. Рухлядева и В. Кринского на Ленинградском шоссе.

Генеральный план 1935 г. в традициях сталинской индустриализации и победы над природой исправляет русла Москвы-реки и Яузы, одевает их в гранитные набережные на манер петербургских. Оформлению водных артерий уделялось пристальное внимание. Впоследствии это увлечение проявилось при строительстве канала Москва–Волга как важной транспортной магистрали и исправительно-трудового лагеря. Вопреки климатическим условиям повсюду сооружались «агитационные» фонтаны, часто из недолговечных материалов: на ВДНХ, перед МГУ, у Театра Советской армии, в садах и парках. Через Москву-реку и Язу было переброшено 11 мостов, что стало мировым градостроительным рекордом, решило ряд транспортных задач и еще раз идеологически верно укрепило массовое осознание величия державы.

Для проникновения новой идеологией была создана уникальная образовательная структура, где сочетался высокий уровень преподавания с формированием восторженного восприятия политики советского правительства и полного подчинения ей. Только в 30-е годы в Москве было построено 380 школ, открываются новые университеты и перестраиваются старые.

Советская программа установки памятников зарождается еще при жизни В.И. Ленина, который хорошо уловил суть наглядной агитации. Как-то в беседе с А.В. Луначарским он сослался на Кампанеллу и его утопическое Солнечное государство, где в столице на стенах домов были нарисованы фрески, служившие молодежи

наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждали гражданское чувство. «Я бы назвал то, о чем я думаю, монументальной пропагандой, добавил Владимир Ильич»⁶. Очень скоро при участии Ленина и его окружения создается первый список исторических и политических личностей, которых следовало увековечить в виде памятников и монументов. Менялось отношение к писателям, ученым, больше всего к политическим деятелям или к их образам – некоторые из них, появившись в определенный период, исчезали или перемещались в музейные экспозиции, перестав, по мнению властей, быть примером для подражания.

Художественное оформление Московского метрополитена, который открылся 15 мая 1935 г., – пример сложного эстетического поиска в его переплетении с существующей идеологией и яростными директивами сверху: – «ускорить», «обеспечить», «выполнить досрочно», «назначить» или «снять». Это грандиозная агитационная площадка, которую посещали и посещают миллионы граждан. С одной стороны, событие освещалось в прессе как еще одно идеологическое завоевание социализма, а с другой – подземные дворцы отразили противоречия эпохи, где сочеталась пракτικότητα решения транспортных задач и советская мифология. Это хорошо проработанная картина утопического мира с трудовыми подвигами, заоблачными далями, морскими просторами и советскими чудо-богатырями, бороздящими эти пространства и покоряющими их.

Апофеозом советской агитационной компании в дворцово-парковом творчестве можно с полным правом считать ансамбль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г., которая неоднократно меняла свой художественный облик и название в соответствии с переменной политической взглядов. В период глубинных проблем с коллективизацией, порабощением крестьян и деревни, провалов с созданием продовольственной базы, ВСХВ отразила всенародную мечту о счастливой и сытой жизни, став яркой трибуной пропаганды коммунистического образа жизни. Это пафосный рассказ о многотысячной армаде тракторов, бороздящих необозримые колхозные поля, что стало результатом взаимопомощи социалистического города и колхозной деревни, получившей в ходе сталинских пятилеток самую передовую в мире технику, созданную в городе. Проектирование и оформление выставки жестко контролировалось сверху. Для этого в 1936 г. при Выставочном комитете был создан Архитектурно-художественный совет, в который вошли такие великие мастера, как В.К. Олтаржевский, И.Э. Грабарь, К.К. Юон, В.А. Фаворский и другие. В их задачу входило рассмотрение всех проектов, эскизов «с точки зрения их идейного содержания».

ния, художественной выразительности, качественного уровня»⁷, что позволило обеспечить композиционную целостность подачи идеологически выдержанного материала.

Во время воплощения Генерального плана начинает издаваться специализированный журнал «Строительство Москвы», где освещались успехи переустройства города. Каждая газета, будь то «Вечерняя Москва» или «Правда», ежедневно печатала статьи о боевых победах на архитектурном фронте.

Дмитрий Хмельницкий относит сталинскую архитектуру к тоталитарному стилю, напрямую связывая монументальное искусство с идеологией. Он выделяет ряд признаков этого стиля, полагая, что «художественное содержание государственной архитектуры исчерпывается идеологическими задачами режима». Автор также отмечает, что мы находим изображение «не столько реальной среды, сколько декорации прекрасного будущего»⁸.

Какие же методы для изображения этого прекрасного будущего использовались в советском искусстве? Можно отследить проникновение сказочного компонента во все сферы искусства с начала 30-х годов. После настойчивой борьбы со сказкой в 20-е и 30-е годы XX в. Советскую Россию охватывает увлечение сказкой на государственном уровне. Переиздаются старые дореволюционные сказки, пишутся новые в стихах, прозе и музыке. В большинстве из них звучит основная тема – поиск нового счастливого места обитания. В 1932 г. Дмитрий Шостакович пишет музыкальную сказку «Петя и Волк», где Петя стремится попасть в неведомую страну, устав от скучных будней. Сказки переводятся с других языков, они чуть-чуть меняются и издаются под другими именами. Так в нашу литературу в это время вошли «Буратино» и «Волшебник изумрудного города». В 1930–1950 гг. экраны заполняются сказочными игровыми и мультипликационными фильмами. В феврале 1940 г. «Литературная газета» печатает сказку об исполнении желаний, во флористическом ключе, – «Цветик-семицветик» Валентина Катаева. Такое явление можно рассматривать одновременно как создание некоей утопии, уход от реальности и в какой-то степени подсознательное недоверие к тому будущему, которое строила вся страна. Самого высокого уровня сказочность в сочетании с богатырской темой достигла после Великой Отечественной войны, что заметно в сияющем золотом декоре многих станций Московского метрополитена таких, как Комсомольская-кольцевая (1952) архитекторов А. Щусева, В. Кокорина, А. Заболотной, Новослободская (1952) по проекту А. Душкина и А. Стрелкова. Обе станции одновременно идеологически выдержанно и сказочно оформляет ведущий советский художник Павел Корин.

Сказочная тема постоянно переплетается с темой флоры как вполне реальной и опознаваемой, так и сказочной, неузнаваемой, но очень желанной.

Богатый растительный и животный мир природы земного шара всегда был полон символического смысла в искусстве. Легенды и предания любой древней культуры часто придают растениям, цветам и животным божественную силу и разум. Опубликованная в 1858 г. сказка «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова, неоднократно начинает переиздаваться в 30-е годы.

В русских сказках аленький цветочек выступал символом любви, надежды, исполнения желаний, притягательным центром некой райской земли, где царит изобилие, где все исполняется само собой. Человеку часто грезилось о красоте и потреблении этой красоты одновременно. Сорвал купец дар природы, а потом младшей дочери пришлось вернуть его на прежнее место, где он прирос, как прежде. Этот особенный аспект любования творениями природы перед или в момент их разрушения заметен в натюрмортах, батальных сценах и сценах охоты, эта тема неизбежна в кулинарии, оформлении застолий, появляется она часто в декоре зданий. В самое тяжелое время коллективизации фасады зданий заполняют молодые и красивые колхозницы, орудия сельскохозяйственного труда, а также спелые фрукты и овощи невиданной величины.

Аленький цветочек ассоциируется с чем-то редким, необычным и очень желанным. Это яркая красная звездочка, о которой грезил младшая дочь купца; он казался ей простым недорогим гостинцем, который на деле дороже всего обошелся отцу и принес столько страданий всему семейству. Яркими красными звездочками украсилась Москва в 30–50 годы прошлого века. Символическое значение красной звезды, которая появляется в глубокой древности и имеет противоречивый смысл. С одной стороны, «пятое» – символ жизни, повторяющее очертание тела человека, с другой, «распятое» – символ страдания. В древности образ пятиконечной красной звезды также пришел к нам из природы, объединив все красные цветы и звезды ночного неба. Почему такая тяга к красной звезде проявилась именно в сталинскую эпоху?

Звезда была предложена Львом Троцким, которого многие считали человеком циничным, как отличительный знак красных матросов, и носилась на рукаве. Впоследствии десятки тысяч людей были репрессированы за «троцкизм», хотя подавляющее большинство из них никогда не видели живого Троцкого и не читали ни строчки из его сочинений.

Рог изобилия – это еще один из самых популярных декоративных элементов в 30–50 гг. Переполненный плодами земли,

он встречается в оформлении университетов, больниц, станций метро, жилых зданий, мостов, фонтанов и театров. Простой и хорошо известный символ имеет двойное прочтение в советской семантике. С одной стороны, он ассоциируется с божественной щедростью, в данном случае с щедростью государства и лично товарища Сталина в отношении своих граждан. С другой стороны, следует вспомнить, что, по древнегреческой легенде, младенец Зевс случайно обломил рог козы Амалтеи, которым его вскармливали. Учитывая то, что советские рога изобилия появились в период продуктовых карточек и дефицита, можно предположить, что это подсознательный символ разрушения дореволюционного сельского хозяйства.

Сложно теперь сказать, что это – сказочная декоративность, возникшая в 1930-е годы, скрытый смысл, переданный потомкам в зашифрованном виде, или желание быть ближе к природе, пусть даже искусственной, или, наоборот, уйти от суровой реальности в сказочное изобилие. В оформлении дворцов сталинской эпохи можно найти очень конкретные, хорошо узнаваемые объекты живой природы, но в большей степени мы замечаем невиданные растения далекой сказочной страны, благостной утопии, которой придумали название коммунизм и стали строить всем миром.

Сцены рая, из которого вышел человек и в который возвращается его праведная душа, всегда представляют нам нетронутую девственную природу, полную гармонии человека в окружении флоры и фауны. Сочные плоды, благоухающие цветы, хищные звери, благородные и величественные, рядом с человеком, на равных, без угрозы и боязни. Трудно было бы представить себе изображение Адама и Евы на фоне дворцов, регулярных парков с беседками и фонтанами.

Американский мыслитель и исследователь утопий Луис Мамфорд говорил о том, что «древний человек оглядывался назад на время до появления городов и считал его Золотым веком»⁹. Этот идеальный мир живой природы человечество перенесло в города в виде рельефов, скульптур, витражей, живописных фресок и мозаик.

Небезынтересно появление большого количества живописных изразцов, где можно провести параллель с XVII в., когда яркое московское узорочье выражало желание забыть разруху и смутное время. В XVII в. изразцами украшали монастыри и церкви, их с удовольствием использовали для печей в богатых домах.

В середине XX в. изразцами оформили волшебные дворцы Московского метрополитена, высотные дворцы и Сельскохозяйственную выставку, будущую Выставку достижений народного хозяйства. Изразцы середины XX в., переняв цветочный орнамент

XVII в. и технологии XIX в., представляют собой решения нового уровня как в идеологическом, так и в техническом плане.

Интересно было бы разобраться, какие именно представители флоры и фауны привлекали художников-оформителей и почему. Какие символы скрыты в этом живом мире на стенах зданий и станций Московского метрополитена? Созданы ли были эти символы советской эпохой или она их перефразировала, заимствуя у других цивилизаций и народов? Перед архитекторами и художниками стояла задача представить на суд высоких заказчиков свое сугубо национальное монументальное искусство, обращаясь за вдохновением к классическим образцам. Классическая архитектура России уже до того впитала в себя этнокультуры разных народов и эпох. Дошедшие до нас памятники Москвы XV–XX вв. представляют собой сложное переплетение как внутренних, так и внешних, иностранных влияний. Советская интерпретация этого многообразия с добавлением государственной символики на основе современных технологий и материалов создала удивительную картину, где прослеживаются православные, языческие, древние египетские, античные, европейские и чисто русские приемы использования различных символов живой природы.

Цветы, овощи, фрукты информировали о великих свершениях на сельскохозяйственном фронте. Спелые фрукты и огромные тыквы появились в декоре университетских, жилых и промышленных зданий начиная с самого тяжелого периода коллективизации. Мозаики, рельефы и майоликовые полотна Московского метрополитена с упоением рассказывали о продовольственных программах всех союзных республик – производстве молока и мяса, стрижке овец, сборе фруктов и овощей и, конечно, зерна. Особой популярностью пользовался подсолнух, древний символ плодородия, как и пшеница. Но подсолнух – это гелиотроп, который движется вслед за солнцем. Подразумевался ли при этом сам Сталин, которого в прессе именовали солнцем нации?

В помпезных послевоенных сооружениях, тяготеющих к ампиру, в качестве декора использовались растения, исторически применявшиеся для прославления героев или событий, такие как дубовые, лавровые или пальмовые листья. Собранные в гирлянды и венки, они, кроме всего прочего, олицетворяли победу над природой.

Важным объектом живой природы выступает сам человек. Здесь, прибегая к очень поверхностному обобщению, можно сказать, что все типы изображения, которые встречаются в московской архитектуре середины XX в., могут быть разделены на две группы. Первые служат утилитарным, сугубо идеологическим целям, вторые нужно рассматривать с эстетической точки зрения.

К первой группе относится изображение человека с символами и знаками отличия, в том числе военными, морскими и профессиональными, – все они отражают род деятельности человека и своим присутствием рассказывают об идеальных образцах профессий, признанных в обществе, к которым надо стремиться. Ко второй группе относятся украшения, казалось бы, эстетического характера: цветы, гирлянды, завитки и виньетки, иногда животные, но и они несут очень серьезную идеологическую направленность.

Человек – часть живой природы, участник взаимодействия природных циклов, продукт и творец природных явлений, учился и учится у этой природы, организуя и украшая свою среду по образу и подобию естественных образцов природы. Как непослушный ребенок, человек часто побаивается природы, обижает ее, вступает с ней в единоборство и, к сожалению, весьма редко пытается наладить с ней гармоничные отношения.

Эти непростые отношения находят свое отражение в искусстве. В середине XX в. существовала непоколебимая убежденность в том, что природа, находясь в подчинении у человека, призвана питать его, обувать и одевать, насыщать знаниями и прославлять.

Первыми на фронтонах зданий начинают возникать фигуры нового человека – видимо, это было самым главным на тот момент. Страна, встающая на новые индустриальные рельсы, остро нуждалась в крепких рабочих кадрах. В 1934 г. Илья Голосов устанавливает фигуры рабочего с отбойным молотком и крестьянки с винтовкой перед жилым домом 2/16 на Яузском бульваре. Следует отметить совершенно счастливый «райский» барельеф матери с детьми в окружении цветущей природы и увенчанный снопом, символом плодородия и благоденствия, на фронтоне жилого здания, возведенного Г. Гольцем на Ленинском проспекте, 22, в 1938–1941 гг.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война привели к утрате мирных ориентиров, а изображение реальных людей, занятых повседневным трудом, возвращало современному человеку утраченное ощущение нормального жизненного пространства. При этом следует отметить очередное противоречие, или подспудное назидание: эпоха Сталина четко прочерчивала линию фронта в повседневной жизни. Понимание жизни как борьбы или поля битвы, революционного фронта в шахтах и на нивах, в цехах и на испытательных полигонах формировалось прессой, кино и литературными произведениями, живописными панно и, конечно же, городскими постройками. Кругом враги, и стране надо бороться, защищать завоевания революции – эта тема проявлялась в очень многих скульптурных композициях и рельефах. Часто мирные

шахтеры выглядели как воины, а их отбойные молотки – как автоматы. Отбойный молоток стал любимой деталью, объединяющей идею мирного труда с мыслью об опасности, наличии постоянного фронта борьбы. Таким ярким примером является скульптурная группа у станции метро «Электрозаводская» (1944 г.): молодой шахтер – это настоящий воин трудового фронта: его рабочая каска напоминает шлем воина, рабочая куртка – плащ-палатку, а отбойный молоток воспринимается как автомат. В таком же ключе героических защитников решены все 80 бронзовых фигур (скульптор М. Манисер), установленных на станции метро «Площадь Революции» (архитектор А. Душкин) 1937 г. Хотя здесь мы видим смешение образов, присущих мирной жизни, таких как агроном, девушка-студентка, а также и чисто военных: пограничник с собакой, парашютист. Интересен и смешанный пример – юная девушка из мирной жизни, нарядно и модно одетая, со значком Ворошиловского стрелка и винтовкой. Ордерная симметрия и повторяемость, характерная для барокко и классицизма, присуща для этой станции, а идеологическое сообщение назидательно повторяется по многу раз.

Как уже отмечалось, классицизм конца XVIII – начала XIX в. осваивал образцы античности, но мы видим также значительный интерес к египетскому искусству, что было связано с походами Наполеона в Египет, новыми открытиями и узнаванием новой культуры, а также со стремлением к еще большей монументальности и символизму. Египетская концепция вечности и непоколебимости будет часто проявляться в монументальной советской архитектуре и скульптуре – это Мавзолей В.И. Ленина; создание символа советского государства в виде серпа и молота тонким знатоком и поклонником египетских иероглифов, художником Е.И. Камзолкиным; вечность и недвижимость в скульптурных композициях, что особенно проявилось у В.И. Мухиной; грандиозность и монументальность высоток, доведенная до храмового восприятия в Московском государственном университете, что роднит его с Карнакским храмом в Луксоре, построенным в XVI в. до н. э. с завораживающей аллеей сфинксов, внушительными обелисками и колоссами. Он был главной святыней, культурным и научным центром египетского государства на протяжении полутора тысяч лет. Главное было не только создать свою картину счастливого мира и незыблемости власти, но и закрепить ее навечно.

Таким образом, следует отметить то, что сталинское монументальное искусство обратилось за вдохновением к ордерным симметричным стилям, которыми являлись барокко и классицизм, поскольку «культура, присущая определенному народу, не умирает,

как биологический организм»¹⁰, она продолжает существовать и возрождаться в определенные моменты времени, соотносимые с ней в политическом и экономическом контексте.

Сталинский стиль «внутренне противоречив. Фактическое требование идеализировать советскую действительность соседствует с требованием ее реалистически достоверного изображения»¹¹.

Оформление зданий опиралось на культурное наследие прошлого, но использование символов подчас имело двойственный смысл, не сразу угадываемый. Образы различных представителей живой природы у разных народов превращались в значимые символы и обереги волей человека, служили исполнению определенных культовых обрядов. Подчас эти обряды забывались, а декоративность их оставалась привлекательной для художника. Но суть символа не исчезала, она сохранялась в подсознании, в общественной памяти и проявлялась неожиданно как для самих художников, так и для зрителей. Каждая эпоха выбирала свои образцы для подражания, руководствуясь существующими образами мифологизированной природы, принятыми в конкретный исторический период, или воспринятыми из других эпох с интерпретацией на свой лад.

В поисках воздействия на массовое сознание сталинская эпоха обращается к нескольким культурным слоям в истории цивилизаций: к ренессансу – за просветленностью и краскам, барокко – за театральностью и идеологизированным градостроительным приемам, классицизму – за назидательным рассказом в монументальном искусстве, ампиру – за прославление побед, и Древнему Египту – за идеей вечности и незыблемости власти.

Примечания

- 1 См.: *Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 20.
- 2 См.: *Mumford L.* The city in the history. San Diego. N. Y.; L.: The Harvest book. Harcourt Inc., 2008. P. 345.
- 3 Ibid. Graphic section 2: plate 29, 2.
- 4 См.: *Хмельницкий Д.* Архитектура Сталина: Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 141.
- 5 См.: *Милютин Н.* Важнейшие задачи современного этапа советской архитектуры // Советская архитектура. 1932. № 2–3. С. 3.
- 6 См.: *Кожевников Р.* Скульптурные памятники Москвы. М.: Московский рабочий, 1983. С. 4.
- 7 См.: Выставочные ансамбли СССР, 1920–1930-е годы: Материалы и документы. М.: Галарт, 2006. С. 184.

Унаследованные политические технологии...

- 8 См.: Хмельницкий Д. Указ. соч. С. 363.
- 9 См.: Mumford L. Указ. соч. Р. 5.
- 10 См.: Ibid. Р. 344.
- 11 См.: Громов Е. Сталин: Искусство и власть. М.: Алгоритм, 2003. С. 245.

А.А. Краузе

ЭПИСТЕМЫ ВЛАСТВОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ АКСИОМАТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье акцентируется необходимость исследования контекстуальных связей и роли когнитивных механизмов в разворачивании различных сюжетов власти. Эпистемы властвования соотносятся с идеями, формулами, установками, которые не подвергаются сомнению и принимаются всеми согражданами как аксиомы. Выдвижение новых идей, имеющих статус социальных аксиом и обладающих материальной силой, – сложная задача, которая требует комплексного анализа объективных процессов. Исследуется социальная аксиоматика эпохи глобализации, анализируются социальные следствия аксиомы эффективности монетаризма.

Ключевые слова: социальная эпистемология, социальная аксиоматика, глобализация, монетаризм, эпистема власти, когнитивные формы.

Жизнь человеческого общества чрезвычайно разнообразна. Новые обстоятельства могут вызывать настоятельную потребность в изменении существующих форм и методов организации общественного организма. Заранее предвидеть эти изменения и действовать не стихийно, а по разработанным алгоритмам «управления рисками» – стратегическая задача в политическом управлении, в контексте которой возникает вопрос о роли феномена знания в механизмах власти. И открывается необозримое поле, поскольку анализ эпистем властвования затрагивает не только описание политических стратегий и общественно-экономических практик, но и более глубокие слои социокультурного, ценностного, экзистенциального плана.

Прояснение контекстуальных связей и роли когнитивных механизмов в разворачивании различных сюжетов культуры и власти – одна из ведущих проблем социальной эпистемологии, нового

© Краузе А.А., 2010

направления в социальной философии и теории познания. В отличие от классической субъект-объектной схемы познавательного отношения, социальная эпистемология акцентирует сложность, многомерность, ценностную нагруженность объектов анализа. Социальная система рассматривается через средоточие культурных взаимодействий. С этой точки зрения социальная реальность предстает не как некая объективная реальность, а как сгусток контекстов и смыслов, зафиксированных в культурных формах (знаковых, текстовых, когнитивных)¹.

Изучение социума и его организации на основе междисциплинарного подхода и контекстуальной парадигмы ориентирует на многоаспектный анализ неоднозначных отношений знания и власти. Важно подчеркнуть, что когнитивные формы в виде подсознательных установок, концептов и формул в динамике ментальности играют роль мощного источника мотивации индивидуального и массового действия.

Эпистемы властвования можно понимать как формулы или установки, которые не подвергаются сомнению и принимаются всеми согражданами². Это открывает определенную перспективу для анализа соединения власти и знания в социальной аксиоматике.

Аксиомы – необходимый компонент современного научного знания. Природа аксиом на первый взгляд не вызывает вопросов. В литературе можно встретить высказывания о том, что аксиома – это положение, которое принимается без доказательств. Процедура доказательства заменяется их очевидностью и наглядностью. Но есть и другая точка зрения: аксиома – это миллиарды раз повторенный опыт, который дал один и тот же результат, и поэтому он зафиксировался в сознании человека в логической форме, которую мы определяем данным понятием. В этом случае аксиома как результат обобщения социальной эмпирии имеет характер вероятного, а не достоверного знания. Социальные аксиомы, которые складываются в известной мере стихийно, имеют именно такой характер.

Статус социальных аксиом приобретают идеи, овладевшие массами. Выдвижение новых идей такого рода, обладающих материальной силой, – сложная, но всегда актуальная задача социальной теории и всего комплекса социогуманитарных и политических наук. Идеи не рождаются на пустом месте. Они всегда являются отражением объективных процессов. Сущность принятых обществом аксиом необходимо вскрывать через анализ конкретной ситуации на данном этапе общественного развития. Выявление границ применимости аксиом – конструктивная познавательная стратегия, которая помогает обнажить скрытую технологию власти.

Социальная аксиоматика эпохи глобализации связана с тем обстоятельством, что в современном мире сложилась диктатура спекулятивного финансового капитала. Его теоретики выдвинули идеи, которые постепенно приобретали аксиоматический характер самоочевидности и общезначимости.

Во второй половине восьмидесятых годов лидеры «демократического» движения предложили советским гражданам две основные идеи – необходимо в кратчайшие сроки резко повысить эффективность экономики и расширить права человека. На уровне эмоций эти идеи представляются бесспорными. Нужно только найти механизм их реализации. И такой механизм был предложен: рынок заставит экономику быть эффективной, а широкая демократия (многопартийность, парламентаризм) обеспечит соблюдение прав человека. Мы помним лозунги тех дней: «Нельзя быть чуть-чуть беременным» – если вводить рынок, то товаром должно стать все, в том числе и рабочая сила. «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка» – необходимо разрушить плановую экономику. «Собственность это свобода» – чем больше ты имеешь, тем ты свободнее. Советский человек не мог быть свободным, так как не имел собственности, значит, он – раб, он – «совок». «Хозяин – это порядок», «Нам нужен стратегический собственник».

Прошедшие годы «демократических» экспериментов позволяют сделать определенные выводы и обобщения, тем более что у нас есть своеобразная «машина времени» – опыт государств, прежде всего США, которые уже более тридцати лет идут по пути абсолютизации и глобализации рынка и рыночных отношений.

Отсутствие ограничений вместо государственного контроля, либерализация торговли и движения капиталов, приватизация государственных предприятий – вот составляющие стратегического оружия из арсенала правительств, уверовавших в рынок, и международных экономических организаций, находящихся под их влиянием: Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирной торговой организации (ВТО). С этим оружием они вступили в войну за освобождение капитала, продолжающуюся и поныне. Предполагается, что закону спроса и предложения подчиняются как все отрасли человеческой деятельности, так и сами людские ресурсы.

В наши дни почти во всем мире активно используется теория американского экономиста и лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмена (Milton Friedman)³. Его основная идея, которую часто называют «монетаризм», сравнительно проста: оптимальное использование капитала возможно только в том случае, когда его можно свободно перемещать через границы государств. Главное

понятие в этом процессе – эффективность. Направляемые стремлением к максимальной прибыли, мировые сбережения должны всегда течь туда, где их можно использовать наилучшим образом. Следовательно, деньги из богатых капиталом стран поступают в регионы, предлагающие вкладчикам наилучшие инвестиционные перспективы. И наоборот, заемщики повсюду выбирают тех кредиторов, которые предлагают самую низкую ставку процента; им не нужно кланяться местным банковским картелям или переплачивать за то, что в их собственной стране слишком мало сбережений. В конечном счете так, по крайней мере, гласит теория, от этого выигрывают все нации, поскольку самые высокие темпы роста сочетаются с наилучшими инвестициями.

Финансовый рынок без границ как универсальный источник благосостояния и страж экономической рациональности – такова социально-экономическая аксиома последней трети XX в.

Возникает впечатление, что предложена некая панацея от всех общественных проблем. Однако чем больше страны зависят от доброй воли инвесторов, тем больше правительства вынуждены потакать привилегированному меньшинству, располагающему значительными финансовыми активами. А интересы этого меньшинства всегда одни и те же: низкий уровень инфляции, устойчивая внешняя цена валюты и минимальное налогообложение доходов от инвестиций. Не вдаваясь в объяснения, верующие в рынок всегда отождествляют эти цели со всеобщим благоденствием. Такова идеология возникающей диктатуры финансового капитала.

Практика показывает, что на самом деле тесные финансово-экономические связи между странами вынуждают последние соревноваться в снижении налогов, сокращении общественных расходов и отходе от принципов социального равенства, что приводит лишь к глобальному перераспределению от тех, кто на дне, к тем, кто на вершине. Вознаграждаются все те, кто создает наилучшие условия для крупных капиталовложений, а над любым правительством, которое сопротивляется этому закону джунглей, нависает угроза санкций.

Уже давно понятно, что пресловутый отказ от контроля за вывозом капитала вызвал к жизни процессы, которые методично сводят к нулю суверенитет государств, имеют губительные анархические последствия. Страны лишаются права взимать налоги, правительства подвергаются шантажу, а правоохранительные органы бессильны перед преступными организациями, не имея возможности добраться до их денег. Снижение налогов на капитал, дерегуляция всех финансовых услуг и урезание расходов на государственные службы и социальную сферу – требование организованной финансовой индустрии.

Освобождение денег от государственного контроля началось в 1973 г. с отмены фиксированных курсов обмена валют ведущих индустриальных стран. До этого действовали правила Бреттон-Вудской системы. Так называется деревня в горах штата Нью-Гемпшир, где в июле 1944 года представители стран – победительниц во Второй мировой войне собрались и учредили международный финансовый порядок, обеспечивавший стабильность на протяжении почти тридцати лет. Цены валют стран – участниц привязывались к доллару, в то время как эмиссионный банк США со своей стороны гарантировал обмен долларов на золото. В то же время сделки с валютой контролировались официальными органами, так что в большинстве стран требовалось получать разрешения на обмен и перевод крупных сумм.

Быстро растущие промышленность и банки рассматривали такие бюрократические ограничения как механизм сдерживания. В 1970 г. США, ФРГ, Канада и Швейцария отменили контроль над перемещениями капитала. Плотины были прорваны. «Спекулянты», т. е. дилеры, оценивающие валюту в соответствии с различными возможностями капиталовложений, стали договариваться о курсах обмена между собой, и система фиксированных курсов развалилась. В 1979 г. сняла последние ограничения Великобритания, в 1980 – Япония.

Правители ЕС начали в 1988 г. движение к единому рынку. В ходе этой «величайшей программы дерегулирования в истории экономики» (как ее назвал председатель Еврокомиссии Петер Шмитхубер) Франция и Италия тоже освободили циркуляцию денег и капитала в 1990 г., а Испания и Португалия продержались до 1992 г.

То, что страны «большой семерки» решили внедрить в собственных экономических зонах, они постепенно распространяли и на остальной мир. МВФ, в котором эти страны имеют решающее слово, является для этого идеальным инструментом. Где бы властелины МВФ ни предоставляли займы в последние годы, они повсюду ставили условие, чтобы соответствующая валюта стала конвертируемой, а страна – открытой для международных перемещений капитала.

Целеустремленная политика и законодательство правительств постепенно соорудили автономную систему «финансового рынка», которой политологи и экономисты начали приписывать некую высшую власть. Сейчас нет ни идеологии, ни поп-культуры, ни международной организации, ни даже экологических проблем, которые связывали бы страны мира более тесно, нежели электронная сеть глобальных денежных машин: банков, страховых компаний и инвестиционных фондов.

Всякий раз, когда транснациональные компании размещают производство там, где рабочая сила самая дешевая, а затраты на социальные нужды или охрану окружающей среды не являются первостепенными, они снижают абсолютный уровень своих расходов. Это, в свою очередь, уменьшает не только цену продукции, но и цену труда.

Чем легче становится производству и капиталу пересекать границы, тем более могущественными и неуправляемыми делаются транснациональные корпорации (ТНК), которые сегодня способны запугивать и лишать власти правительства и тех, кто их избирает. В мире сейчас около 40 тысяч ТНК. Они осуществляют две трети мировой торговли, причем почти половину этого объема – через собственные торговые сети. Они находятся в самом центре глобализации и непрерывно двигают ее вперед. В международной торговле государства-нации больше не выставляют товары на продажу с последующим распределением прибылей внутри страны. Теперь рабочие всего мира конкурируют между собой из-за работы, которую они должны выполнять в условиях глобально организованного производства.

Этот процесс, во-первых, ускорил темпы внедрения технических новшеств и рационализации и довел их до абсурда: производительность растет быстрее общего объема продукции, в результате чего происходит так называемый рост при потере рабочих мест. Во-вторых, полностью изменилось соотношение сил между капиталом и трудом. Интернационализм, некогда оружие рабочего движения, перешел на сторону противника и служит его интересам. Организациям трудящихся, в большинстве своем национальным, противостоит корпоративный Интернационал, который в ответ на любые претензии прибегает к своему излюбленному и безотказно действующему средству – переводу производства за границу. Обещание процветания за счет свободной торговли еще, может быть, и выполняется для вкладчиков капитала и управляющих компаний. Что же касается их рабочих и служащих, не говоря уже о растущей армии безработных, то о них этого не скажешь. То, в чем раньше видели прогресс, оборачивается его противоположностью.

Наиболее остро это проявляется в Соединенных Штатах Америки. Так, например, руководство компании Caterpillar («Кат»), крупнейшего мирового производителя строительно-дорожных машин и бульдозеров, в 1991 г., когда оборот и прибыль достигли рекордных отметок, объявило войну рабочим. Были объявлено о снижении зарплаты на целых 20%, а рабочая неделя увеличена на два часа. Рабочие – члены профсоюза «Ката», провели ряд забастовок, как путем неявки на работу, так и сидячих, последняя из которых

длилась свыше полутора лет. Эта забастовка превратилась в наиболее длительную и ожесточенную акцию борьбы трудящихся за свои права в послевоенной Америке. Она обошлась профсоюзу в 300 млн. долларов, выплаченных его членам за простой, и все впустую. Что произошло? В 1991 г. совет директоров компании возглавил некий Дональд Файтс. Он продемонстрировал, как можно в современных условиях расправиться с профсоюзом. Забастовки, даже если они длятся годами и поддерживаются кампаниями и демонстрациями по всей стране, больше не могут вынудить руководство предприятий повысить зарплату его работникам. В период забастовки Файтс отправил в сборочные цеха служащих, инженеров, весь управленческий персонал среднего и младшего звеньев и около 5 тысяч работавших неполный рабочий день. Одновременно он сделал максимально возможные заказы в зарубежных филиалах и добился успеха. Пока пикетчики месяцами выстаивали у заводских складов, Кат наращивала объемы производства и продаж. Когда забастовщики в конце концов капитулировали, Файтс навязал им такие условия труда, которых не существовало вот уже несколько десятилетий. От них требовалось работать при необходимости по двенадцать часов в сутки, в том числе по выходным, без всякой дополнительной оплаты⁴.

В свое время президент США Джон Ф. Кеннеди выразил ожидание роста благосостояния простой формулой: «Когда уровень воды в реке поднимается, все лодки на воде поднимаются вместе с ним»⁵. Но волна либерализации и дерегулирования эпохи «монетаризма» породила тип экономики, к которому эта метафора уже неприменима. Действительно, в период с 1973 по 1994 г. реальный ВВП на душу населения вырос в США на целую треть. В то же время, однако, у трех четвертей работающего населения, не относящегося к руководящему персоналу, средняя зарплата без вычетов сократилась на 19% и составляет всего 258 долларов в неделю⁶. И это лишь статистическая средняя величина. Для нижней трети этой пирамиды падение зарплаты было еще более значительным: миллионы людей зарабатывают теперь на 25% меньше, чем двадцать лет тому назад.

В целом американское общество отнюдь не стало беднее. Совокупный доход и благосостояние никогда не были такими высокими, как сейчас. Но этот статистический рост относится только к 20 млн. семей, к одной пятой, составляющей вершину пирамиды. И даже внутри этой группы распределение доходов происходит в высшей степени неравномерно. С 1980 г. богатейший 1% семей удвоил свои доходы, и теперь приблизительно полмиллиона сверхбогачей владеют третью всего частного капитала в США.

От переустройства американской экономики выиграли и руководители крупных корпораций. С 1979 г. их зарплата выросла в среднем на 66%. В то время они получали примерно в сорок раз больше, чем их рядовые служащие. Теперь это соотношение равняется 120:1.

Экономист Массачусетского технологического института Лестер Туроу пишет, что американские «капиталисты объявили своим рабочим классовую войну и выиграли ее»⁷.

Все больше американцев, в том числе и представители состоятельной элиты, считают выбранное направление развития неверным. Так, например, Эдвард Луттвак, экономист Центра стратегических и международных исследований, одного из консервативных вашингтонских мозговых трестов, из хладнокровного поборника неолиберализма превратился в его самого непримиримого противника. «Турбокапитализм», как он его называет, является, по его мнению, «скверной шуткой». «То, что марксисты утверждали сто лет тому назад, сегодня уже реальность. Капиталисты становятся все богаче, в то время как рабочий класс нищает». Глобальная конкуренция пропускает «людей через мясорубку» и уничтожает сплоченность общества⁸.

Еще более эффектный поворот на сто восемьдесят градусов совершил Стивен Роуч, главный экономист в Morgan Stanley, четвертом по величине инвестиционном банке Нью-Йорка. Книги и выступления Роуча менее чем за десять лет сделали ему имя в стратегии управления. Он последовательно отстаивал сокращение рабочей силы и упрощение модели корпоративной организации. Но в четверг 16 мая 1996 г. все корпоративные клиенты его банка получили письмо, в котором он публично отрекался от своих убеждений: «Я годами превозносил рост производительности как некую высшую добродетель. Но должен признать, что по зрелом размышлении не считаю, что это привело нас в землю обетованную». В своем письме Роуч сравнил реструктуризацию американской экономики с примитивной подсечно-огневой системой земледелия, при которой за непродолжительным периодом урожайности неизбежно следует утрата плодородия почвы, от которой зависит жизнь тех, кто ее обрабатывает. Если руководители американских корпораций в ближайшее время не сменят курс, и не будут наращивать рабочую силу вместо того, чтобы лишать ее квалификации, стране не хватит ресурсов, чтобы удержаться на мировом рынке. «Рабочую силу, – подытожил Роуч, – нельзя выдавливать вечно. Тактика бесконечного сокращения рабочей силы и урезания реальной зарплаты – это в конечном счете рецепт индустриального вымирания»⁹.

В странах ОЭСР большинство министров и правящих партий до сих пор верят, что максимально возможное ограничение государственного вмешательства в экономику ведет к процветанию и созданию новых рабочих мест. В рамках этой программы неуклонно стираются с лица земли все управляемые государством монополии. Все это делается во имя конкуренции, занятость не имеет никакого значения. Но по мере того как правительства приватизируют почту и телефонную связь, электроэнергию и водоснабжение, воздушное сообщение и железные дороги, по мере того как они либерализуют международную торговлю и дерегулируют все – от технологии до охраны труда, они усиливают тот самый кризис, для борьбы с которым их избрали.

Глобализация, понимаемая как высвобождение сил всемирного рынка и лишение государства экономической власти, – для большинства стран – жестокая реальность, от которой никуда не скроешься. Для США – это процесс, сознательно запущенный и поддерживаемый ее экономической и политической элитой. Только Соединенные Штаты могли вынудить японское правительство открыть свой рынок для импорта. Только правительство в Вашингтоне могло заставить Китай закрыть 30 фабрик по производству видеокассет и компакт-дисков, которые делали миллиарды на пиратской продукции. Только администрация президента США могла уговорить Россию поддержать военную интервенцию в Боснии. Заем в 10 млрд. долларов, подоспевший как раз к избирательной кампании Бориса Ельцина летом 1996 г., был услугой за услугу.

Таким образом, США – это единственная оставшаяся супердержава, последнее государство, все еще сохранившее в значительной степени национальный суверенитет. Именно вашингтонские политические деятели и их советники устанавливают правила глобальной интеграции в широком спектре торговой, социальной, финансовой и валютной политики. Но уже сегодня американская модель тотального подчинения рынку нигде не критикуется более сурово, чем в самих Соединенных Штатах. Поэтому не исключено, что американский прагматизм отбросит радикальные доктрины свободного рынка, которые он превратил в аксиому сорок лет назад.

Экономическая интеграция ведет не к объединению, не к Соединенным Штатам Европы, а к рынку без государства, где политика лишь расписывается в своем бессилии и порождает больше конфликтов, чем может разрешить.

Богатейшая пятая часть государств имеет в своем распоряжении 84,7% мирового ВВП, на их граждан приходится 84,2% мировой торговли и 85,5% сбережений на внутренних счетах. С 1960 г.

разрыв между богатейшими и беднейшими государствами более чем удвоился.

Процветающие 20% стран используют 85% мировой древесины, 75% обработанных металлов и 70% энергии¹⁰. Достичь такого всему населению планеты не удастся никогда.

В апреле 1995 г. британский премьер-министр Джон Мейджор посетовал на абсолютную неприемлемость того, что происходит на финансовых рынках «со скоростью и размахом, угрожающими выйти из-под контроля правительств и международных организаций»¹¹. Его бывший итальянский коллега Ламберто Дини, которому удалось побывать управляющим центральным банком, соглашается, что «нельзя позволять рынкам подрывать экономическую политику целой страны». А президент Франции Жак Ширак охарактеризовал касту торговцев финансового сектора как «СПИД мировой экономики»¹².

Подчинение финансовым рынкам приводит к атаке на демократию. Изыскивая пути извлечения максимального дохода, финансисты позволяют себе оспаривать все, что было отвоевано на пути к социальному равенству за сто лет классовой борьбы и политических преобразований.

Интернационал больших денег постоянно подрывает именно то, к чему он в отчаянии обращается во времена кризисов, а именно: способность национальных государств и их международных учреждений предпринимать эффективные действия. Это было известно уже давно. «Отмените налоги, поддержите свободную торговлю, и тогда наши рабочие во всех сферах производства будут низведены, как в Европе, до уровня крепостных и нищих», – Авраам Линкольн, шестнадцатый президент США (1860–1865).

Критическая функция науки предполагает постоянное обращение к принятым аксиомам, их переосмыслению. В данный момент принципиальное значение имеет трактовка понятия «эффективность». Для монетаризма аксиома эффективности означает сокращение затрат на производство. Для противоположной точки зрения эффективность как цель и смысл экономики – это уровень развития социальной сферы. Можно поставить вопрос: кто будет иметь преимущество при столкновении этих подходов? Тактически могут получить преимущество монетаристы. Не составляет особого труда резко сократить количество работающих – и арифметика бухгалтерского расчета зафиксирует рост эффективности. В стратегическом плане монетаристская эффективность приводит к неприемлемым социальным следствиям: 20% могут работать и жить, 80% населения обречены на борьбу за выживание.

Приоритет социальной сферы в трактовке эффективности дает огромные преимущества. Только два примера из разных социальных систем – Япония и СССР. Япония в конце XIX в. уже имела систему всеобщего среднего образования и в 1945 г. провела успешное испытание ядерного оружия; сейчас в Японии каждый второй работающий имеет высшее образование и ставится задача сделать высшее образование всеобщим. По многим показателям и, в частности, по продолжительности жизни населения, эта страна стала образцом для подражания. Советский Союз получил в наследство от царизма отсталую экономику, неграмотность населения на уровне 90%, среднюю продолжительность жизни менее 40 лет. «Кремлевский мечтатель» поставил стратегическую задачу: учиться, учиться и еще раз учиться. Переживая крайне тяжелый период, страна вкладывала в образование и науку от 12 до 16 процентов бюджета; развитые страны обычно тратят на эти цели 5%. В результате Советский Союз на глазах одного поколения превратился в мощную индустриальную державу, «из лаптей вылетел в космос», а по продолжительности жизни практически догнал Японию.

Предсказания дальновидных экономистов и политиков подтвердились. Политика монетаризма ввергла мировую экономику в жесточайший кризис. Президент России Дмитрий Медведев, выступая на международном форуме во французском Эвиане 8 октября 2008 г., заявил: «На примере США мы видим, что от саморегулируемого капитализма до финансового социализма – всего один шаг. Налицо готовность национализировать почти все»¹³.

Аксиома эффективности монетаризма как эпистема властвования несовместима с демократией. Власть очень узкого круга не может и не собирается не только гарантировать, но даже декларировать защиту прав человека на труд, а следовательно, и на жизнь. Перемещение производства в более благоприятные климатические и налоговые зоны, упрощение его структуры, массовые увольнения, обесценивание труда – неизбежное следствие глобализации на базе монетаризма.

Примечания

- ¹ «Предмет социальной эпистемологии принципиально контекстуален. Он задан системой культурных опосредований как точка пересечения культурных координат» (Смирнова Н.М. Контекстуальная парадигма социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. М., 2007. Т. 14, № 4. С. 35).
- ² В философской литературе такие базовые когнитивные формы, запускающие экзистенциальный процесс понимания реальности, обозначают по-разному:

Эпистемы властвования: социальная аксиоматика в эпоху глобализации

здравый смысл, «схематизмы опыта», которые отложились в языке (Г.-Г. Гадамер), «экзистенциальная предструктура понимания» – дорефлексивная, первичная структура бытия человека (М. Хайдеггер), «поле когитаций» (П. Рикер) См.: *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1977; *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. М., 2002.

- 3 См.: например: *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.
- 4 Los Angeles Times. 1995. 5 December.
- 5 Цит. по: *Мартин Г.-П., Шуман Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. С. 161.
- 6 См.: *Head.* Das Ende des Mittelklasse // Die Zeit. 1996. 26 04.
- 7 *Thurrow L.* The Future of Capitalism. N. Y., 1996.
- 8 Цит. по: *Bertolami.* Wir werden alle durch den Fleischwolf gedreht // Die Weltwoche. 1995. 31 08.
- 9 *Roach.* Amerika's Recipe for Industrial Extinction // Financial Times, 1996. 14 May.
- 10 См.: UNDP-Bericht 1994; UN-Forschungsinstitut für soziale Entwicklung (States of Disarrau, 1995).
- 11 International Herald Tribune. 1995. 3 April.
- 12 The Economist. 1995. 7 October.
- 13 Коммерсантъ. 2008. 9 октября.

Н.А. Лукьянова, Д.В. Чайковский

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССОВ
ЗНАКОВОЙ ДИНАМИКИ В ЭПОХУ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ*

В статье рассматриваются общие закономерности в семиотических конфигурациях коммуникативного пространства в эпоху социально-политических кризисов. Фиксируется противоречие в понимании причин деформаций культуры, определяемых как следствие современных коммуникационных технологий. Установлено, что ключевые деформации культуры обусловлены присвоением коммуникационными технологиями семиотической функции конструирования реальности. Подчеркивается, что инструментом конструирования является не собственно знак, а процессы знаковой динамики. Процессы знаковой динамики играют роль «соединительной ткани» связывающей воедино различные элементы коммуникативного пространства. В связи с этим анализируются внешние и внутренние закономерности процессов знаковой динамики в период социально-политических кризисов, что дает понимание внутренних тенденций развития современного коммуникативного пространства и является условием знания о правильном, распределенном в пространстве и времени влиянии на процессы знаковой динамики.

Ключевые слова: знаковая динамика, семиотика, знак, текст, культура, процессы коммуникации, коммуникативные технологии, власть, знаки власти.

Важной особенностью, отличающей современные коммуникации, становится сверхсложность и распределенность коммуникационных связей при неопределенности путей передачи информации. В современной коммуникации смешиваются потоки информации, они образуют сложные, пересекающиеся в простран-

© Лукьянова Н.А., Чайковский Д.В., 2010

* Исследование проводится при поддержке гранта президента: № МК-3391. 2008.6, и в рамках гранта РФФИ № 08-06-00109-а

стве и времени структуры, что делает мир человеческого существования миром «неизвлеченного смысла»¹.

Социокультурной ситуации современности свойственны быстрые и противоречивые изменения, что связано с вхождением в современную реальность новых самоорганизующихся технологий. По мнению многих исследователей, современные коммуникационные технологии создают информационно-коммуникативные предпосылки для кризиса культуры. Информационный бум обуславливает глобальное противоречие познавательной парадигмы современности. «Жители Земли получают все больше информации друг о друге и одновременно (или поэтому?) становится сложнее составить какое-то представление о современности»². Однако, культура не раз переживала сравнимые по масштабу «информационные взрывы». Письменность, книгопечатание, телеграф ускоряли скорость передачи информации и изменяли темп передачи сообщений. Это приводило к фундаментальным изменениям, но не разрушало культуру.

Другое противоречие связано с тем, что современные коммуникационные технологии становятся причиной, порождающей тотальную знаковость, что в философской рефлексии фиксируется как «мелькание» и «мерцание» знака. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, долгое время знак служил психологической защитой против реальности, он делал жизнь более «понятной», а следовательно, более предсказуемой и комфортабельной, с другой – адаптивная функция знака сегодня деформирована его оторванностью от индивидуального и социального опыта субъекта. Однако, тотальная знаковость как таковая не является предпосылкой социокультурных трансформаций, поскольку знаки сопровождали человека всегда, любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая³. Специфика социокультурной ситуации в том, что изменения связаны с присвоением коммуникационными технологиями функций конструирования реальности, где инструментом конструирования является знак. Знаки и образы не только интерпретируют реальность под различными углами зрения, но и в не меньшей степени конструируют эту реальность, придумывают ее подобно сочинению некой выдуманной истории, сказки. Современный мир превращается ими в мир образов и фантазмагорий. Реальность мира «это не более чем “контекст”, существующий во множестве фабулизаций»⁴.

Учитывая вышесказанное, задача данной статьи определяется нами как выявление общих закономерностей в семиотических конфигурациях культуры в эпоху социально-политических кризисов.

Гипотезой нашего исследования является утверждение, что в информационно-коммуникативном пространстве ключевую роль играют процессы знаковой динамики, выступающие как своеобразная «нервная система», обладающая определенными закономерностями, т. е. объективно существующими, устойчивыми связями между состояниями и процессами. Процессы знаковой динамики выступают в роли соединительной ткани связывающей воедино различные элементы информационно-коммуникативного пространства как пространства множества значений создаваемых человеком, в котором наши мысли и чувства в процессах познания реальности находят свое воплощение в знаках, объединенных в знаковые системы для целей коммуникации.

Поэтому для понимания причин трансформации культуры в период социально-политических кризисов мы обращаемся к такой составляющей человеческого бытия, как знак, который выступает как пограничная зона, где встречаются и вступают в удивительные связи факты из самых разных измерений. С помощью знака наша мысль, хаотичная по природе, структурируется, разделяется на части, формируется для возможностей коммуникации, которые динамичны по своей природе.

Специфика современной коммуникативной ситуации в том, что сегодня массовые средства коммуникации инициируют бесконечную погоню за производством новых знаков. Такая специфика диктует принципиально иную стратегию исследования семиотических конфигураций коммуникативного пространства, базирующуюся на утверждении, что начальной точкой любой семиотической системы является не отдельный изолированный знак, а процессы знаковой динамики.

Функционирование процессов знаковой динамики в культуре подчиняется определенным правилам, которые мы можем установить, выявив механизмы процессов знаковой динамики – внутренние закономерности, связи между различными компонентами процесса. Основаниями для выявления механизмов знаковой динамики стали следующие: первое – процессы коммуникации мы рассматриваем как фрагмент информационных процессов в последовательности стадий (кодирование, передачи и рецепции), а в самом процессе наличествует чередование стадий становления результата (собственно элементарного процесса) и самого результата)⁵; второе – процессы знаковой динамики протекают в двух форматах – синхронии и диахронии. Особенностью передачи информации в диахронии является сохранение некоторой информации в «блоке памяти», что влечет за собой как изменение первоначального смысла, так и потерю данных вследствие таких свойств

информации, как «изменчивость» и «бренность»⁶; третье – в процессах знаковой динамики движение осуществляется согласно трем целям семиозиса: прагматическая цель, дающая трансляцию стереотипов поступков; синтаксическая цель, тиражирующая образы и создающая стиль; семантическая цель, предлагающая способ понимать вещи и события⁷. В результате создаются многообразные феномены культуры. Культура рассматривается нами как совокупность знаковых систем, с помощью которых человек сохраняет свои ценности и находит способы существования в мире.

В силу вышесказанного мы рассматриваем механизмы знаковой динамики как устойчивые, повторяющиеся связи между компонентами процесса знаковой динамики: формой знака, процессом его трансляции и результатами процесса – интерпретантой знака. На каждом этапе своего становления действие знака на интерпретатора (интерпретанта) определяется с точки зрения его качества и потенциальности (согласно трем категориям по Ч.С. Пирсу – Первичность, Вторичность, Третичность), его фактической реализации и его закономерности или целеустремленности. Собственно знак в процессах знаковой динамики (в его триадической структуре согласно исследованиям Ч.С. Пирса) является своеобразной «клеткой» – основной формой для создания паттернов интерпретант как метасемиотических конструкторов (существующих в сознании устойчивых групп связей) и как значимого результата действия знака. В интерпретанте заложен коммуникативный потенциал тестов культуры, поскольку интерпретация знака есть соединение всех звеньев в последовательную цепь, что устанавливает отношения между различными способами употребления исходного знака, а также определяет возможность распознавания и признания вещи в реальности.

Наглядный пример «работы» механизмов знаковой динамики – процесс узнавания обществом человека-невидимки. Лишившись тела, «невидимка» перестал существовать для социума; чтобы приобрести некоторый статус, он должен был себя определенным образом означить, т. е. создать себя как некоторое множество интерпретант. Г. Уэллс последовательно описывает «невидимость» как ее познают окружающие: «взбесившая мебель», «дрогнувшее пламя свечи», «чернота вместо розового тела» – это те паттерны интерпретант, которые есть результаты трансляции знака на первом этапе работы механизмов знаковой динамики (в Первичности), соответственно, первый шаг есть качество в возможности (в данном контексте возможность существования «невидимости» в пространстве). На втором шаге (в категории Вторичности – уровень существования вещей в их множественности и индивидуальности)

формируется интерпретанта, подчеркивающая индивидуальные признаки «видимости» невидимки: «чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо», «огромные очки вместо глаз», «что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти». И наконец, интерпретанты, создаваемые на третьем этапе (в категории Третичности, которая есть уровень закона, устанавливающего связи внутри системы), есть то окончательно мнение, которое определяется в конце как истинная интерпретация: «Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда», «Невидимка!» Действительность «невидимости» представлена как результат конструирования, а средством этого конструирования выступают паттерны интерпретант, обладающие способностью активизироваться целиком при активизации любой своей части. Это и есть определенная топология процессов знаковой динамики, неизменная в своих непрерывных деформациях; она разворачивается в определенных схемах, согласно определенным правилам, которые мы смогли определить.

Для иллюстрации нарушения «работы» механизмов знаковой динамики как последовательности интерпретаций можно привести наблюдение врача-нейропсихолога Оливера Сакса⁸ за больным зрительной агнозией – неспособностью идентифицировать окружающие предметы. Наблюдаемый – известный музыкант. Его патология описывалась следующими симптомами: он не узнавал лиц и иногда принимал за людей посторонние предметы. Он не мог определить, кто из его близких родственников изображен на фотографии и однажды принял жену за шляпу. При этом он чувствовал себя полностью здоровым и ни в малейшей степени не страдал от указанных симптомов. Дальнейшее наблюдение выявило, что больной выхватывал и изучал отдельные черты, но не мог охватить предмет как целое. За реальностью он видел лишь набор абстрактных черт. Предложенную ему перчатку больной определил как «непрерывную, свернутую на себя поверхность». Как делает вывод О. Сакс, для него не существовало зримого мира, визуально он блуждал в мире безжизненных абстракций. Интересен не сам факт патологии, а те инструменты, которые были использованы больным для реконструирования реальности. Этим инструментом стала музыка. «Музыка, – пишет Сакс, – полностью заняла у него место образа». Больной, будучи музыкантом, делал все домашние дела напевая. У него была своя песня для еды, для умывания и т. д. Музыка для него стала связующим звеном, позволяющим обрести окружающей действительности чувство реальности. Тем самым больной использовал только синтаксический канал в паттерне интерпретант как связующее звено для конструирования целостной

картины мира. Данный вывод является значимым, поскольку раскрывает семиотический механизм конструирования реальности в целом, посредством активизации только одной его части.

Однако закономерности процессов знаковой динамики обусловлены не только внутренними механизмами, они зависят от внешних условий. Как отмечал Ю. Лотман: «Семиотика культуры заключается не только в том, что культура функционирует как знаковая система <...> само отношение к знаку и знаковости составляет одну из основных типологических характеристик культуры»⁹. Беспрецедентность современных коммуникационных средств состоит в том, что новые средства связи позволяют обмениваться сообщениями практически одновременно. Факторами, влияющими на процессы знаковой динамики в ситуации социально-политического кризиса, становятся: во-первых, тотальная визуальность социокультурных процессов; во-вторых, то, что процессы знаковой динамики, при построении оператора как способа целенаправленных действий завершаются когерентностью воздействия, что, без сомнения, оказывает влияние на процессы деформации культуры.

Рассмотрим первый фактор: особенность современной визуальности в увеличившейся скорости передачи информации. Именно этот фактор в современных аудиовизуальных, экранных технологиях позволяет создавать управляемый механизм комплексного воздействия на чувственный мир человека в его повседневных действиях посредством одновременного присутствия всех элементов знаковой динамики, что обусловлено усложнением технологий одновременно с упрощением их использования. Как отмечает Ж. Бодрийяр: «...мир, запечатленный камерой... – уже не тот, каким он был прежде. Он меняется в тот самый момент, когда его фотографируют...»¹⁰. Современный человек буквально срастается с мультимедийными средствами с экранным интерфейсом, превращаясь в своеобразный гибрид со специфическим набором действий и функций: человек-с/перед-камерой, человек-за/с-компьютером, человек-с-мобильным телефоном, человек-за-рулем и пр. Тотальность визуальности проявляется также в том, что экранные медиа входят в телесно-приватное пространство человека, становясь карманными, носимыми и потому доступными. Возникают новые стили коммуникативности: SMS-сообщения, интернет-чаты, электронная почта и пр. Коммуникационные средства создают новые стили, не отменяя традиционные способы общения, что свидетельствует об усложнении коммуникативной ситуации, а не о ее деградации. Однако визуальная доминанта коммуникативных процессов в социокультурной реальности является фактором, меняющим условия функционирования процессов знаковой динамики, что форми-

рует властный потенциал визуализации. Если мы проанализируем визуальные презентации в Интернете или на телевидении политических или культурных событий, то сможем определить способы, которые и задают стандарты визуального освещения событий под нужным углом зрения (выбор объекта, времени и точки съемки, зуммирование, монтаж и выделение деталей, которые отнюдь не произвольны).

Тотальная визуальность деформирует «работу» каналов трансляции знака. Характерным примером стала печать карикатур на пророка Мухаммеда одной из датских газет. В европейских странах публикация была воспринята как реализация свободы слова (прагматический канал), а на Ближнем востоке как оскорбление чувств верующих (семантический канал), причем в большинстве своем верующие не видели этих карикатур, а только слышали о них. Таким образом, публикацию карикатур «восток» и «запад» рецептировали в различных каналах. При этом оставался пустотным синтаксический канал, определяющий последовательность и взаимосвязь совершаемых действий. На данном примере можно увидеть еще один важный фактор, нарушающий гармоничную «работу» механизмов знаковой динамики – деформация блока «памяти». В Европе отсутствие синтаксического, семантического канала, а также блока «памяти» привело к тому, что СМИ (люди, отвечающие за издания) не видели логики между фактом печати и оскорблением верующих. На Ближнем Востоке масса верующих, не видя самого изображения, пользуясь только слухами (которые как операторы распространяли СМИ) не установили связь между тем, что именно было напечатано, и оскорблением своих чувств.

Указанный фактор визуальности не является единственным. Второй фактор, влияющий на условия протекания процессов знаковой динамики, связан с «согласованием темпов жизни структур, когда при построении сложной организации необходимо когерентно соединить подструктуры внутри нее, синхронизировать темп их эволюции. В результате объединения структуры попадают в один темпомир, значит, приобретают один и тот же момент обострения, начинают “жить” в одном темпе»¹¹. Этот резонанс определяется в будущем моментами обострения. Когерентность воздействия и реакции предполагает, что один и тот же образ одновременно предлагается большому количеству людей, которые практически моментально и одновременно формируют отклик на него. Темпомир мы понимаем как локальный фрагмент мира событий, образующий некоторое ограниченное макространство связанных и взаимодействующих объектов. По сути, отдельный социум – это темпомир, отдельное живое существо – это тоже темпомир.

Вновь обратимся к рассмотренному выше скандалу вокруг карикатур на пророка Мухаммеда. Впервые они были напечатаны в маленькой датской газете и прошли незамеченными годом раньше. Позднее, после придания этим событиям широкой огласки через СМИ, в достаточно короткий срок, выражающийся в нескольких часах, по всему миру начали возникать массовые акции протеста, демонстрации и т. д. Посредством существующих коммуникационных средств (Интернет, телефония и т. д.) новые образы распространились моментально и были предоставлены большому количеству людей из различных уголков мира. Само воздействие, в данном случае выраженное в событии факта печати, практически совпало с реакцией на него. В данном событии были согласованы различные события, не объединенные до этого момента. Появился локальный фрагмент мира, состоящий для каждого из множества собственных событий, в результате моментом обострения стали масштабные выступления в Европе и на Ближнем Востоке.

Внешние факторы, влияющие на условия протекания процессов знаковой динамики в современной культуре, обусловлены скоростью трансляции информации, что становится предпосылкой тотальной визуализации и когерентной реакции на визуальные образы. Мы видим полотно да Винчи и обложку романа Дэна Брауна. Между этими образами лежит семантическая пропасть, которую благодаря средствам современной коммуникации можно с легкостью переступить. И тогда «Код да Винчи» превращается в «Кота да винчи», а Микеланджело и Леонардо в черепашек ниндзя. Как точно отмечает Ф.И. Гиренок, «пустое Я становится проблемой коммуникации»¹². Тем самым масштабный характер кризисных явлений проявился в том числе в плоскости семиотического прочтения текстов культуры.

Все же мы не сводим проблему коммуникаций только к алгоритмам передачи информации, испытывающим огромное влияние научно-технического прогресса. Смысловое взаимодействие в коммуникациях включает помимо знаковой составляющей множество дополнительных параметров, что порождает новые свойства системы, которые могут быть не присущи каждому элементу в отдельности, но проявляются в современной культуре благодаря объединению многих элементов.

Тем не менее хотелось бы подчеркнуть актуальность исследования процессов знаковой динамики для понимания факторов, влияющих на политические и социальные коммуникации. Итальянский архитектор и философ П. Вирилио в книге с характерным названием «Машина зрения» отмечает, что сегодня «война изображений и звуков подменяет собою войну объектов и вещей»¹³.

Данный тезис был полностью подтвержден недавними событиями на Северном Кавказе. Информационный поток как с российской, так и с грузинской стороны был переполнен знаками и образами. Но если российские СМИ были изначально ориентированы на «внутреннего» потребителя, то, как отмечают аналитики BBCRussian.com¹⁴, риторика грузинского президента была адресована западному слушателю. В своих речах, он использовал образы, вызывавшие у западной аудитории соответствующие ассоциации: сравнение Грузии с романтическим городом на холме ассоциируется с идеальным и благополучным государством, которое хотели построить американские отцы-основатели, а видеоряд с танками на улицах Праги – с жесткой агрессией сильного государства в отношении слабого, но свободолюбивого народа.

В связи с этим подчеркнем, что процессы знаковой динамики являются не столько фрагментом совокупного текста культуры, сколько специфическим способом производства значений, необходимой формой представления знания. Особенность современных коммуникаций в том, что мы в своем поведении – политическом, потребительском, повседневном – ориентируемся более на образы вещей, людей, событий. Понимание закономерностей и условий протекания процессов знаковой динамики, образующих в результате сложную сеть семиотических конфигураций коммуникативного пространства, дает понимание внутренних тенденций развития современного коммуникативного пространства, что проливает свет на природу трудностей управления сложными самоорганизующимися системами. Тем самым существенным условием современной познавательной парадигмы становится знание о правильно распределенном в пространстве и времени влиянии на процессы знаковой динамики.

Примечания

- 1 См.: *Гиренок Ф.И.* Ускользающее бытие. М.: РАН, Ин-т. философии, 1994.
- 2 *Эриксен Т.Х.* Тирания момента: Время в эпоху информации: Пер. с норв. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. С. 40.
- 3 См.: *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 503.
- 4 *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество: Пер. с ит. М.: Изд-во «Логос», 2002. С. 34.
- 5 Информация рассматривается с позиции информационно-синергетического подхода, предложенного И.В. Мелик-Гайказян, как процесс в последовательности отдельных и несводимых друг к другу стадий, которые для исследователей являются самостоятельными предметами изучения. См.: *Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф.* Методология моделирования

- нелинейной динамики сложных систем. М.: Физматлит, 2001.; *Мелик-Гайказян И.В.* Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. 2007. № 3. С. 32–43.; *Мелик-Гайказян И.В., Петрова Г.И., Лукьянова Н.А. и др.* Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.
- 6 См.: *Корогодин В.И.* Информация и феномен жизни. Пущино: АН СССР, 1991.
 - 7 См.: *Мелик-Гайказян И.В., Петрова Г.И., Лукьянова Н.А. и др.* Указ. соч. С. 221.
 - 8 См.: *Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. СПб.: Science Press, 2005. С. 11–20.
 - 9 *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 490–491.
 - 10 См.: *Кулик И.* Жан Бодрийяр: мир, запечатленный камерой, – уже не тот, каким он был в реальности // Артхроника. 2002. № 3. С. 86–88
 - 11 *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и доли управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Т. 1. М.: Изд-во «Перспект», 2004. С. 139.
 - 12 *Гиренок Ф.И.* Указ. соч.
 - 13 См.: *Вирильо П.* Машина зрения. СПб., 2004. С. 126.
 - 14 См.: Уроки информационной войны на Кавказе // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7581000/7581065.stm.

Г.П. Бакулев

ВЛАСТЬ И МАССМЕДИА: МАССЫ НЕ В СЧЕТ

Традиционно в критических исследованиях средств массовой коммуникации рассматривается, как власти используют медиа для продвижения и закрепления статус-кво и культуры с целью сохранения доминирующего положения в обществе. Одно из направлений критической мысли – теории элиты, доказывающие ограничение влияния и минимизацию роли рядовых граждан в жизни государства. Вместо того чтобы вовлекать массы граждан в политический процесс, избирательные кампании, межпартийная борьба, деятельность групп влияния способствуют формированию специализированных элит. Эти сферы теперь контролируются профессионалами массмедиа, лидерами партий и руководителями больших групп влияния, агентствами по связям с общественностью и маркетингу. Рядовым гражданам и избирателям отводится лишь роль статистов в обсуждении (составленного где-то) набора приоритетных проблем с опорой на весьма скудную информационную диету. Речь идет о «формировании нового варианта дихотомии «масса–элита», а именно, «элита–элита», минующая массу граждан.

Ключевые слова: критические исследования, теория элит, власть и массмедиа, парадигма элита–масса, межэлитная коммуникация

Массмедиа неспроста оказались в центре внимания ученых-критиков: их связывают с целым рядом социальных проблем, считая если не источником, то препятствием на пути их выявления и последующего решения. Согласно одной из концепций, методы производства медиаконтента способствуют возникновению или обострению определенных проблем, а общепринятая практика подготовки информационных сюжетов о разного рода

кризисных ситуациях неспособна изменить общество так, чтобы предотвратить будущие катастрофы.

Лидеры общественных и политических движений требуют, чтобы их заявления находили адекватное отражение в медиа. Элиты же стремятся свести их освещение к минимуму и даже прибегают к «подтасовке фактов», чтобы представить свою позицию в наиболее выгодном свете. Согласно исследованиям, в таких материалах почти всегда общественное движение изображается в негативном свете, а элита – в позитивном.

Медиаисследования, посвященные проблемам власти и политики, как правило, ограничивались парадигмой элитно-массовых коммуникаций посредством массмедиа. Как критическое направление в культурных исследованиях, так и политэкономическая традиция в социологии коммуникации исходили из одного простого постулата – правящие классы сохраняют свое положение благодаря контролю над идеями. Политэкономисты это переводят в анализ средств производства (собственности, рекламы, правового регулирования и т. д.), позволяющих государству и/или корпорациям контролировать производство медиатекстов. Аналогичным образом те, кто изучают культуру, предлагают множество средств («псевдоиндивидуализм», «интерпелляция», «первичная дефиниция» и т. п.) для объяснения эволюции и перетока «господствующих идеологий» между властью и массами граждан.

Либеральные плюралисты в исследованиях как медиа, так и политических коммуникаций цепляются за «идеальный тип» демократии, связывающий процесс принятия решений элитой вместе с массой граждан-потребителей с помощью массмедиа. Концепции активной аудитории ставят во главу угла индивидуальную автономию, но опять же в рамках конструкции «элита–масса». Во всех этих подходах центральным в понятии власти является присутствие массовой коммуникации. Будь массмедиа средством укрепления или подрыва демократического процесса, средством поддержания классового господства или средством обеспечения непрерывной циркуляции мощной элитарной или доминирующей культуры, коммуникация между элитой и массой остается ключевой.

Сегодня эти теории, построенные на идеях массового общества или ограниченных эффектов, похоже, больше не отражают важные изменения, происходящие в структуре отношений между элитами и широкой аудиторией. Взрывной рост числа и разнообразия коммуникационных каналов вызывает фрагментацию широкой разрозненной аудитории. Раздробленная, дифференцированная аудитория, будучи огромной по совокупной численности, не является более массовой в смысле одновременности и единообразия прини-

маемых программ. Новые средства массовой коммуникации перестали быть массовыми в традиционном смысле слова, когда подразумевается, что однородная многочисленная аудитория принимает ограниченное число сообщений из одного центрального источника. Самостоятельно выбирая сообщения, медиапользователи способствуют дальнейшей сегментации аудитории и активизации персональных контактов между отправителем и получателем информации.

В то же самое время исследователи наблюдают снижение поддержки массовых партий и национальных институтов, так как граждане все больше обращаются к альтернативным формам политической активности. Вместе взятые, эти тенденции говорят о том, что классические критические парадигмы в медиаисследованиях больше не работают.

Кто же находится у власти сейчас с точки зрения критической теории элиты? Взаимосвязанные элиты, состоящие из владельцев и топ-менеджеров корпораций, правительственных чиновников и технократов, используют власть в собственных коллективных интересах, отстраняя рядовых граждан от активного участия в управлении. Причем элиты интернационализируются, распространяя свое влияние на региональных и даже глобальном уровнях¹.

У многих исследователей этот сдвиг парадигмы не вызывает удивления. Накопленные за последние годы результаты свидетельствуют о необходимости смещения фокуса анализа с проблем неравенства или дискуссий о власти в обществе на альтернативную критическую перспективу, вариант которой предлагает, например, Дэвис². Согласно этой концепции, межэлитная коммуникация и элитарная культура так же, если даже не больше, важны для поддержания политических и экономических форм власти в обществе. В этой альтернативной парадигме большая часть переговоров происходит вне общественной сферы массмедиа и без учета массы потребителей-граждан. Там, где медиа хоть как-то задействованы, существенная часть дискуссий оркестрована определенными элитами и ориентирована на те элиты, которые принимают решения.

Основанием для этого альтернативного подхода могут служить данные, содержащиеся в исследованиях медиа и культуры, политических коммуникаций и политсоциологии.

Как утверждает Дэвис, вопрос влияния медиа теряет свою значимость по ряду причин. Во-первых, судя по результатам целой серии исследований производства новостей, новостное содержание становится менее информативным и более аполитичным. Обострение конкуренции заставляет новостные организации наращивать объем производства и, чтобы сохранить свою долю аудитории,

популяризировать контент. Расследовательская, контекстуальная журналистика и освещение сложных дебатов принятия решений, таким образом, уступают место скандалу, «инфотейнменту», сообщениям о ньюсмейкерах и пиару. По сути, идет ревизия набора новостных ценностей, руководствуясь которыми журналисты когда-то считали своим долгом освещать социальные и политические процессы, теперь же для них предпочтительнее альтернативные, более коммерчески выгодные формы репортерской деятельности.

Какими бы ни были изменения в контенте или качестве новостей, данные говорят о том, что растущая доля публики менее настроена поглощать «новости на политические темы». Даже с учетом фрагментации аудитории доля смотрящих/читающих новостную продукцию постоянно сокращается, а те потребители новостей, которые еще остаются, больше интересуются информацией, спортом и развлечениями³. Теперь говорят об «онемении» аудитории и росте ее аполитичности.

Во всех постиндустриальных обществах отмечается весьма сильный спад в поддержке традиционных политических партий и национальных законодательных органов. Сокращается численность членов партии, падает электоральная поддержка и снижается доверие к политикам и к избирательной системе в целом, тогда как усиливается поддержка протестных движений и групп давления. Кроме того, постепенно контроль над экономическими ресурсами переходит от центрального правительства в руки независимых от него комитетов, представляющих интересы корпораций, групп давления и международных организаций.

Дэвис делает вывод, что парадигма «элита–масса», преобладавшая в исследованиях медиа и культуры, а также политических коммуникаций, отходит в наше время на второй план.

Отправной точкой альтернативной теории должны быть не массмедиа и их влияние на большую аудиторию, а коммуникации вокруг конкретных политических акторов. Иначе говоря, исследования нужно начинать с наблюдения за теми, кто участвует в процессе принятия важных политических решений или оказывает на него влияние, и посмотреть, как медиа, культура и коммуникации влияют на стандартные процессы принятия решений. Если следовать в этом направлении, по крайней мере со ссылкой на новостные медиа, вырисовывается совсем другая критическая парадигма.

Анализ системы отношений «медиа–источник» указывает на то, что в производстве новостей доминируют элитные источники. В работах об освещении политики, преступлениях, проблем окружающей среды, соцобеспечении, финансовых вопросов, войны и т. д. самыми цитируемыми являются источники институциональ-

ных и в меньшей степени корпоративных элит и они же служат основными поставщиками новостных «информационных субсидий».

Во-вторых, многие из тех же самых исследований подчеркивают, что элиты публично договариваются и дискутируют друг с другом. Правительство, политические партии, деловые ассоциации и отдельные корпорации часто пытаются использовать медиа для пропаганды своих собственных политических и экономических целей, не совпадающих с целями конкурентов.

В-третьих, есть немало исследований, свидетельствующих о том, что сами элиты подвержены влиянию медиа и «доминирующих идеологий».

Это естественно подводит нас к четвертому аргументу, который подтверждается исследованиями элитных источников новостей, т. е. тех, на которые направлена большая часть рекламной деятельности, ориентированной не на массу граждан, а скорее на другие элиты-конкуренты. Корпоративные и политические элиты, желающие пообщаться с широкой общественностью, тоже уделяют много времени пикировке с другими элитами-конкурентами на всех уровнях.

Интересным представляется исследование распространения влияния экономической и политической власти в обществе на основе анализа модели коммуникации между элитами в рамках ЕС посредством элитных европейских новостных медиа. Рассмотрев сложные отношения редакции газеты *Financial Times* со своими элитными источниками в общеевропейских организациях, авторы приходят к выводу, что *Financial Times* – важная часть формирующейся общеевропейской элитарной сферы, которая функционирует совершенно независимо от какой-либо общественной сферы⁴.

Опираясь на эмпирические данные, полученные из элитных источников новостей и от элитных журналистов, Дэвис выявляет ряд других тенденций в пользу альтернативной парадигмы. В частности преднамеренное блокирование доступа широкой аудитории к массмедиа и ограничение освещения событий общественно-политической жизни; создание малых элитных коммуникационных сетей, использующих ведущих журналистов; «ангажирование» репортеров «политическими сообществами», о которых они сообщают.

Все вместе эти позиции рисуют сценарий, в котором элиты – одновременно основные источники новостей, главные цели новостей и одни из объектов, испытывающих наиболее сильное влияние новостей. Если это действительно так, то можно сделать вывод, что основная функция новостных медиа – выступать в качестве

коммуникационных каналов во время переговоров между различными группами элит, минуя при этом массу граждан. Решения по таким вопросам, как выработка институциональной политики, законотворчество, обсуждение бюджетов, регулирование и властные структуры, принимаются в коммуникационных сетях, в которых масса граждан не более чем малоинформированные наблюдатели.

Примечания

- ¹ *Murphy J.* Critical Challenges in the Emerging Global Managerial Order // *Critical Perspectives on International Business*. 2006. №2 (2). P. 128–146.
- ² См.: *Davis A.* Whither Mass Media and Power: Evidence for a Critical Elite Theory Alternative // *Media, Culture and Society*. 2003. №25. P. 669–690.
- ³ См.: *Negrine R.* *The Communication of Politics*. L.: Sage, 1996.
- ⁴ См.: *Corcoran F., Fahy D.* Exploring the European Elite Sphere: The Role of the Financial Times // *Journalism Studies*. 2009. №10 (1). P. 100–113.

Д.И. Аксеновский

БЮРОКРАТИЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ИМИТАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Не надо говорить, что в России власть – это все.
Во власть приходят уже где-то и кем-то
воспитанные и обученные деятели.

А.И. Пригожин

Образовательные проекты по подготовке кадров для государственной службы являются микромоделями реализуемой власти. Поэтому запуск нового для России формата обучения чиновников, определяемого как «МВА для бюрократии», выступает характерным симптомом разворачивающегося в нашей стране процесса имитации модернизации власти, призванного скрыть неконкурентоспособность бюрократии, добившейся своего отождествления с государством, переводом политических проектов в плоскость экономических и социальных инициатив.

Ключевые слова: бюрократия, псевдоэлита, неконкурентоспособная власть, экспертократия.

Выдвижение в нашей стране бюрократии на позицию «правлящего класса» в современных условиях означает осуществление устаревшего понимания власти, отождествляющего власть с государством. Современная трактовка власти, реализуемая в опыте развитых стран и особенно в практике социальных трансформаций Германии и Китая, демонстрирует переход функций «правлящего класса» к ротирующимся элитам, смена которых обусловлена их способностью к производству новых смыслов. Именно это – ориентация на производство перспективных ценностей и целей – отличает элиту от бюрократии, которая работает со способами реализации планов и определяет свои приоритеты в количественных характеристиках (например, профицит бюджета, снижение инфляции, удвоение ВВП, рост социальных выплат). По мнению Р. Шайхутдинова, элита является тем механизмом демократического общества, который производит трансценденции власти, позволяющие преодолеть качественную границу, сделать

качественный скачок. Но сегодня, по его оценке, в России элиты еще не сложились, а их место пока занимают псевдоэлиты: «Элита – это не те, кто достиг определенных успехов. Это не нувориши (новые богатые), не чиновники высокого ранга, не те, кто сделал карьеру в разных областях... это не средний класс... который в силу врожденного стремления к стабильной жизни является консервативной силой общества... элита – это не интеллигенция, увлеченная дискуссиями относительно правильного устройства страны и власти... часто она оказывается неспособна формировать и осуществлять на себе новые трансценденции, соразмерные стране и народу... это не профессионалы, ведь “развитие страны” не является предметом специализации ни для одной из профессиональных групп: его может взять на себя и осуществить только власть. Поэтому профессионалы – это худший из всех видов псевдоэлит»¹.

Отсутствие отечественной элиты определяет и то, что наша страна не включена в когнитивную фазу развития человечества как борьбу нескольких постиндустриальных проектов, центрирующихся вокруг идеи формирования экономики и общества, основанных на знании. Более того, Россия до сих пор не стала страной с рыночной экономикой, оставаясь страной с сырьевой экономикой, построенной на отношениях ренты. Для обозначения этого состояния С. Кордонский вводит новое понятие – «сырьевое государство» – и подвергает ревизии сложившиеся представления о линейности развития российской государственности и о том, что после распада СССР в России возник и развивается капитализм. Обоснование тезиса о цикличности динамики российской государственности выстраивается на раскрытии неадекватности существующих интерпретаций того, что в нашей стране называется «экономическим ростом». Корректнее, считает автор, говорить о том, что в силу особенностей устройства ресурсного государства периоды ослабления и экономической деградации сменяются периодами укрепления государственности, сопровождаемыми «восстановлениями народного хозяйства», где распределительная система является субститутом общества, а административный рынок – субститутом государства².

Не став элитой, но стремясь сохранить свою позицию «стоящих у власти», бюрократия вынуждена сопротивляться современным угрозам для власти в виде политических (особенно в режиме «цветных революций»), террористических, финансовых и юридических атак. Однако, несмотря на то что конкурентоспособность власти определяется прежде всего ее способностью создавать и реализовывать собственные проекты, Россия сегодня движется в направлении заимствования ориентированных на нормативность

«западных ценностей», мобилизуется лозунгами достижения стабильности, означающими заведомый проигрыш в конкурентной борьбе, и до сих пор своим приоритетом считает конкуренцию в экономической области и уделяет основное внимание росту ВВП и зарплаты. Проблема здесь не в том, что идет копирование ценностей чужих проектов, которые могли бы быть использованы для выработки собственных трансценденций, а в том, что «идея нормативной политики находится в глубоком теоретическом кризисе, поскольку современных теоретиков в гораздо большей мере заботят способы легитимации, чем политические смыслы, которые по мнению многих, ставших уже классическими авторов, легитимируют саму политическую культуру. Как подчеркивала Арендт, только те политические проекты можно назвать перспективными, которые могут удержать собственную политичность и не опрокинуться в социальные, юридические, экономические или иные логики самообоснования»³.

Подобное «опрокидывание в иные логики» и определяет имитационный характер бюрократии как неконкурентоспособной власти, выражающийся в отсутствии политических проектов модернизации власти при маскировке бессмысленности существования государства в реализации национальных экономических и социальных проектов. Неспособность порождать смыслы как характеристика бюрократии особенно остро проявляется в кризисных ситуациях. Так, принятые решения в условиях текущего финансово-экономического кризиса свидетельствуют о неспособности «правлящего класса» извлечь уроки из предыдущих кризисов 1986–1990 и 1998 гг., когда, как и сейчас, была упущена возможность снизить зависимость от экспорта сырья и пересмотреть экономическую модель для создания экономики, которая построена на инновационном мышлении и стабильном росте производительности. Вместо этого при пересмотре бюджета сокращаются инвестиции в те отрасли экономики, которые играют ключевую роль для роста производительности, а также в инфраструктуру страны (например, откладывается давно необходимая модернизация транспортной системы и системы электроснабжения), а в качестве приоритетов выступают – поддержка банковской системы, сохранение заработной платы госчиновникам и увеличение лимитов, установленных для социальных программ⁴.

При этом за последние пятнадцать лет идет постоянное увеличение числа чиновников⁵ при явном ухудшении качества их работы, что наиболее проблемно выражается в снижении конкурентоспособности страны⁶, неспособности государства осваивать новые технологии биовласти⁷ и интенсивном возрождении стереотипов

кормления, которые «выражают идеологический выбор и отсылают к хорошо известным системам референций... они исключают параметры поведения, которые определяются в иных сферах мысли и действия: в юридической, экономической, политической»⁸. Выбрав в качестве технологии своего воспроизводства «освоение бюджета», бюрократия не смогла воспользоваться докризисной благоприятной конъюнктурой для успешной реализации национальных проектов, сворачивание которых теперь списывается на мировой финансово-экономический кризис. Именно об этой ситуации говорит В. Макаров, руководитель стартовавшего в 2007 г. образовательного проекта «Высшая школа государственного администрирования», утверждая, что «в России 1,5 млн чиновников, и 99% из них не являются профессионалами-управленцами»⁹, и определившего целью ВШГА «научить молодое поколение не только моделировать, но и воплощать в жизнь государственные проекты»¹⁰.

С формальной точки зрения уровень профессиональной подготовки чиновников является удовлетворительным: 80,1% федеральных государственных гражданских служащих имеют высшее образование; 16,5% – среднее; но 3,4%, а это более 20000 человек – не имеют профессионального образования¹¹. На муниципальном уровне показатели немного хуже. Однако в том, что касается дополнительного профессионального образования, значение которого в последнее десятилетие только увеличивается, потому что «успешный переход к экономике и обществу, основанным на знаниях, должен сопровождаться процессом непрерывного образования»¹², ситуация оборачивается серьезной проблемой: два и более высших образования имеют 7,8% федеральных государственных гражданских служащих; ученые степени – 1,3%; повысили квалификацию – 15,2%; получили профессиональную переподготовку – 1,8%; прошли стажировку – 0,2%¹³. Здесь также следует отметить, что на региональном уровне данные показатели еще ниже. А то, что чиновники воспринимают дополнительное образование лишь как обязанность, закрепленную в правовых нормах¹⁴, а не действенный инструмент совершенствования своей профессиональной деятельности, подчеркивает несовременный характер реализуемой в нашей стране власти. О подобном отношении свидетельствует высокий относительно других показателей процент по такой форме обучения, как повышение квалификации, единственно являющейся обязательной и проводимой не реже одного раза в три года.

В содержательном плане отмечается массовое рекрутирование представителей двух узкоспециализированных профессиональных групп, способных обслуживать экономические и социальные

проекты – менеджеров и юристов. Указанные тенденции получили четкое выражение в статистических данных: 39,9% от общего числа чиновников имеют образование по направлению «Экономика и управление», но в рамках этого направления по специальности «Государственное и муниципальное управление» – менее 5%; 28,7% – по направлению «Юриспруденция»; тогда как показатели по другим направлениям профессиональной подготовки разместились в диапазоне от 0,2% до 3,9%¹⁵.

Менеджеры требуются не для совершенствования процессов и структур управления в освоении инноваций, а для организации административного торга, который опирается на «повышение статуса в иерархиях того, что считалось властью»¹⁶. Поэтому отношения административного рынка принципиально антиинновационны, ведь в рамках, заданных отраслевой структурой производства, административно-территориальным делением государства и особыми институтами управления, образующими «вертикаль» власти, единственным способом решения является повышение статуса. А юристы призваны для применения правовых средств в решении управленческих проблем, при этом речь идет не о работе судебной власти, а о типе стратегического мышления, основанном на необходимости все и всегда сверять с «буквой закона», т. е. действовать программно, а не проектно. Однако сегодня управление через нормирование оценивается как неэффективный прием, все чаще сигнализирующий о неспособности управляющего вырабатывать эффективные решения (где правовые нормы являются лишь одним из факторов, а утверждение каких-либо норм не является мотивом к их исполнению) и даже о его уклонении от исполнения сложных властных функций. Но именно использование технологий управления и правовых средств как способов манипулирования людьми с помощью специализированных знаний позволяет бюрократии консервировать в своих интересах ситуацию в стране.

Подчеркнем, что в этом случае управленческое и правовое знание не образует технологию власти как работу по развитию конкурентоспособности страны, так как эти инструменты используются лишь для обслуживания конкуренции внутри бюрократии. Более того, бюрократизация ликвидирует власть путем ее имитации, подменяя перспективные национальные проекты попытками модернизировать власть псевдопроектами, направленными исключительно на укрепление самой бюрократии. Так, псевдопроектом является инициатива по «укреплению вертикали власти», знаковыми этапами которой стали переход от выборов к назначению губернаторов и возвращение фактически к однопартийной системе, или инициатива по «социальным гарантиям», результаты которой выражаются,

с одной стороны, в реальности участия чиновников в распределении прибылей, а с другой – в виртуальности улучшения, например, жизни пенсионеров за счет ежегодного повышения пенсий на несколько сот рублей.

И дело здесь не в заговоре «сильных мира сего» против «прогрессивного человечества», не в том, что одни оказываются более хитрыми, а другие позволяют себя обманывать. Такова логика бюрократии как неконкурентоспособной власти, главной проблемой которой является то, что «государство совпадает с властью, следовательно – власть в России сейчас представлена одной-единственной инстанцией, которая вынуждена заниматься всем и отвечать за все»¹⁷. Заниматься всем и отвечать за все – очень сложно, и эта сложность, которая может быть упрощена только формализацией в виде задаваемых образцов поведения, что, собственно говоря, и выполняется на государственном уровне правовыми средствами, фрагментирующими человека до набора функций, адекватных не реальным потребностям людей, а распределительным возможностям бюрократии.

Поэтому-то, если продолжать предыдущий пример, прибавка к пенсии в несколько сот рублей оказывается незначительной для пенсионера, но значимой для имитации власти, так как позволяет демонстрировать бюрократии свое соответствие, пусть и в малой степени, образцу «социального государства», являющегося чужим внешним проектом конкурентоспособной, и по этой причине имитируемой, власти. Здесь степень соответствия будет не целью, а процессом, сознательно растягиваемым в силу банального недостатка ресурсов у неконкурентоспособной власти, маскирующей свою несостоятельность «заботой обо всех»¹⁸. Исходя из этого, спорным представляется утверждение о том, что «сейчас для России среди ценностей и норм абсолютный приоритет имеет законность. Это исходная точка модернизации»¹⁹. Право не является самоценностью, это одно из средств ведения конкурентной борьбы, которое может быть использовано как для обеспечения процесса модернизации, так и, наоборот, для консервации, что сейчас и наблюдается в российском обществе.

Технологии же менеджмента используются для того, чтобы работать с отклонениями от задаваемых образцов. Однако подобные отклонения, с точки зрения бюрократии как слабой (не способной на большее, чем имитация) власти, не могут быть случайными, в силу чего они тоже вынужденно формализуются – неконкурентоспособная власть создает ситуации, вынуждающие отдельного человека противостоять ей, чтобы иметь потом возможность с этим бороться. Акцент на менеджменте сделан потому, что этот вид

управления реализуется хозяйствующим субъектом в условиях свободного рынка, на потребности которого он и ориентирован. В этом смысле менеджмент прямо противоположен бюрократии, строящейся на подчинении, безличности и ориентации на цели организуемого взаимодействия, а не на удовлетворении потребностей участников. Это значит, что неконкурентоспособная власть своим противопоставлением видит не проекты других государств и их элит, а самозанятость своих граждан – бизнес и самодеятельность социального творчества.

В нашей стране традиционная неразвитость самоуправления граждан сделала это формализуемое в правовых нормах «отклонение» неинтересным в плане соперничества даже для слабой власти, а вот набравший силу бизнес бюрократия восприняла как серьезного соперника. Однако бизнес быстро попал в правовую ловушку, посчитав, что может освоить процедуры выборов и использовать их для реализации своих собственных проектов относительно власти, которую стремился сделать цивилизованной, т. е. модернизировать ее. Но как только бизнес начал проводить самые демократичные избирательные кампании, соответствующие всем требованиям и без того сложно регламентированного процесса, бюрократия создала и стала широко применять механизм, находящийся вне рамок избирательных технологий – налоговые проверки, которые уничтожили всех политических противников от бизнеса. Возможность выхода за рамки правового поля – это то, что бюрократия стремится сделать эксклюзивным, оставить только за собой. Иначе возникают проблемы, затрудняющие работу бюрократии. Но здесь же и «ахиллесова пята» бюрократии, создающей тем самым программу саморазрушения, когда законные действия по принуждению госструктур к работе в правовом поле могут ликвидировать государство, что и было продемонстрировано в технологиях так называемых цветных революций.

Таким образом, для российской бюрократии, добившейся своего отождествления с государством и властью и по этой причине сделавшей их неконкурентоспособными, периодическое переключение акцентов в своей деятельности с правовых технологий на менеджериальные (от изменений в конституции и реформы местного самоуправления до национальных проектов и госкорпораций) позволяет имитировать модернизацию власти путем отказа от политических проектов в пользу социальных и экономических. А встроенный в этот процесс механизм конструирования соперника для проведения внутренних соревнований имитирует конкурентоспособность бюрократии. В этом случае имитируется и множественность политических субъектов, когда инстанции власти заменяются

административным торгом между элементами иерархической системы, например между «московскими» и «питерскими» командами, федеральным центром и регионами, административным и партийным аппаратом, «партией власти» и ее клонами.

Если принять во внимание известный вывод М. Фуко о том, что «полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью – знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания»²⁰, то есть основания утверждать, что образовательные проекты по подготовке кадров для государственной службы являются микромоделями реализуемой власти. В связи с этим отмеченное ранее отношение российских чиновников к дополнительному профессиональному образованию с их уверенностью в том, что однажды полученных знаний будет достаточно для всей профессиональной карьеры, выступает характерным симптомом антиинновационного сознания и показателем ориентации на консервацию, свойственную природе бюрократии. Именно ориентация на консервацию как принцип функционирования бюрократии вынуждает ее имитировать модернизацию власти.

Поэтому даже новый для России формат подготовки высшей бюрократии, реализуемый уже упомянутой ВШГА, который в отличие от признанного авторитета в этом секторе образования – Российской академии государственной службы при президенте (РАГС), созданной на базе ранее выполнявшей аналогичную функцию в СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС, нацелен на становление профессионалов-практиков и представляет собой лишь заимствование западноевропейского образовательного стандарта. Это копия французской «Национальной школы администрации», которая, по сути, является закрытым клубом высших чиновников Пятой республики. Если рассматривать эту инициативу как проекцию понимания власти со стороны «правлящего класса», то получаем аргументы в пользу обоснованности вышеизложенных рассуждений о наблюдаемой сейчас в нашей стране имитации модернизации власти.

Во-первых, само заимствование образовательного стандарта означает отказ от собственных амбиций и готовность включиться в реализацию чужого внешнего проекта в роли исполнителя. Выбранный стандарт, уже определенный журналистами как «МВА для бюрократии», является широко применяемой технологией массового образования, эффективность которой уже давно поставлена под сомнение. Тогда как в нашей стране разработаны собственные уникальные образовательные проекты, делающие акцент

не только на формировании отечественных элит, но и на организации подготовки специалистов по социальному управлению на экспорт²¹. Однако стремление хоть в какой-то мере соответствовать «общепризнанным» стандартам оказалось более значимым, чем возможность реализовать более сложную и перспективную новацию. В этом случае технологизация образования с акцентом на тиражировании готового знания означает устранение такой ранее ключевой для системы образования функции, как производство новых знаний, что низводит ее до положения интеллектуального сервиса, готовящего узких профессионалов, ориентированных не на универсалистское, а на экспертное знание. Технологизация также означает и то, что система образования избирает простую схему подчинения административному рынку, обрекая себя на осуществление инерционной деятельности в виде реакции, всегда отстающей от того, что руководители этого проекта определили как «задания на целевую подготовку»²².

Во-вторых, то, что обучение в ВШГА платное и стоимость его высока, а также то, что направление на обучение дают руководители территориальных администраций говорит о том, что такое образование отягощено кредитными обязательствами, и не только денежными, но и моральными. Этот факт можно оценивать на личностном уровне как способ удержания новичков и, судя по всему, талантливых специалистов, в чиновничьей корпорации, а на системном уровне – как выражение так называемого имперского стиля мышления, считающего избранную им модель организации власти единственно правильной, а своей миссией – подчинение других «правильному» выбору. Ставка на «предпринимательскую» модель образования означает отмену принципа «равенства возможностей» и права на самоопределение в процессе формирования собственного будущего, создавая ситуацию, когда образование, по аналогии с любым другим товаром или услугой, обретает стоимость раньше, чем полезность. Это обуславливает не просто распространение рыночных ценностей, но является симптомом возникновения новой формы ценностного сознания, в рамках которого ценным оказывается то, что включено в систему меновых отношений и в буквальном смысле может «что-то стоить». Поэтому к такому образованию и относятся лишь как к плате за билет, позволяющий войти в закрытый клуб, который «придает выпускнику солидный вес, как на государственной службе, так и в деловом сообществе»²².

В-третьих, здесь не идет формирование элиты, так как готовят к карьере в конкретных сферах профессиональной деятельности (административно-управленческой, организационно-распорядительной, организационно-экспертной и организационно-проект-

ной), анализируют «истории успеха» и делятся опытом главные российские аппаратчики, а практикуются студенты непосредственно в аппарате госструктур. Но наиболее важно здесь то, что идет «подготовка государственных служащих, которые впоследствии будут одновременно экспертами и менеджерами». Это означает, что российская бюрократия становится экспертократией, для которой характерно замещение дискуссии о перспективах развития страны перепроизводством мнений, маскирующих отсутствие смысла утверждением о том, что эксперт – это «специалист не в знании, а в незнании. Причем специалист практикующий – поскольку его власть в том, чтобы объявлять нечто неважным, несостоятельным, никчемным»²³. Подобная процедура «объявления чего-то неважным» схожа с описанной У. Бекком процедурой производства риска через критику и дискредитацию, превращающейся в мощный фактор экономического подъема, сила которой заключается в том, что, во-первых, риски нельзя удовлетворить как потребности, а во-вторых, риски создают совершенно новые потребности, независимые от сферы удовлетворения человеческих потребностей: «Иными словами, проводится не превентивная, а символическая политика устранения рисков, на деле их умножающая. Создается соответствующая индустрия. “Делать вид” – вот что побеждает и становится программным»²⁴.

В результате российская бюрократия, стремясь к замещению собой «всех и вся» в достижении предела моновласти, превращается в своего соперника, с которым соревнуется с начала новой российской истории – она становится бизнесом (для этого и требуется менеджериальная подготовка), создающим с помощью специализированных знаний (а для этого нужно быть экспертом) быстрорастущие рынки опасностей и рисков, а не смыслы и проекты цивилизационного развития. Проблема в том, что, как и любая другая группа профессионалов, «государственные администраторы» перестраивают общество под свое, локализованное профессиональным знанием (в особенности правовым сознанием) понимание власти. Но государственные деятели, получившие профессиональную подготовку в одной из специализированных областей знания с производным от этого ограниченным видением целого (народа, страны, мира), не могут создать конкурентоспособную власть как постоянное производство перспективных для страны целей и ценностей. В итоге такая неспособность приводит к подмене политических проектов экономическими и социальными, имитирующими модернизацию власти в стране.

- 1 *Шайхутдинов Р.Г.* Современный политик: охота на власть. М.: Европа, 2006. С. 73–74.
- 2 Подробнее см.: *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство: сб. статей. М.: Regnum, 2007.
- 3 *Ерохов И.А.* Современные политические теории: кризис нормативности. М.: Праксис, 2008. С. 220–221.
- 4 См.: Nomiga: У России есть лишь две возможности остаться конкурентоспособной // Департамент аналитической информации информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://www.quote.ru/research/news.shtml?2009/03/26/32347877>
- 5 Численность работников органов государственной власти и местного самоуправления: 1994 г. – 1004400 человек; 2007 г. – 1623900 человек (См.: Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2008).
- 6 Подробнее см.: *Данилов И.П.* Конкурентоспособность регионов России: теоретические основы и методология. М.: Канон+, 2007.
- 7 Биовласть – «выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» (См.: *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. С. 37).
- 8 *Кондратьева Т.С.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М.: Роспэн, 2006. С. 161.
- 9 *Литвинов А.* Их университеты // Smartmoney: аналитический деловой еженедельник. 2006. № 38 (38).
- 10 Администрация Высшей школы государственного администрирования МГУ // Высшая школа государственного администрирования МГУ. URL: http://www.anspa.ru/ncd-2-45/about_nonews.html
- 11 Состав работников, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы, по полу, возрасту, стажу работы, уровню образования и направлениям подготовки базового высшего профессионального образования на 1 января 2007 года. Т. 1: По России, ветвям власти и уровням управления: Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2007. С. 195.
- 12 Меморандум непрерывного образования Европейского союза // Общество «Знание» России. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html>
- 13 См.: Дополнительное профессиональное образование работников, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы, выборные муниципальные должности и должности муниципальной службы в 2005 году: Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2005. С. 8.
- 14 См.: ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ; Указ Президента РФ «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации» от 28 декабря 2006 г. № 1474.

- 15 См.: Состав работников, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы, по полу, возрасту, стажу работы, уровню образования и направлениям... Т. 1. С. 243.
- 16 См.: *Кордонский С.Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. С. 15.
- 17 *Шайхутдинов Р.Г.* Указ. соч. С. 50.
- 18 В этой связи представляется перспективным для дальнейшего исследования провести сопоставление концепции «заботы о себе», рассматриваемой М. Фуко в качестве основания формирования субъекта, с трактовкой государства как «заботы обо всех», устраняющей субъектность через внедрение в повседневность «абстрактных» форм и средств организации межличностного взаимодействия.
- 19 *Пригожин А.И.* Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 168.
- 20 *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 43.
- 21 Подробнее см.: *Перселегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. С. 515–541.
- 22 См.: Специализированная магистерская программа «Государственное администрирование» // Высшая школа государственного администрирования МГУ. URL: http://www.anspa.ru/ncd-3-47/enter_nonews.html
- 23 *Ашкеров А.* Экспертотократия: Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2009. С. 39.
- 24 *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 68.

А.Л. Зверев

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРИКЛАДНОМУ ЗНАНИЮ О ПОЛИТИКЕ

Данная статья посвящена проблеме выработки компетентности будущих политологов в сфере прикладных знаний функционирования политической власти. В статье анализируются необходимые компетенции специалиста в прикладной области политологии, которые бы успешно давали возможность ему действовать в рамках политических и избирательных кампаний как политического управленца. Рассматриваются базовые принципы формируемых компетенций политолога, которых желательно придерживаться в трансляции прикладного политического знания об осуществлении текущих практик политической власти в ее коммуникациях с различными политическими акторами. Также в этой публикации содержится наполнение целевых образовательных программ в сфере публичной политики, обеспечивающих функционирование современной политической власти.

Ключевые слова: компетентность, компетенции политолога, политологическое образование, прикладное знание о политике.

Разработка образовательного стандарта нового поколения по подготовке специалистов в области современной политологии требует от высшей школы особого внимания к сфере прикладной политологии и политического управления. В связи с этим с особой остротой встает вопрос о том, какими компетенциями должен обладать современный выпускник образовательной программы по политологии, учитывая, что сегодня на рынке в большей степени востребован прикладной характер подготовки специалистов в области современной политики по сравнению с традиционной академической подготовкой политологов.

© Зверев А.Л., 2010

Компетентностный подход к прикладному знанию о политике важен потому, что все большей востребованностью на рынке пользуются кадры, обладающие не только фундаментальными академическими знаниями о политической власти как некоем базисном феномене современной политической системы, но прежде всего владеющие основными компетенциями в сфере прикладной политологии и политического управления. Акцент на компетентностном подходе к политическому знанию в современных российских условиях необходим потому, что простое знание, не подкрепленное практикой его применения в профессиональной среде, «тормозит» развитие профессиональных теоретических представлений о предметной области специальности и зачастую не учитывает особенности текущей практики профессиональной среды. Компетентностный подход по своей сути позволяет сместить центр тяжести с самого знания на умение их применять в профессиональной практике. Особо такие прикладные знания и умения их применять в нужный момент ценятся в политической сфере в период политических (избирательных) кампаний.

Феномен компетентности получил свою научную разработку прежде всего в сфере профессионального образования, в котором компетентность не рассматривается как тождественность «прохождению курса» профессиональной подготовки, а связана с некоторыми дополнительными предпосылками развития специалиста, его собственным творческим потенциалом и качеством образования, которое он получил во время своей профессиональной подготовки. Существует понятие «технологическая компетентность личности», являющееся показателем освоения практической стороны профессиональной подготовки и выражающееся в способности человека понять, усвоить и выполнить инструкцию. При этом любая приобретаемая компетентность в ходе образовательной подготовки по специальности формируется за счет освоения ряда компетенций, становящихся базисом получаемой профессиональной компетентности. Используемый термин «компетенция» появился относительно недавно в педагогической науке и остается пока во многом спорным.

К настоящему времени в научной литературе по проблеме профессиональных компетенций представлено достаточно большое количество исследований, посвященных компетенциям специалиста.

Разработка компетентностного подхода к оценке деятельности специалиста происходила в рамках современной парадигмы междисциплинарных (постдисциплинарных) науки и образования. Поэтому сам принцип компетенции зародился в рамках одной из конкретных наук и был впоследствии экстраполирован в качестве

научного метода, применимого к различным сферам знания, включая педагогику. Его возникновение И.А. Зимняя, В.И. Байденко и другие возводят к исследованиям известного американского лингвиста Н. Хомского¹. Н. Хомский сформулировал понятие компетенции применительно к теории языка, трансформационной (генеративной) грамматике. В то же время сама категория компетенции получает свое содержательное наполнение собственно личностными составляющими, включая мотивацию к обучению учащихся и возможностями последних определять свои стратегии образовательных линий по получению необходимой квалификации для будущей профессиональной деятельности.

Сделанный в подготовке будущих специалистов-политологов акцент, основанный на компетенции, прежде всего подчеркивает практическую, действенную сторону образовательного процесса. Тогда как подход, основанный на понятии «компетентность», которое включает собственно личностные (качественные, мотивационно-волевые и другие) качества, определяется как более широкий, соотносимый в том числе и с гуманистическими ценностями образования. При этом центр здесь смещен в сторону того, что компетентность всегда есть актуальное проявление компетенции. Тем не менее до сих пор на современном этапе развития компетентностного подхода многие отечественные и зарубежные исследователи не разделяют эти понятия, используя их как тождественные.

Российские традиции изучения проблемы компетенции. В последние годы все чаще в отечественной образовательной практике используется термин «компетенции», что связано как с включением нашей страны в Болонский процесс интегрирования образовательных систем различных европейских стран, так и с недостаточностью используемой традиционной образовательной триады «знания–умения–навыки» для описания интегрированного результата образовательного процесса.

Возможной предтечей появления компетентностного подхода в отечественной образовательной практике стало формирование моделей деятельности специалиста и разработка профиля специалиста в исследованиях советских ученых (Н.Ф. Талызина, Н.Г. Печенюк, Л.Б. Хихловский), выполненных в рамках системно-деятельностной методологии, что может рассматриваться как определенный шаг в сторону компетентностной модели современного отечественного образования. Достижением данных отечественных методистов-исследователей стало то, что они предложили модель получения знания в совместной деятельности педагога с учащимися. При этом не стоит забывать о том, что советская система про-

фессионального образования имела и имеет по сей день немало своих сторонников и в России, и в образовательных системах других стран.

В нынешней ситуации развития отечественной образовательной системы, переходящей от парадигмы знаний к парадигме компетентности, важными для компетентности будущих специалистов становятся следующие принципы:

- формируемые представления обучающихся о профессиональной сфере обучения должны быть связаны со сложившейся конъюнктурой на профессиональном рынке труда, что выражается в попытках привязки транслируемых представлений к сложившейся в данной профессиональной сфере ситуации, в которой предстоит работать выпускнику;
- достаточно развернутое (доведенное порой до излишней детализации и унификации) планирование содержания образования, особенно в том, что касается основной направленности образовательной программы подготовки кадров;
- большой объем инвариантной части содержания образования, что помогает обеспечить преподавателю сохранение и развитие единого образовательного пространства, обеспечивающего не фрагментарные представления об области преподавания, а некую целостную картину того, как происходит современное развитие профессиональной отрасли, по которой осуществляется образовательная подготовка обучающихся;
- предметно-центрированная направленность содержания образования, формирующая целостную ценностную модель сопричастности будущих профессиональных кадров той профессиональной сфере, в которой в дальнейшем они будут осуществлять собственную профессиональную деятельность.

Все эти принципы компетентностного подхода не только направлены на выработку основных представлений обучающихся о своей будущей профессиональной сфере, но и играют важную роль при адаптации выпускника к реалиям своей уже профессиональной деятельности. Одним из важных компонентов данной деятельности является быстрое включение выпускника в корпоративную культуру той профессиональной сферы, обучение по которой осуществляется в рамках образовательной программы. Таким образом, компетентностный подход в деятельности преподавателя позволяет обучающимся получать «знания в опыте», т. е. выработанные в ходе совместной образовательной деятельности представления должны быть отработаны в тренинговых и иных практических занятиях, направленных на то, чтобы выработать опыт применения полученных в теории знаний в ряде смоделированных

реальных ситуаций, возникновение которых весьма вероятно в реалиях будущей профессиональной деятельности учащихся.

Таким образом, наши представления о компетенциях будущих специалистов ограничиваются двумя ключевыми вопросами: что мы знаем о компетенциях? чего мы о них пока еще не знаем?

Что мы знаем о компетенциях?

В современной педагогической науке результатом личностно-ориентированного образования принято считать некие интегративные комплексы, включающие в себя определенные знания, умения и навыки, освоенные способы деятельности, готовность к мобилизации их в соответствующей ситуации и субъектную позицию личности. Данные интегративные комплексы и именуется компетенциями. Компетенция – результат образования, выражающийся в готовности субъекта эффективно координировать внутренние и внешние ресурсы для достижения поставленной цели.

Мы знаем, что компетенция – это некий комплекс, связывающий воедино знания, умения и *действия*, т. е. способность *мобилизовать* умения в конкретной ситуации. Компетентным является тот, чья деятельность и поведение адекватны появляющимся проблемам.

Мы знаем, что компетенция – это не что иное, чем просто знания и умения, хотя компетенция проявляется именно в знаниях и умениях. Компетенция – это способность установить и реализовать связь между «знанием-умением» и ситуацией. Главное в компетенции – не «знать» или «уметь», а мобилизовать то или иное в нужный момент.

Мы знаем, что компетенции проявляются не сами по себе, а в форме умений. Умение – мера присутствия компетенции. В модели «компетенция–умение» только умение доступно наблюдению, фиксации и оценке.

Мы знаем, что компетенции бывают функциональными и ключевыми. *Ключевыми компетенциями* (в отличие от более узких функциональных, формирующихся в профессиональной деятельности и составляющих основу технологической компетентности личности) называют такие, которые являются универсальными и применимыми в различных ситуациях и которыми, соответственно, должен обладать каждый член общества. В рамках различных подходов выделяются следующие ключевые компетенции: стратегическая, предметная, методическая, социально-коммуникативная, нормативно-культурная, учебная (Нидерланды); «самореализационная», социальная и предметно-деятельностные (Австрия); общение, вычислительная грамотность, информационная грамотность, умение работать с другими, умение решать задачи, самообразова-

тельная (Великобритания); ценностно-смысловые, информационные, коммуникационные (Москва); грамотное общение, умение работать в команде, умение решать проблемы (Иркутск); решение проблем, информационная и коммуникативная (Самара).

Чего мы не знаем о компетенциях?

Мы не знаем, как оценить компетенции. В определенных ситуациях можно организовать их *наблюдение*, но их *оценка* пока что является вопросом неразработанным и, в определенной степени, недоступным для объективного замера исследователя.

Мы не знаем, какие еще индивидуально-психологические компоненты, кроме знаний и умений, присутствуют в компетенции, какую роль играют в ее формировании *ценностные установки* и *отношения*. Ситуация осложняется тем, что «мобилизация», являясь составной частью «компетенции», сама собой может рассматриваться как *психофизиологическое* понятие, а соответственно – в значительной степени зависит от биологических (в том числе наследственных) особенностей организма. А о том, каковы границы возможностей обучения в деле формирования компетенций, мы, к сожалению, тоже не знаем.

Мы не знаем, когда именно (на каком возрастном этапе, на какой ступени обучения) приобретаются ключевые компетенции. Мало того, Совет Европы признал, что «вопрос о том, когда приобретаются ключевые компетенции, на каком уровне образования и какие конкретно, не обнаружил подходов к решению». Но это главный вопрос, без решения которого говорить о структуре и содержании будущих разрабатываемых учебных программ не имеет смысла.

Мы не знаем, какова структура компетенции как интегрального качества личности. Какой компонент является в структуре компетенции системообразующим (умения, «общая мобилизованность человека» или определенный уровень развития мотивационной сферы)?

Что мы можем предположить?

Во-первых, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что *компетенциями становятся знания, умения и навыки, полученные, осмысленные и примененные в опыте*: компетентности объединяют опыт, не сводимый к набору знаний и умений; целостность и конкретность восприятия ситуации, связанной с совместной деятельностью преподавателя и обучающихся по исследованию проблемной ситуации в рамках изучения нового раздела преподаваемого курса; готовность к получению нового продукта обучения.

Во-вторых, мы можем предположить, что *различные компетенции (например, профессиональная и технологическая) могут формироваться параллельно, одними и теми же педагогическими сред-*

ствами. Иными словами, компетентностный подход позволяет реализовать единство процессов профессионального и практико-ориентированного становления личности студентов и тех, кто захочет повысить свою профессиональную квалификацию. В таком аспекте главным становится вопрос о единых средствах педагогической поддержки двух этих процессов в условиях компетентностной образовательной парадигмы.

Традиционный образовательный процесс строится по следующей логике: цель образования (знания, умения, отношения, ценности) → содержание образования → формы и методы обучения → приемы и средства обучения. В частности в такой логике строился образовательный процесс в советской школе, когда главным вопросом педагогики был вопрос «Чему обучать?», а школьные реформы сводились к тем или иным изменениям в содержании образования. Данная логика полностью соответствует «зуновской» образовательной парадигме.

Переход от «зуновской» к компетентностной образовательной парадигме предполагает изменение традиционной логики. Теперь она выглядит таким образом: цель образования (компетенции) → формы и методы образования → содержание образования → приемы и средства обучения. В этой логике формы и методы не подбираются под содержание, а наоборот, диктуют правила и принципы отбора содержания. Ключевым становится вопрос не «*Чему* учить?», а «*Как* учить?» И это закономерно, поскольку именно вопрос «*Как* учить?» определяет *способы деятельности* слушателей, а значит – и *характер опыта*, которым им предстоит овладеть в процессе обучения. А ведь именно опыт является основой соответствующей компетенции.

Как мы уже отмечали, основой формирования компетенций является опыт будущих специалистов – как прежний, актуализированный на занятиях, так и новый, полученный «здесь и теперь» в ходе проектной или тренинговой деятельности, ролевых игр и т. п. При этом опыт становится основой субъектной позиции обучающегося (и, соответственно, ключевой компетенции) не сам по себе, а лишь в процессе его осмысления. Поэтому педагогически важными становятся не столько сами «активные» формы работы на занятиях по курсам образовательной программы, сколько их последующее обсуждение. Опыт студентов, полученный на таких занятиях, может проявляться и неявно, опосредованно – через уже имеющуюся субъектную позицию – например в ходе дискуссии по проблемным ситуациям преподаваемого курса или в ходе обсуждения вводимых новых понятий изучаемой дисциплины.

В качестве наиболее типичных методов обучения в рамках «компетентностного подхода» можно указать:

- 1) обращение к прошлому или только что сформированному опыту слушателей курсов;
- 2) открытое обсуждение новых понятий, в ходе которого неизбежно оказывается задействованной субъектная позиция обучающихся и, опосредованно, – их прежний опыт;
- 3) открытое обсуждение проблемных ситуаций в рамках преподаваемых курсов;
- 4) дискуссия слушателей в ходе занятий, столкновение их субъектных позиций;
- 5) тренинговая деятельность (ролевые и деловые игры, тренинг или практикум);
- 6) проектная деятельность студентов по моделированию будущего профессионального задания по выбранному профилю обучения.

Крайне важно, что формирование профессиональной компетентности (основанной на ключевых – «универсальных» – компетенциях) может осуществляться в процессе разработки интегрированных проектов на любом из предметов, включенных в программу подготовки и переподготовки профессиональных кадров; осуществление таких проектов параллельно преследует цели формирования и других компетентностей.

При построении моделей компетенций специалистов в сфере публичной политики, обеспечения политической деятельности и политического управления может быть использован методологический подход к разработке и оценке профессиональных компетенций, предложенный американскими учеными Л.М. Спенсер и С.М. Спенсером в монографии «Компетенции в действии»².

В рамках этого подхода компетенции понимаются как базовые качества людей, проявляющиеся в устойчивых вариантах поведения или мышления, распространяемых на различные ситуации. Эти базовые качества в конечном итоге позволяют человеку успешно решать профессиональные задачи в своей области деятельности.

Выделяются пять основных типов компетенций.

- 1) базовые мотивации;
- 2) психофизиологические особенности (такие как скорость реакции, тип);
- 3) регулятивные механизмы (в число которых входят ценности, установки, я-концепцию личности и тому подобные психологические феномены);
- 4) знания;
- 5) умения и навыки.

Различия между этими пятью группами компетенций проходят по степени их подверженности обучающему воздействию. Психофизические особенности являются в большинстве своем врожденными и в наименьшей степени могут быть изменены через процедуры обучения (скорее речь может идти о компенсации на уровне умений и навыков, чем об изменении психофизиологических особенностей личности). Базовые мотивации также складываются на различных этапах взросления и могут быть скорректированы в зрелом возрасте лишь в незначительной степени. Психофизиологические особенности и базовые мотивации личности составляют ядро системы компетенций личности, слабо подверженное трансформации (во всяком случае, в рамках относительно краткосрочных или среднесрочных образовательных программ).

Я-концепция, установки и ценности, как показывает практика психологических тренингов, программ коррекции и т. п., могут быть изменены в результате специальным образом организованных программ. Однако эти программы являются, как правило, длительными по времени и достаточно дорогостоящими.

Знания и умения составляют «внешнюю оболочку» системы компетенций личности. Они в наибольшей степени и в наиболее короткие сроки могут быть изменены в результате образовательного процесса.

Традиционный образовательный процесс преимущественно направлен на изменения во «внешней оболочке» системы компетенций, в то время как «внутренняя оболочка» и «ядро» не затрагиваются или в меньшей степени затрагиваются им. Как отмечалось выше, это в значительной мере связано с особенностями компетенций «ядра» и «внутренней оболочки». Однако очевидно, что образовательный процесс не может быть эффективным с точки зрения формирования системы компетенций, соответствующей профилю деятельности личности, если изменения во «внешней оболочке» приходят в противоречие или не поддерживаются компетенциями «внутренней оболочки» и «ядра».

Базовые принципы формируемых компетенций.

1) Неотъемлемым принципом обучения является *обучение через действие*. Чтобы взаимодействие «преподавателя» и «слушателя» соответствовало деятельностному подходу, должны выполняться, по меньшей мере, следующие требования:

- полное присутствие трех «слоев» образования «знание–понимание–действие»;
- преимущественное движение от действия через процесс понимания к знанию (в идеале воспроизводство модели приобрете-

ния знаний через практический опыт, полученный на занятиях-тренингах по специальности);

- импровизация;
- внимание преподавателя и слушателя должно быть направлено на совместное построение «образа мира», а не на «трансляцию знания» из головы преподавателя в голову слушателя.

2) В современном быстро меняющемся мире самое главное умение – это *умение учиться*, оставаться открытым для опыта и сохранять способность изменяться. Потому одним из важных условий является создание преподавателем образовательной среды, в которой слушатель был бы заинтересован в процессе дальнейшего постоянного повышения своей профессиональной квалификации через самообразование.

3) В этом случае преподаватель выступает скорее в качестве *ресурса группы*, чем ее руководителя. Центр тяжести деятельности преподавателя смещается с информирования и контроля на создание условий для сознательного выбора слушателем «образовательного пути», на уточнение целей, которые ставит он перед собой, на помощь слушателю в планировании своей деятельности, на консультирование по использованию конкретных учебников, средств, примеров, методов обучения, на объективизацию самооценок обучающегося.

4) Обучение наиболее успешно, когда предметная область воспринимается студентом как имеющая непосредственное отношение к его *личностным целям*.

5) Взаимосовершенствование. Субъекты преподавания и учения могут меняться ролями в зависимости от контекста самого образовательного процесса.

6) Обучение, в котором участвует не только интеллект, но и *эмоции* слушателя, характеризуется наибольшей глубиной и продолжительностью.

7) Самостоятельности, творчеству легче проявиться, если *самооценка и самокритика* играют ведущую роль в процессе обучения, в то время как оценка слушателя другими для него играет второстепенную роль.

Осуществляя приложение выделенных принципов компетентностного подхода в процессе разработки прикладного знания о политике в весьма востребованной на образовательном рынке сфере прикладной политологии и политического управления, можно предложить следующие целевые образовательные программы в сфере публичной политики, обеспечивающие функционирование современной политической власти.

1. Публичная политика.

Освоение этой образовательной программы должно позволить обеспечивать подготовку студентов по вопросам осуществления политической деятельности в межэлекторальный период (планирование собственной деятельности, формирование политической повестки дня, формирование коалиций, проведение переговоров, работа в депутатских объединениях, комитетах и комиссиях, грамотное использование полномочий, организация работы помощников, деловой этикет, публичный имидж и т. д.). Можно также по этой программе проводить курсы повышения профессиональной квалификации депутатского корпуса в условиях развития институтов представительной демократии, резкого увеличения количества выборных действующих лиц в результате реформы местного самоуправления представляется важной и актуальной задачей российской высшей школы на современном этапе. Ее решение позволит повысить качество работы представительных органов на всех уровнях российской политической системы.

2. Управление политической кампанией.

Освоение этой образовательной программы должно позволить студентам овладеть техниками продвижения тех или иных инициатив в общественном сознании в форме легальной и этически приемлемой политической кампании (планирование политической кампании, форматы политической кампании, работа со СМИ, работа с целевыми группами общественности, мониторинг политической кампании, правовые аспекты организации политической кампании, финансирование политической кампании, волонтерство и т. д.). Обучение руководителей политических и общественных организаций технологиям продвижения их инициатив в условиях демократической политической системы повысит эффективность работы институтов российской политической системы по обеспечению связей между обществом и властью.

3. Партийное строительство.

Освоение этой образовательной программы должно позволить студентам понять правовые основы работы политической организации, планирование деятельности политической организации, инжиниринг политической организации, оперативное управление политической организацией, управление персоналом политической организации, финансирование политической организации, принятие решений в политической организации, критерии эффективности работы в политической организации, PR политической организации на региональном и местном уровне, GR политической организации на региональном и местном уровне, формирование ассоциированных структур. Реализация данной программы обеспечит подготовку кадров, для эффективного функционирования регио-

нальных отделений политических партий и в целом будет способствовать эффективному функционированию российской политической системы и системы государственного и муниципального управления.

4. Управление информационной кампанией.

Освоение этой образовательной программы должно позволить студентам понять механизмы эффективной работы в региональном, общенациональном и международном информационном пространстве (определение информационной повестки дня, анализ и мониторинг информационного поля, планирование информационной кампании, оперативное управление информационной кампанией, медиапланирование, выявление информационных трендов, работа пресс-службы, формирование журналистского пула). Реализация данной программы обеспечит подготовку специалистов, способных адаптировать деятельность российских политических партий и общественных организаций к условиям современного информационного общества.

5. Разработка политического курса.

Освоение этой образовательной программы должно позволить студентам понять методологию разработки, реализации и оценки государственной и муниципальной политики в рамках их деятельности в органах государственной власти и местного самоуправления (определение повестки дня органа власти, разработка государственной и муниципальной политики, принятие решений на уровне органов государственной власти и местного самоуправления, реализация государственной и муниципальной политики, оценка государственной и муниципальной политики, взаимодействие политических и общественных организаций и их представителей с органами государственной власти и местного самоуправления в процессе разработки, реализации и оценки государственной и муниципальной политики). Данная программа призвана подготовить специалистов для повышения эффективности участия политических и общественных организаций в осуществлении деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

6. Политическая журналистика.

Освоение этой образовательной программы должно позволить студентам понять специфику работы информационных подразделений политических партий и общественных организаций, комитетов по печати и информации региональных органов государственной власти и местного самоуправления, представителей общественно-политических СМИ в сфере политической журналистики. Реализация данной программы призвана обеспечить квалифицированными кадрами региональные общественно-политические СМИ,

А.Л. Зверев

что в свою очередь повысит качество политической информированности граждан.

Таким образом, реализация предложенных образовательных программ в рамках компетентностной модели получения прикладных знаний о политике позволит будущим специалистам лучше понять механизмы действия политической власти и управления ими в текущей практике.

Примечания

- ¹ См.: *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004; *Байдено В.И.* Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.
- ² *Spencer L.M., Spencer S.M.* Competence at work: Models for superior performance. N. Y., 2004.

Г.Г. Косач

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ, ВЛАСТЬ

Статья «Саудовская Аравия: образование, социальная трансформация, власть» рассматривает вопросы становления высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия в качестве элемента общего процесса модернизации страны, осуществляемого начиная с 1950-х годов. Основным результатом этого процесса стало формирование современного «образованного класса», который уже в начале 2000-х годов предъявил традиционному «правлящему классу» – королевской семье и официальному религиозному истеблишменту требование о своем включении в систему саудовской политической власти. Институтом, который реализовал политические устремления «образованного класса», стал Консультативный совет – назначаемый монархом орган законодательной власти.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, ваххабитская доктрина, династия Аль Сауд, семья Аль Аш-Шейх, Университет имени короля Сауда, образованный класс, Консультативный совет.

В конце декабря 2008 г. в Саудовской Аравии был предан гласности новый бюджет страны. Более четверти¹ предусматриваемых им расходов (122 млрд. риалов² из 475 млрд.) была выделена, как подчеркивал, обращаясь к нации, король Абдалла бен Абдель Азиз, на нужды образования. Речь шла в первую очередь «о развитии высшего образования, научных исследований, как и программ, связанных с обучением студентов за границами королевства»³. В стране продолжает претворяться в жизнь один из официально провозглашенных «национальных проектов»⁴, расширяющий страту современного «образованного класса». Принципиальной чертой этого процесса стало и то, что реализуемая нынешним монархом «революция в сфере образования» должна привести,

по его словам, к предоставлению «гражданам и гражданкам королевства больших возможностей влияния на принимаемое правителями их отечества политическое решение»⁵.

Во второй половине 1950-х годов в Саудовской Аравии возникло первое национальное высшее учебное заведение. Им стал открытый в ноябре 1957 г. в Эр-Рияде Университет им. короля Сауда⁶, появление которого было итогом широкого распространения в стране централизованной системы всеобщего образования. С течением времени это высшее учебное заведение превратилось в ведущее звено саудовской высшей школы, став одновременно и важнейшим центром интеллектуальной активности в королевстве. Его выпускниками являются сегодня два заместителя спикера высшего органа национальной «законодательной власти» – Консультативного совета, а также не менее 40% нынешних членов этой государственной структуры⁷.

Университет им. короля Сауда возник в стране, политическая система которой исторически основывалась на союзе, заключенном между правящей династией – Аль Сауд и потомками религиозного реформатора Мухаммеда Абдель Ваххаба – семьей Аль Аш-Шейх. В рамках этого союза Аль Сауд играли роль «политического класса», а Аль Аш-Шейх – носителя необходимой этому «классу» религиозно-политической легитимации. Складывавшаяся в королевстве система исполнительной власти основывалась на «распределении обязанностей» между двумя «центрами силы». Армия, репрессивный аппарат, управление делами провинций, экономика и внешнеполитические сношения были монополией Аль Сауд, а осуществление религиозных функций, судопроизводство и поддержание устоев «исламской» морали – Аль Аш-Шейх и примыкавшей к этой семье значительной страты законоучителей-*улемов*. Взаимодополняющие отношения между этими «центрами силы» не требовали создания институтов представительской власти.

С другой стороны, Саудовская Аравия – итог мощной экспансии, инициированной семьей Аль Сауд в пределах Аравийского полуострова. Инструментом сплочения ее территориального пространства выступала ригористичная «ваххабитская» доктрина. Ее неприятие *многобожия*, как и *новшеств*, имело политический подтекст – лояльность Аль Сауд требовала (и требует сегодня) искоренения регионального сепаратизма и, на этой основе, достижения единомыслия (а ныне – общенационального консенсуса). Введение современности в сферу существующей традиции, включая и развитие университетского образования как части курса на модернизацию, предполагало сохранение доктрины «ваххабизма» в качестве инструмента легитимации власти Аль Сауд.

Система саудовского высшего образования основана на том, чтобы «познакомить учащегося с Господом и верой, направить его поведение по истинному пути с тем, чтобы осуществить чаяния общества и цели нации». Иными словами, «образовательная политика в Королевстве Саудовская Аравия вытекает из ислама – веры нации, представляющей ее учение, ее исповедание, ее мораль, как и ее истинный путь, систему власти и, в целом, всеобъемлющую систему жизненных ценностей»⁸. Из этого следует, в частности, что «предмет “исламская культура” – основной в течение всех лет обучения в высших учебных заведениях». Это вовсе не означает, что на реальную специализацию студента не отводится нужного количества учебных часов – «религиозные дисциплины» играют лишь роль ее обязательного обрамления.

Конечно же, эти установки подвергаются ныне переосмыслению. В начале октября 2006 г. был предан гласности проект развития программы саудовского образования. Его «философия», как подчеркивалось в заявлении высшего чиновника специализированного министерства, отталкивается от идеи «интеграции в ныне существующую систему образования современных принципов воспитания, а также новых технических средств преподавания, что позволит содействовать развитию самостоятельного мышления в среде учащихся и студентов, а также распространять среди них связанные с современными представлениями идеи толерантности и диалога». Тем не менее это переосмысление направлено на то, чтобы познакомить студента с «многообразным значением истин ислама»⁹.

Иными словами, поддержание религиозного обрамления высшего образования представляет собой насущную задачу власти – лишь так в существующую политическую систему может быть введен новый «образованный класс». Впрочем, все то же религиозное обрамление системы образования, тесно связанное с основами легитимации власти Аль Сауд, предполагает (при условии менее жесткого толкования традиции) и вхождение этого «класса» в процессы, связанные с принятием политического решения. Это тем более очевидно, что по мере превращения Саудовской Аравии в ведущую нефтеэкспортирующую державу мира саудовский социум подвергался всесторонней трансформации.

Если в «донефтяную эпоху», по словам саудовского исследователя, этот социум состоял из «правлящего класса» – Аль Сауд и Аль Аш-Шейх, а также «классов вождей племен, торговцев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов»¹⁰, то развивавшиеся в королевстве после окончания Второй мировой войны модернизационные процессы меняли эту структуру. Они сохранили «класс правящего семейства», но содей-

ствовали возникновению «класса улемов», центральным звеном которого остается семейство Аль Аш-Шейх. «Класс торговцев» постепенно обрел черты внутренне фрагментированного «предпринимательского класса». Исчез «класс вождей племен», как и «класс кочевников». Королевским указом 1962 г. в Саудовской Аравии было окончательно ликвидировано рабство. В саудовском обществе более не существует «класс» ремесленников, пополнивший собой страту рабочих-нефтяников. Наконец, все более значимым элементом социальной структуры стал «образованный класс», внутренне разделяемый цитируемым автором на «интеллигенцию, новых землевладельцев и служащих». Важнейшей чертой этого «класса» была его «разночинность». В начале 2003 г. саудовский «образованный класс» высказал первое открытое требование (поддержанное высшим сановником правящей семьи) своего включения в систему политической власти.

22 января 2003 г. нынешний монарх (в то время наследный принц) Абдалла бен Абдель Азиз встретился с группой интеллигентов и предпринимателей. На инициированной им встрече была передана гласности петиция его собеседников – «Видение настоящего и будущего родины», под которой стояло 115 подписей писателей, журналистов, издателей, преподавателей университетов, предпринимателей, а также врачей, инженеров и юристов¹¹.

Нынешний монарх давал аудиенцию тем, кто называл себя *людьми науки, знания и умения*. Обращаясь к Абдалле бен Абдель Азизу, эти люди считали необходимым заявить ему, что они ни в коей мере не сомневаются в «легитимности власти», ведь ее определяют «Коран и Сунна – основы конституции нации», которые, в свою очередь, требуют «реализации шариатского закона» во всем, что связано «с духовной и светской жизнью». Но, продолжали они, «справедливость нуждается в базисе». Этим базисом может быть только «совещательность», воплощаемая в присутствии в Консультативном совете (созданном в 1992 г.) *людей науки, знания и умения*. Этот «консультативный орган» должен был стать, по мнению авторов петиции, «воплощением власти образованного класса», «говорящего от имени народа».

Январская встреча 2003 г. стала исходной точкой нового этапа политических реформ в королевстве. Организуя ее, саудовский «политический класс» открыто признавал возможности новой страты саудовского социума. Как доказало последующее развитие событий, встреча с будущим монархом воспринималась ее участниками (и в целом «образованным классом») как заключение союза между ними и ведущей фигурой саудовского «политического класса». Податели петиции считали этот союз естественным, поскольку,

как им казалось, они имели право на активные действия в сфере преобразования страны.

В своем абсолютном большинстве авторы петиции получили высшее образование в первую очередь в Эр-риядском университете им. короля Сауда, а в дальнейшем и за пределами королевства – чаще всего в высших учебных заведениях Соединенных Штатов. Но они не стремились повторить в Саудовской Аравии то, что было усвоено ими в государстве, уровень политического развития которого, как и степень политической культуры, неизмеримо выше, чем в их стране. Риторика петиции доказывала, что ее авторы стремились действовать в контексте саудовских реалий, предлагая лишь реформировать существующую политическую систему, а не подвергать ее кардинальным изменениям.

Если саудовский истеблишмент на протяжении всего времени существования современного саудовского королевства подчеркивал религиозную основу жизнедеятельности общества и государства, то «образованный класс», вызванный к жизни модернизационными преобразованиями, осуществляемыми этим же истеблишментом, был ориентирован на «отечество». Предлагаемые участниками встречи с будущим монархом реформы несли на себе ярко выраженный оттенок *национальных* задач, решение которых поставило бы Саудовскую Аравию в ряд ведущих государств мира. Однако саудовский «образованный класс» стремился к тому, чтобы это решение опиралось на национальную *цивилизационную матрицу*. Суть проблемы заключалась лишь в том, что эта матрица нуждалась в «квалифицированной» интерпретации. Они стремились к консенсусу с политическим истеблишментом. Иного представители «образованного класса» и не могли выдвинуть. Эта общественная страта была выпестована Аль Сауд и демонстрировала свою лояльность королевской семье, отнюдь не считая себя силой, способной в обозримом будущем без опоры на эту семью изменить и саудовский социум, и государство. Тем не менее январская встреча скорректировала традиционную для королевства схему взаимоотношений «правитель–подданные».

Коррекция этой схемы означала, что наряду с двумя традиционными «центрами силы» – Аль Сауд и Аль Аш-Шейх в Саудовской Аравии появляется и третий центр политической активности, оформляемый как национальный протопарламент – Консультативный совет, в составе которого господствуют представители «образованного класса».

Если в 1992 г., в момент создания этого протопарламента число его членов было равно шестидесяти¹², то пять лет спустя парламентское представительство было увеличено до девяноста членов.

В 2002 г. новый королевский указ увеличил это представительство до 120 «избираемых королем людей науки, опыта и умения». Четвертая парламентская сессия (2005 г.) ознаменовалась новым увеличением численности депутатского корпуса – в его состав вошло 150 чел. Указ короля Абдаллы бен Абдель Азиза от 14 февраля 2009 г., оставив без изменений число членов Консультативного совета, осуществил замену его 81 депутата, введя в его состав представителей университетского корпуса, журналистов и специалистов в области прикладной науки и техники¹³.

Консультативный совет – основной центр деятельности представителей саудовского «образованного класса». Данные о его членах свидетельствуют, что в его нынешнем составе «ученые и специалисты, занимающиеся вопросами воспитания, образования, медицины и инженерии». Среди них также «специалисты в области средств массовой информации, политики, экономики и безопасности, предприниматели и другие высококвалифицированные представители различных сфер знания и умения». 64% всех членов Консультативного совета имеют степени докторов наук, 14% – магистерские степени, 21% – степени бакалавров. 80% всех депутатов, имеющих докторские степени, получили их в западных университетах.

Консультативный совет характеризует присутствие в его рядах представителей средних и старших возрастных групп от 46 до 50 лет и старше 60 лет (26% и 25% соответственно), но при этом в его составе высока и доля тех, чей возраст колеблется от 30 до 45 лет (не менее 38%). Члены Совета – уроженцы городов (71%). В составе двенадцати специализированных комиссий Консультативного совета представители религиозного истеблишмента численно значительны только в составе комиссии исламских дел и прав человека. Все остальные специализированные комиссии Консультативного совета укомплектованы специалистами в соответствующих сферах научного знания и производственной практики¹⁴.

Становление Консультативного совета как центра политической активности «образованного класса» не стало показателем сколько-либо радикального нарушения уже сложившейся традиции распределения властных полномочий. Учреждая Совет, саудовская власть делала только первый шаг на пути создания в стране института представительной власти. Консультативный совет остается не более чем совещательным органом при монархе. Хотя Совет и провозглашается органом «законодательной власти», но эта «власть» призвана, как гласит Закон о Консультативном совете, «следуя источникам исламского шариата, служить общему благу, охраняя единство общества, основы государства и интересы

нации». Совещательный характер этого элемента саудовской политической системы подчеркивается ссылками на необходимость «следовать примеру Пророка, совещавшегося со своими последователями». Это означает, что Консультативный совет имеет лишь право «высказывать свое мнение в отношении общей политики государства», разрабатываемой Советом министров, включая, в частности, «передаваемые на его изучение законы, международные соглашения, договоры и концессии».

При этом каждое из министерств обязано ежегодно представлять на рассмотрение членов Консультативного совета отчет о своей деятельности. Решения Консультативного совета по тем или иным обсуждавшимся им вопросам передаются королю, который в дальнейшем отправляет их на рассмотрение правительства. Если точки зрения институтов законодательной (Консультативного совета) и исполнительной власти (министерств) по соответствующим вопросам будут идентичны, то эти решения будут утверждены королем. В случае же расхождения их точек зрения король утверждает ту из них, которую он считает наиболее приемлемой¹⁵.

Однако саудовская законодательная власть более разветвлена. Положения Закона об управлении провинциями предусматривают создание при губернаторе каждой из провинций местного совета. Главой этого совета является губернатор, а в него входят – заместитель, мэры административных единиц провинциального подчинения, главы существующих в той или иной провинции региональных отделений центральных министерств, а также «десять жителей провинции из числа людей науки, знания и умения». Региональный совет имеет право создавать специализированные комиссии для обсуждения проблем, связанных с развитием региона («определение полезных для его жителей проектов»). Каждый член совета имеет право направлять соответствующие запросы губернатору, который включает их обсуждение в повестку дня проводящихся каждые три месяца заседаний консультативного органа провинции. Закон об управлении провинциями предписывает руководителям представленных на провинциальных уровнях государственных учреждений обязательное присутствие на заседаниях совета в том случае, если обсуждаемые на них вопросы затрагивают сферы деятельности соответствующих министерств.

Наряду с этим государственные учреждения, имеющие свои представительства в провинциях, должны принимать во внимание решения региональных советов. В случае же невозможности их исполнения соответствующее министерство должно выступить с разъяснением причин возникающей ситуации, но региональный

совет, в свою очередь, может, если он не удовлетворен разъяснением, обращаться через министра внутренних дел с апелляцией к высшей инстанции – королю как к главе Совета министров¹⁶.

Саудовский подход к вопросам формирования Консультативного совета, как и региональных советов, отталкивается от нескольких положений.

Речь идет в первую очередь о том, что, как подчеркивается в одном из изданий саудовского протопарламента, «мерилом избрания депутата является его принадлежность к людям науки, опыта и умения». Даваемые далее разъяснения уточняют это понятие: «Люди науки, опыта и умения – те, кто обладают необходимой научной подготовкой для работы в различных сферах общественной жизни, те, кто получил ту или иную специализацию, те, кто имеют опыт, позволяющий обогащать дискуссию в Совете или его комиссиях. Эти люди – поборники интересов нации».

Консультативный совет – «собрание экспертов», необходимое главе государства для получения мнения специалистов по насущным проблемам внутренней и внешней политики. Но включив в свой состав уроженцев всех регионов страны, Совет стал воплощением общесаудовского национального единства. Он обрел черты «мозгового центра», что позволило ему обрести статус одного из каналов влияния на принятие политического решения, который сегодня в обязательном порядке обсуждает все предлагаемые исполнительной властью законодательные инициативы, становясь как трибуной для выражения различных точек зрения по вопросам и внешней, и внутренней политики королевства, так и органом контроля над реализацией утвержденных им правительственных решений. Работа в Совете дает представителям «образованного класса» и возможность продвижения в структуры исполнительной власти.

Примечания

- ¹ Начиная с 2000 г., в развитие саудовской сферы образования направлялось не менее 9,5% ВВП или 25% от общих расходов государства. См.: Интервью заместителя министра образования Абдаллы Аль-Усмана газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» // Аш-Шарк Аль-Аусат. 2006. 9 ноября. <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&issueno=10208&article=391112&feature=>.
- ² Национальная денежная единица Саудовской Аравии. 1 доллар Соединенных Штатов составлял в конце декабря 2008 г. 3,7 саудовских риалов.
- ³ Король Абдалла утверждает самый большой бюджет в истории Саудовской Аравии // Аш-Шарк Аль-Аусат. 2008. 23 декабря. <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10983&article=500054>.

- 4 Подробнее: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: «национальные проекты» в контексте внутренней политики // Ближний Восток и современность. Сб. статей. М, 2007. С. 43–65.
- 5 Специальное интервью Служителя Двух Благородных Святынь «Аш-Шарк Аль-Аусат» // Аш-Шарк Аль-Аусат. 2006. 26 августа. <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10133&article=379793>.
- 6 Об этом университете см.: *Аль-Хильяли Аз-Захрани Х.Д.* Образование в эпоху короля Сауда бен Абдель Азиза: Историко-документальное исследование. Эр-Рияд, 2006. С. 558–597.
- 7 Подсчеты автора, основывающиеся на личных анкетах членов Консультативного совета, размещенных на его сайте. См.: <http://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/ShuraArabic/internet/cv>.
- 8 Здесь и далее документ «Образовательная политика» цит. по сайту саудовского министерства высшего образования: <http://www.mohe.gov.sa/Arabic/Universities/Pages/default2.aspx>.
- 9 См.: Саудовская Аравия: всесторонне развитие учебных программ на основе толерантности, диалога и развития мышления // Аш-Шарк Аль-Аусат. 2006. 12 октября. <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=386856&issueno=10180>.
- 10 Здесь и далее см.: *Аз-Захрани С.Х.* Проблемы общественного развития в Королевстве Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 2000. С. 129–147.
- 11 Здесь и далее: Видение настоящего и будущего родины. [Б.г., Б.м.] С. 1–5.
- 12 См.: *Бен Баз А.А.* Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 2000. С. 319.
- 13 См.: Королевские указы реформируют важнейшие секторы государства // Аль-Ватан, Эр-Рияд. 2009. 14 февраля. <http://www.alwatan.com.sa/news/news-detail.asp?issueno=3060&id=90271&groupID=0>.
- 14 См.: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 2003. С. 176–177.
- 15 *Бен Баз А.А.* Указ. соч. С. 319–321.
- 16 Там же. С. 323–325.

А.Н. Марьин-Островский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ,
ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ
И ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Настоящая работа посвящена проблеме формирования экономики знаний в современной России. Автор утверждает, что существование экономики знаний возможно только при условии наличия адекватной институциональной среды, которая, в первую очередь, предполагает существование высокоэффективного института собственности. Автор констатирует, что права собственности в современной России неспецифицированы и плохо защищены, что является следствием противоречивого политического и экономического развития. Предполагается, что институт собственности был сформирован путем взаимодействия ключевых политических и экономических акторов, которые на протяжении долгого периода времени не имели стимулов для создания эффективного режима собственности. В заключении работы делается вывод о том, что задачи перевода экономики России на инновационный путь развития в рамках текущей институциональной среды представляется едва ли решаемыми. А перестройка этой среды является крайне затрудненной, поскольку напрямую противоречит интересам правящей элиты. Таким образом, проблема построения экономики знаний к настоящему моменту является скорее политической, а не экономической по своей природе.

Ключевые слова: экономика знаний, инновационная экономика, инновации, политический режим, институт собственности, собственность.

Термин «экономика знаний» получил широкое распространение в рамках современного политического дискурса и часто является синонимом таких понятий, как «общество знаний», «инновационная экономика», «национальный инновационный комплекс» и т. п. Целый ряд людей – от государственных чиновников и политических деятелей до популярных общественных обозрева-

© Марьин-Островский А.Н., 2010

телей – щеголяют его повседневным употреблением, зачастую имея весьма и весьма туманные представления как о самом значении и происхождении термина, так и о его внутренней противоречивости и многогранности его интерпретаций.

Авторство термина приписывается Фрицу Махлупу, который впервые использовал его в 1962 г. в своей работе «Производство и распространение знаний в США»¹. Помимо самого Махлупа, изначально в разработке данной проблемы активно участвовали Йозеф Шумпетер и Фридрих Хайек. В первоначальном своем значении экономика знаний «включает в себя элементы, относящиеся к одному из секторов народного хозяйства, в котором происходит и производство, и обработка знаний, и управление ими»². В дальнейшем понятие экономики знаний было популяризировано «отцом современного менеджмента» Питером Друкером и под экономикой знания начали понимать в целом тип экономики, в которой знания играют решающую роль. С этого момента термин постепенно начинает приобретать все большее и большее количество интерпретаций и, по сути, становится междисциплинарным. Вполне возможно, что в гораздо большей степени экономика знаний – это социальное и культурное явление, тип общественного развития, где главной ценностью и основным структурирующим элементом социального взаимодействия выступают знания.

В России повышенное внимание данная проблема начала привлекать к себе с начала 2000-х годов. На наш взгляд, именно в это время были отчасти преодолены основные, наиболее значительные проблемы переходного периода – точнее, они были несколько искусственно «деактуализированы» – и на первый план были выдвинуты задачи вхождения России в современное глобальное сообщество. Тематика инновационного развития получила свою первичную разработку, как в академической среде³, так и в среде лиц, имеющих возможность принимать активное участие в выработке государственной политики и постановке целей общественно-политического курса⁴.

К настоящему моменту (сугубо по нашим индивидуальным оценкам) разработки, связанные с вопросом непосредственного формирования экономики знаний в РФ, либо носят преимущественно спекулятивный характер, либо имеют спекулятивную интерпретацию и, как правило, направлены на легитимацию жесткого государственного вмешательства в экономику (достаточно вспомнить аргументацию сторонников создания государственных корпораций). Исследования данной проблематики все же актуальны и злободневны. Именно от того, насколько России удастся найти свой путь интеграции в мировую глобальную политическую

и экономическую систему и какой статус она в ней будет иметь – сырьевой базы или лидера инновационного развития, и будет зависеть ее будущее. В случае вытеснения России на мировую периферию мы будем наблюдать с высокой вероятностью нарастание авторитаризма и изоляционизма политического режима. Инновационный же путь неизбежно связан с процессами демократизации.

В данной статье мы предпримем попытку анализа политических условий, необходимых для создания экономики знаний в современной России. Подобная плоскость анализа и постановка вопроса, с нашей точки зрения, являются перспективными по ряду следующих соображений. Во-первых, к настоящему моменту мы можем сформировать довольно отчетливое видение того, что собой должна представлять экономика знаний. Во-вторых, в общем и целом мы можем определить условия, необходимые для создания экономики знаний. И это в-третьих, мы до сих пор не можем четко ответить на вопрос: *почему в одних странах таковые условия возникают, а в других нет?* Или, формулируя иначе, – нам необходимо понимание условий второго порядка, в нашей интерпретации – политических условий. В этом ключе наша основная гипотеза может быть сформулирована следующим образом: *создание и функционирование высокоэффективной инновационной экономики требует определенной дружественной институциональной среды, которая, в свою очередь, может быть сформирована лишь при определенных характеристиках политического режима.* В более простой формулировке – «Серьезные инновации существуют только в демократических странах»⁵.

Таким образом, для проверки нашей гипотезы нам необходимо последовательно решить три задачи: во-первых, дать собственную интерпретацию понятия экономики знаний и четко обозначить условия, необходимые для ее формирования; во-вторых, произвести анализ текущей институциональной среды в России на предмет возможности выполнения таковых условий; в-третьих, установить связь между типом политического режима и текущей институциональной средой.

В настоящей работе под *экономикой знания* мы будем понимать *тип экономической системы, в которой большая часть валового внутреннего продукта обеспечивается деятельностью по производству, обработке, хранению и передаче знаний.* К настоящему моменту в мире данному определению в наибольшей степени соответствуют экономики пяти стран – США, Великобритании, Японии, Германии и Франции. Ключевым условием, на основании которого экономику можно идентифицировать как экономику знаний, является наличие определенной *инновационной среды* уровень

развития которой, в свою очередь, можно охарактеризовать через анализ специальных индикаторов, таких как: уровень экономической свободы, уровень коррупции, бюрократические барьеры, совокупность благоприятных условий для малого бизнеса, конкурентоспособность, доступность венчурного капитала, отношение общества к коммерческому успеху, степень защищенности от криминала и произвола чиновников, энфорсмент контрактов и др.⁶ По данным этих индикаторов – Россия стабильно занимает место во второй половине списка из сотни стран, по которым составляются индексы. Подобное бедственное положение дел просматривается и на микроуровне, через анализ деятельности конкретных предприятий на основе коэффициента Тобина (Tobin's q ratio), который представляет собой отношение рыночной капитализации компании к балансовой стоимости ее активов. Так, к примеру, при поглощении компанией «IBM» компании «Lotus» коэффициент Тобина достиг 15,2. Для большинства же крупных российских компаний коэффициент Тобина равен или меньше единицы. Для «Лукойла» – 1,0, для «Татнефти» – 0,5, для хребта «российской сырьевой сверхдержавы» «Газпрома» – 0,3, а для лидера отечественного автомобилестроения «АвтоВаза» – 0,2⁷. Исходя из вышперечисленного, мы можем как констатировать крайне низкий уровень развития общей инновационной среды в России, так и дать весьма негативную оценку инновационного потенциала конкретных крупных российских компаний.

Отсюда справедливый вопрос – *результатом чего является подобное отставание России?* Рассмотрим для начала два типа производства знания. Первый тип, характерный для индустриального этапа развития: здесь цепочка создания знания выглядит следующим образом – создание исследовательских мощностей в рамках жестких организационных структур (например НИИ) – производство «знания» – его внедрение – производство продукции и т. д. Все это происходит в рамках одной фирмы или цепочки жестко субординированных фирм. Второй тип характерен для инновационной экономики: создание фундаментального знания в рамках мягких структур (проектный менеджмент) – разработка конкретных технологических, управленческих решений – разработка товара, услуги на основе этого решения – разработка технологии продвижения этого товара или услуги – производство товара и т. д. Часто каждый этап осуществляют разные агенты (фирмы, институты, исследовательские коллективы, консалтинговые компании), на каждом этапе продукт может быть продан, продажа зачастую осуществляется через специальных посредников, состыковывающих интересы продавцов и покупателей в условиях информационной

асимметрии. Процесс производства знаний, таким образом, заметно усложняется, увеличивается общее число рыночных агентов, усложняется структура транзакций и количество их типов. Возникают новые типы рыночных активов и формируется потребность в большей степени их спецификации. Вполне логично, что все это требует адекватной государственной политики и должной институциональной среды.

Можно выделить три группы факторов, способствующих формированию высокоразвитой инновационной среды и развитию инновационной экономики:

- 1) адекватная государственная политика.
- 2) дружественная институциональная среда.
- 3) наличие высокоэффективных, конкурентных неинновационных секторов экономики, т. е. наличие полноценной индустриальной экономики.

Адекватная государственная политика предполагает две сферы государственного участия. Во-первых, финансирование фундаментальной науки, т. е. разработок, не имеющих конкретного применения и не могущих приносить непосредственной прибыли от внедрения их создателям, но тем не менее являющихся необходимым фундаментом для производства практических технологических разработок. Здесь участие государства крайне необходимо, поскольку частный бизнес, как правило, не заинтересован и не способен к финансированию фундаментальной науки как по причине высокой стоимости исследований, так и по причине невозможности интериоризации конечных результатов труда и выгод, с ним связанных. Так, достижения фундаментальной науки не могут оставаться в собственности фирмы, а, следовательно, фирма и не будет иметь стимулов к их производству. Во-вторых, координация национальной инновационной деятельности. Поскольку инновационная деятельность обладает явным синергетическим эффектом, вполне обоснованным представляется искусственное установление некоторых приоритетных направлений развития. В связи с этим на плечи государства ложится ответственность за установление таковых приоритетов и создание специальных площадок и механизмов координации для рыночных агентов.

Институциональная среда. Как мы показали выше, экономика знаний обладает довольно сложной структурной организацией. Усложняющаяся система рыночных взаимодействий неизбежно приводит к росту транзакционных издержек (издержек взаимодействия) и, следовательно, неизбежно возникает потребность в формировании «компенсаторных» институтов по их уменьшению. Новые типы рыночных активов и операций, совершаемых с ними,

требуют должной нормативной базы, легализующей их статус, а также создания реальных механизмов по защите этих активов и новых типов правомочий. Чуть ниже мы покажем, что ключевым здесь является *создание высокоэффективного института собственности*, позволяющего рыночным агентам получать адекватное вознаграждение за их инновационную деятельность и предоставляющего им гарантии по защите их интеллектуальной собственности.

Неинновационный сектор. Если предыдущие две группы факторов скорее формировали возможности для полноценной инновационной деятельности, то наличие высокоразвитой «нетехнологичной» экономики делает ее для рыночных агентов просто необходимой. Дело в том, что при соблюдении данного условия единственной возможностью предприятия увеличить собственную прибыль является инновационная деятельность. Именно она дает возможность найти более перспективные способы продвижения собственной продукции, разрабатывать новые товары, уменьшать издержки и пр. Более того, поскольку данное условие предполагает существование конкурентного рынка и отсутствие свободных рыночных ниш, *инновации превращаются в фактор выживания*, то отказываясь от них, фирма неизбежно подвергается риску вытеснения с рынка более гибкими и адаптивными конкурентами. И напротив, если, к примеру, обычная торговая, спекулятивная деятельность – как это было в России 90-х годов⁸ – дает экономическим агентам возможность для извлечения сверхприбылей, никакого вопроса об инновациях и быть не может (то же относится и к сырьевому, и к промышленному-дотационному сектору).

Если для реализации условий, связанных с адекватной государственной политикой, с определенными ограничениями⁹, вполне достаточно выработки правящей элитой некоторой политической программы, направленной на перераспределение финансовых потоков и установление приоритетных программ национального инновационного развития, то для формирования оставшихся двух групп условий требуется более серьезная перестройка политического режима в целом. По сути, на наш взгляд, ключевой проблемой здесь является проблема наличия высокоэффективного института собственности. Поэтому для начала нам необходимо четко понять, что данный институт собой представляет, а затем установить его связь с экономикой знания.

Современное институциональное понимание природы прав собственности предполагает интерпретацию собственности как *пучка правомочий*, определяющего спектр допустимых для индивида (собственника) действий по отношению к объекту собственности. При этом определенные части этого пучка прав собственности

могут быть закреплены за разными индивидами. Подобные теоретические рамки анализа отделяют право собственности от вещи, т. е. индивид владеет не вещью, а правами на эту вещь.

Вторым значимым моментом для понимания природы прав собственности является представление о гаранте прав собственности. *Реальная способность индивида или фирмы по реализации своих прав пропорциональна степени гарантированности этих прав.* Вполне понятно, что, хотя гарантом прав собственности могут выступать и индивид, и организация, и некая иная общность самостоятельно, ключевым типом гаранта является государство: именно от его действий направленных либо на защиту прав собственности, либо на их «размывание», и будет зависеть эффективность института. Следует также понимать различие между самим институтом – как совокупностью норм и правил, и режимом функционирования института – как реальным способом выполнения правил. Государство обладает возможностью влиять как на сам институт непосредственно – через изменение законодательной базы, так и на режим его функционирования – через реализацию конкретных мер по защите прав собственности.

Можно предложить следующее определение: *институт собственности представляет собой совокупность норм и правил, регламентирующих возможности индивидов и организаций использовать ограниченные ресурсы, а также механизмы по реализации этих прав.* Мы также предполагаем возможность анализа института собственности в трех плоскостях:

1) по степени спецификации прав собственности – четкое определение объекта, субъекта собственности, всех правомочий, связанных с обладанием объектом собственности и т. д.¹⁰;

2) по степени защиты прав собственности – наличие реально действующих механизмов, позволяющих в полной мере защитить объекты собственности от посягательств как со стороны бизнеса, так и со стороны государства;

3) по степени управленческого контроля – возможность всей полноты контроля за объектами собственности (через кадровую политику, контроль за финансовыми потоками и т. п.).

Иллюстрируя данную модель через метафору пирога, скажем, что первый пункт дает нам возможность понять – где и чей кусок пирога находится. Второй пункт говорит нам о возможностях защиты собственником своего куска пирога. Третий пункт означает реальную возможность собственника использовать пирог по прямому его назначению.

Вполне понятно, что ключевым здесь является первый пункт, поскольку если мы не имеем четкой возможности определить ни

объект собственности, ни субъекта собственности, то совершенно непонятно, кого и что нужно защищать, и кто и чем имеет право управлять.

К настоящему моменту мы можем констатировать, что в России сложилась система *низкоспецифицированной и слабозащищенной* системы прав собственности¹¹. Государство не только плохо выполняет функцию гаранта прав собственности – в отношении посягательств на объекты собственности со стороны третьих лиц, но и само активно, сугубо в интересах правящей политической элиты, их нарушает.

Подобное положение дел в вопросах обеспечения прав собственности крайне негативно влияет на инновационный потенциал российской экономики. Во-первых, инновации требуют определенного объема финансирования и, следовательно, в целом благоприятного инвестиционного климата в стране. Коррупция, незащищенность прав собственности, непрозрачность экономических и политических процессов, бюрократические барьеры препятствуют притоку капитала и стимулируют его бегство из страны. Во-вторых, для российских предприятий неэффективный институт собственности означает высокие инвестиционные риски, а поскольку инновации являются по своей сути долговременными – и без того весьма рискованными – инвестициями, то риск вложения в инновационные проекты для бизнеса становится запредельным. Поэтому структура затрат на НИОКР в России сильно смещена в сторону государственного бюджета¹². А государство, как правило, не может обеспечить достаточный уровень контроля за своими вложениями и коммерциализировать конечный исследовательский результат. В-третьих, низкий уровень защиты интеллектуальных прав собственности в России ведет к низким оптимальным затратам на НИОКР. Текущий уровень затрат на НИОКР в России ниже, чем в развитых странах, причем интенсивность затрат на НИОКР и уровень защиты прав на их результаты тесно связаны: в развитых странах более высокий уровень защиты сопровождается большими расходами на НИОКР. Затраты на НИОКР в России не соответствуют не только уровню защиты прав на их результаты, но и используемым в НИОКР человеческим ресурсам: при текущем числе исследователей расходы на НИОКР должны были бы быть выше. В-четвертых, целый ряд технологических разработок в силу своей высокозатратности может быть осуществлен лишь весьма крупными фирмами. Но в нынешних условиях для крупного российского бизнеса скорее более перспективной стратегией развития будет установление тесных и дружественных отношений с органами власти, нежели стратегия приобретения конку-

рентных преимуществ за счет инновационной деятельности (хотя обе эти стратегии и не исключают друг друга).

При всей очевидности этих негативных явлений в России по-прежнему сохраняется и искусственно поддерживается неэффективный институт собственности. Подобное обстоятельство можно объяснить *эффектом блокировки*¹³, т. е. ситуацией, при которой создаются препятствия для установления эффективной системы прав собственности в масштабе всего общества организациями, получающими выгоду от ранее сложившейся системы распределения конечных выгод. Иными словами, ситуации, при которой определенные игроки или социальные группы максимизируют собственные выгоды в ущерб всему остальному обществу¹⁴.

В современной России институт собственности сложился под воздействием двух групп игроков. Первую группу мы можем условно обозначить как *власть*, вторую – как *бизнес*, хотя такое разделение и имеет ряд сложностей. Во-первых, в период формирования института (1986–2009 гг.) ни властные субъекты, ни субъекты бизнеса четко не институционализированы. Во-вторых, границы субъектов крайне расплывчаты и не всегда поддаются четкому определению. В-третьих, в определенные моменты наблюдалась явная диффузия власти в бизнес и бизнеса во власть, что еще более затрудняет нахождение границ конкретных субъектов. Тем не менее можно сказать, что в целом власть организована как некоторая совокупность клиентел¹⁵, а ключевые бизнес-акторы могут быть отождествлены с теми или иными ФПГ (или ИБГ¹⁶).

При этом мы исключаем общество из процесса выработки системы прав собственности в РФ. Поскольку на микроуровне (через инкрементные воздействия, неявные институциональные сделки) общество не участвовало в процессе распределения значительных объектов собственности. А на макроуровне – т. е. в процессах институционального конструирования и распределения собственности, общество и вовсе не участвовало, поскольку таковое его участие может быть осуществлено лишь посредством специальных институтов (прежде всего мы имеем в виду политические партии), которые способны мобилизовать социум и обеспечить его организованное участие в политическом процессе.

Таким образом, институт собственности сложился в результате особого типа взаимодействия власти и бизнеса. В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть все схемы такового взаимодействия, но мы можем предложить их классификацию на «черные», «белые» и «серые». В данном случае «черные» схемы представляют собой взаимодействия сугубо в рамках неформальных институтов, взаимодействия, зачастую даже прямо нарушаю-

щие принятые юридические нормы. «Белые» схемы соответственно построены на взаимодействии лишь в границах существующей юридической базы. И наконец, «серые» схемы являются наиболее распространенными практиками, которые предполагают неформальное использование формальных институтов.

При этом можно предположить существование довольно большого многообразия алгоритмов становления таких «серых» зон. С одной стороны, бизнес через неформальное взаимодействие с конкретными властными акторами мог добиться особого режима функционирования формальных институтов, с вариантами от их полного «засыпания» до их «дискретного» функционирования. А в ряде случаев бизнес, используя ранее сформированные неформальные практики взаимодействия, даже получал возможность «пролоббировать» собственные интересы, и получить некоторый «режим особого благоденствия» (например в виде кредитов, или импортно-экспортных квот и т. д.). Речь здесь идет о создании вполне формальных институтов через «серые» или «черные» практики принятия решений.

С другой стороны, и властные акторы могли как адаптировать уже существующие институты для собственных рентоориентированных интересов, так и способствовать становлению тех формальных институтов, которые имплицитно в будущем максимизировали бы их шансы в плане получения политической ренты.

Итак, если институт собственности возник из взаимодействия власти и бизнеса, а это взаимодействие было построено на основе стратегий использования «черных», «белых» и «серых» схем игры, то возникает вопрос – какие интересы через эти стратегии стремились реализовать власть и бизнес? Можно принять как аксиому тезис, что любой политический игрок стремится максимизировать собственную власть и влияние. При этом существуют всего три способа удержания или достижения власти: через принуждение (силовой ресурс), поощрение (экономический ресурс), убеждение (символический ресурс). Любой же бизнес-актор, по умолчанию, стремится к увеличению собственного капитала. Поскольку мы редуцировали нашу модель всего лишь до двух участников, вопрос можно переформулировать следующим образом – в чем нуждалась власть из того, что ей мог дать бизнес, и в чем нуждался бизнес из того, что ему могла дать власть?

Классифицируя интерес власти к бизнесу, мы выделили две группы интересов. Первая – *социальные обязательства бизнеса*. Поскольку любой политический игрок для удержания собственной власти нуждается в минимально эффективном функционировании государственного аппарата и реализации государством своих

функций по осуществлению адекватного социального обеспечения (понимаемого нами широко), то, в определенных обстоятельствах, вполне логичным шагом для власти будет перекладывание своих прямых обязательств на плечи бизнеса. В противовес идеальной модели рыночной демократии, при которой государство преимущественно осуществляет свои вышеозначенные функции за счет налоговых поступлений, собранных с бизнеса, в России, еще с советских времен, существует практика перекладывания социальной ответственности на плечи различного рода экономических субъектов.

Вторую группу интересов можно условно обозначить как *сбор политической ренты*, осуществляемый самыми различными способами, от простых схем прямой финансовой поддержки до организации довольно сложных систем ресурсообмена. Дело в том, что в ходе политического транзита и алгоритма институциональной имитации – т. е. практики формального, внешнего копирования западных институтов – в рамках политической системы РФ был сформирован институт выборов. Теперь позиция политика во властных иерархиях стала определяться масштабами его электоральной поддержки, что потребовало привлечения значительных финансовых и медийных ресурсов для организации эффективных избирательных кампаний. Хотя сам чиновник или депутат (по определенным причинам мы не разделяем иерархию государственной службы и иерархию выборных государственных или муниципальных должностей) потенциально обладал доступом к большому объему государственных ресурсов, напрямую он их использовать не мог. И это вынуждало его прибегать к взаимодействию с бизнес-актором.

С интересами бизнес-акторов дело обстоит еще интереснее. Парадокс состоит в том, что *запрос на установление более специфицированной системы прав собственности мог прийти только со стороны бизнеса*, так как само государство не заинтересовано в установлении высокоэффективного института собственности, поскольку в случае создания такового сбор политической ренты становится более проблематичным. Но и бизнес не выдвинул таковых требований. Во-первых, «размытый» институт собственности позволял производить скрытую «приватизацию прибылей» предприятия, еще находящегося в государственной собственности. Причем при определенных схемах работы бизнес-актор мог даже получать прибыли и с финансово-убыточных государственных активов. Во-вторых, уже установившие взаимодействие с государством бизнес-акторы вполне могли рассматривать это как конкурентное преимущество и продолжать делать ставку именно на упрочение своих

связей с политическими игроками в ущерб увеличению собственной «формально-институциональной» безопасности. В-третьих, в условиях громадного нераспределенного массива государственной собственности установление высокоспецифицированного института препятствовало бы «освоению» этого массива. В-четвертых, институт может достичь стабильности собственного существования лишь при достаточной степени его социальной легитимации, а с этим у бизнес-акторов всегда были существенные проблемы. Обобщая, можно сказать, что бизнес вовремя не осознал потенциальную угрозу со стороны государства и не понял значимости формирования специфицированной системы прав собственности для обеспечения долговременных выгод. В связи с этим нам кажется уместным подразделить интересы бизнеса на *структурные*, которые включают в себя, помимо эффективной системы прав собственности, еще и в целом адекватную экономическую политику (льготы, квоты, налоги, процедурные нормы и т. д.), и *конъюнктурные* – возникшие исходя из кратковременных условий исторического момента.

Отсюда – причины формирования в России неспецифицированной системы прав собственности и низкоэффективного института собственности в целом мы видим в незаинтересованности ключевых акторов (как со стороны бизнеса, так и со стороны власти) в формировании такового института. А поскольку к настоящему моменту бизнес в качестве актора, воздействующего на формирование институционального дизайна, был фактически элиминирован, можно утверждать, что неэффективность института собственности в России предопределена интересами властных акторов и де-факто характеристиками текущего политического режима.

Резюмируя основные положения настоящей статьи, можно сформулировать следующую проблему. Несмотря на то что построение экономики знаний и формирование инновационной среды являются первостепенными задачами для России, причем задачами осознаваемыми и открыто артикулируемыми даже представителями правящей элиты, выполнение этих задач в рамках текущей институциональной среды представляется едва ли возможным. А «реинжиниринг» этой среды крайне затруднен свойствами политического режима и достаточно в большой степени прямо противоречит интересам этой самой, призывающей к переходу на инновационный путь развития, правящей элиты.

- 1 *Махлун Ф.* Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс., 1966.
- 2 См.: *Андрюсюк К.В.* Происхождение видов... Многогранное понятие «Экономики знаний» // http://www.iteam.ru/publications/human/section_55/article_3527/
- 3 См.: *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Научная сессия общего собрания РАН (19.XII.2002), доклад.
- 4 См.: Инновационное развитие – основа модернизации экономики России / Ред. совет: В.П. Евтушенко, С.В. Кириенко, А.Б. Чубайс. М.: ИМЭМО РАН, ГУ-ВШЭ, 2008.
- 5 *Ясин Е.Г.* Инновационный призыв. // <http://hse.ru/news/6802230.html>
- 6 См.: *Макаров В.Л.* Глобальные вызовы, возникающие при движении к обществу, базирующемуся на знаниях: доклад // <http://www.artsoc.ru>
- 7 См.: *Гапоненко А.Л.* Интеллектуальный капитал // <http://www.koism.rags.ru;> <http://www.gubkin.ru>
- 8 *Яковлев А.А.* Агенты модернизации. М., 2007.
- 9 Прежде всего, здесь имеются в виду проблемы контроля, связанные с эффективным целевым расходованием средств.
- 10 Более полный вариант см.: *Honore A.M.* Ownership. In Oxford essays in jurisprudence / Ed. by A.W. Guest Oxford, 1961 P. 112–128.
- 11 См.: Динамика индексов защиты прав собственности в России // Права собственности, приватизация и национализация в России / Под общ. ред. В.Л. Тамбовцева. М., 2009. С. 428–450.
- 12 *Чулок А.А.* Распределение прав собственности на результаты НИОКР в постсоветской России: Кандидатская диссертация. <http://www.hse.ru>
- 13 См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- 14 Здесь и далее см.: *Марьин-Островский А.Н.* Трансформация института собственности в современной России // Трансформация «политического» и социальные институты в современной России. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С 88–104.
- 15 См.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России // <http://ecsosman.edu.ru/db/msg/4553>
- 16 См.: *Паннэ Я.* Олигархии: экономическая хроника: 1992–2000. М., 2000.

Е.С. Мелкумян

СИСТЕМА ВЛАСТИ В КУВЕЙТЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья «Система власти в Кувейте: традиции и современность» анализирует текст конституции, в котором зафиксированы полномочия главы государства – эмира, правительства и парламента. Система власти опирается как на традиционные, так и универсальные элементы. Политическая практика последних лет подтверждает готовность парламента усилить свою роль в общественно-политической жизни Кувейта.

Ключевые слова: Кувейт, власть, эмир, семья Аль Ас-Сабах, парламента, правительство

Политическое устройство обретшего в 1961 г. независимость эмирата Кувейт определяется принятой в нем в 1962 г. конституцией.

Согласно ее положениям верховная власть в стране принадлежит правящей семье Аль Ас-Сабах. Статья четвертая кувейтской конституции гласит, что власть передается по наследству потомкам Мубарака Ас-Сабаха, рассматриваемого официальной историографией в качестве основателя современного кувейтского государства¹. В эпоху его правления (в 1899 г.) был заключен договор с Великобританией, заложивший основы будущих взаимоотношений с этой державой, на протяжении длительного периода времени осуществлявшей опеку над Кувейтом. Нахождение у власти представителей правящей семьи Аль Ас-Сабах является, с официальной точки зрения, главным фактором легитимации государства Кувейт. За представителями правящей семьи закреплены некоторые ключевые посты в правительстве – премьер-министра, министра обороны, внутренних дел и иностранных дел.

Политическая система Кувейта основана на принципе разделения трех ветвей власти, осуществляемом при их тесном сотрудничестве в соответствии с положениями конституции. Законодательная власть принадлежит эмиру и Национальному собранию (парламенту), тогда как исполнительная власть осуществляется эмиром и кабинетом министров. Судебную власть вершат судьи, действующие от имени эмира и руководствующиеся положениями конституции. Эмир является главой государства. Он пользуется личной неприкосновенностью. Прерогативой эмира является назначение премьер-министра и министров, а также снятие их с занимаемых ими должностей. Кандидатуры министров и премьер-министра выносятся на обсуждение парламента. Традиционные представления об обязанностях эмира, который должен заботиться о нуждах граждан своей страны, включая и их защиту от вооруженного нападения извне (кувейтская конституция, что отражено в ее 68-ой статье, запрещает ведение наступательных войн), наложились на современные представления о нормативно-правовых основах государственной власти.

В официальной кувейтской идеологии отсутствует идея сакрализации верховной власти. Право эмира и правящей семьи на власть основываются лишь на исторической традиции.

После вступления на престол эмира, не позже чем в течение одного года, должен быть назначен его преемник – наследный принц (вали аль-ахд). Его назначение осуществляется на основе эмирского указа и должно быть одобрено большинством депутатов парламента. В том случае если кандидатура, предложенная эмиром, была отвергнута парламентом, эмир должен предложить три новые кандидатуры, одну из которых парламент должен одобрить. В той же статье четвертой конституции указывается, что «наследный принц должен быть дееспособным, законным сыном родителей-мусульман».

В выборе преемника эмира большую роль играет Совет правящей семьи, в который входят наиболее достойные и уважаемые ее члены старше 40 лет. Кандидат на пост наследного принца должен быть прямым потомком Мубарака Ас-Сабаха. Кроме того, первостепенное значение имеют его личные качества: способность руководить страной, принять на себя ответственность за ее судьбу, образованность и широкая информированность, умение принимать взвешенные решения.

Процесс формирования власти в Кувейте основывается на исторической традиции, связанной с тем, что правитель страны избирался ее населением и их отношения были закреплены во взаимном договоре (мубаяа). В современной конституции Кувейта

мубаяа трансформировалась в присягу, которую эмир приносит перед членами Национального собрания на специальной сессии этого органа законодательной власти. В тексте присяги говорится: «Я клянусь Всемогущим Богом уважать конституцию и законы государства, защищать свободы, интересы и собственность народа, обеспечивать независимость и территориальную целостность страны»².

Депутаты парламента, со своей стороны, также приносят присягу: «Я клянусь Всемогущим Богом быть верным стране и эмиру, уважать конституцию и законы государства, защищать свободы, интересы и собственность народа и честно исполнять свои обязанности»³. Институт мубаяа является важной составляющей государственно-политической системы Кувейта, которая сохраняется, несмотря на последующие эволюционные изменения, связанные как с социально-экономическим развитием страны, так и с повышением ее значения на международной арене. В сегодняшнем Кувейте это дает основание правящей элите утверждать, что форма правления в Кувейте изначально была основана на демократии.

Второй традиционной основой демократии является принцип совещательности (аш-шура), фиксируемый в Коране. Для современных политиков Кувейта он является неоспоримым подтверждением того, что исламская политическая культура по самой своей природе является демократичной. В ней заложен принцип разделения властей, который является одним из важнейших элементов демократии. Создание консультативных и законодательных советов, а затем и парламента стало претворением в жизнь этого принципа в Кувейте. В соответствии с кувейтской конституцией «система власти основана на демократии, при которой суверенитет осуществляется народом – источником всей полноты власти»⁴.

Национальное собрание (Меджлис аль-умма) состоит из 50 членов, избираемых на основе прямого и тайного голосования в соответствии с законом о порядке проведения выборов. В статье 82 конституции определяются требования к кандидатам в члены парламента. Они должны быть кувейтцами по рождению и иметь право участвовать в выборах. Кандидату должно исполниться не менее 30 лет на момент проведения выборов, он должен уметь хорошо читать и писать по-арабски. Парламент страны формируется из кандидатов, которые принимают участие в выборах на индивидуальной основе. Однако это не исключает того, что в ходе парламентской деятельности создаются политические блоки, которые формируют группы, оказывающие политическое давление. Эти блоки ведут свою политическую агитацию и выдвигают канди-

датуры будущих депутатов парламента, способных отстаивать интересы соответствующих политических блоков.

В 2005 г. был принят закон, согласно которому женщины получили право участвовать в выборах и выдвигать свои кандидатуры в парламент. Это стало результатом длительной борьбы, которую вели женские организации и другие политические силы страны, выступавшие за демократизацию общественно-политической системы Кувейта. Министры, которые не избраны в Национальное собрание, считаются его членами на основании занимаемой ими должности.

Парламент, начавший свою работу в 1963 г., оказывает все возрастающее влияние на политический курс страны. Статья 79 конституции гласит, что «ни один закон не может быть издан без его утверждения Национальным собранием и одобрения эмиром». Эмир может отправить на повторное рассмотрение законопроект, одобренный Национальным собранием и направленный к нему для ратификации. В то же время законопроект автоматически приобретает силу закона, если он получает одобрение двух третей состава Национального собрания на следующей после его утверждения сессии или же одобрение простого большинства на последующих сессиях. Национальное собрание может заявить о своем недоверии любому министру, и тогда министр обязан подать в отставку. Кувейтский парламент не обладает, тем не менее, полномочиями отправить в отставку премьер-министра, однако имеет право обратиться с запросом к эмиру, который должен в этом случае отправить в отставку премьер-министра или же распустить парламент⁵.

Кувейтская конституция вобрала в себя ряд традиционных элементов, характерных для раннего этапа формирования государства. Однако она была составлена на основе европейских конституций, поэтому в ней содержатся разделы, посвященные фундаментальным принципам кувейтского общества, правам и обязанностям кувейтских граждан, прерогативам судебной, исполнительной и законодательной властей, а также разделы, в которых говорится о финансовом регулировании и военных вопросах.

Новым эмиром страны в январе 2006 г., после смерти Джабера Аль-Ахмеда Ас-Сабаха, стал не наследник престола Саад Аль-Абдалла Ас-Салим Ас-Сабах, а премьер-министр Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах. Впервые в истории эмирата парламент не утвердил кандидатуру эмира, а выступил с инициативой избрания нового правителя государства в связи с тем, что наследный принц был болен и не мог выполнять свои обязанности. Утверждение кандидатуры нового эмира произошло путем голосования в парламенте. Повышение роли парламента стало свидетельством серьезных измене-

ний в политической системе Кувейта. В то же время та роль, которую сыграл парламент в процессе назначения эмира, подтвердил, что порядок распределения власти между правящей семьей и парламентом меняется. Конечно же, пока рано говорить о том, что правящая семья становится формальным институтом власти. Однако некоторые подвижки в распределении полномочий между различными ветвями власти уже произошли.

Новый эмир, кандидатура которого была предложена парламентом, по своим личным качествам и опыту политической деятельности, отвечал всем требованиям, предъявляемым к кандидатам на пост главы государства. В течение 40 лет (с 1963 по 2003 гг.) он исполнял обязанности министра иностранных дел. В 2003 г. Сабах Аль-Ахмед возглавил кувейтское правительство. Он – наиболее сильный и влиятельный политик современного Кувейта. Его отличительные черты – гибкость и взвешенность. Благодаря этим своим качествам он завоевал авторитет и признание в стране.

Сабах Аль-Ахмед – представитель одной из ветвей правящей семьи Аль Ас-Сабах – Аль Джабер. Согласно традиции эмирами Кувейта становятся поочередно представители этих двух ветвей – Аль Джабер и Аль Салем. В данном случае традиция была нарушена. Для кувейтского парламента более существенным стала компетентность нового эмира и его преданность избранному страной курсу на развитие демократии и проведение реформ.

После вступления в должность нового эмира и назначения им правительства во главе с Насыром Мухаммедом Ас-Сабахом в стране произошла череда политических кризисов, связанных с противоречиями между правительством и парламентом.

21 мая 2006 г. эмир Кувейта Сабах Аль Ахмед Ас-Сабах издал указ о роспуске парламента и проведении новых выборов. Причиной роспуска парламента стало то, что он выступил против решения правительства об изменении закона о выборах и о создании десяти избирательных участков вместо существовавших ранее двадцати пяти. 29 июня 2006 г. состоялись выборы в Национальное собрание Кувейта. Одним из главных результатов июньских выборов стала победа противостоящих правительству сил. Оппозиция получила большинство депутатских мандатов, среди них – представители исламистских организаций. Это организации, представляющие суннитскую часть населения страны, и несколько депутатов от немногочисленной шиитской общины. Причем среди суннитов члены двух противостоящих друг другу направлений – салафиты (исламские фундаменталисты) и Исламское конституционное движение, близкое по идеологии движению «Братья-мусульмане». Кроме того, в оппозиции находятся сторонники либеральных реформ.

Значительное представительство исламистов в парламенте Кувейта не может рассматриваться как новый феномен в политической жизни этой страны. Исламисты, прежде всего Исламское конституционное движение, представляют собой наиболее хорошо организованную и сплоченную силу, которая активно влияет на политическую жизнь Кувейта, начиная с середины 1970-х годов. После свершения Исламской революции в Иране в 1979 г. их популярность и влияние возросли. Светские политические группировки, представленные либералами, левыми демократами и технократами смогли оттеснить исламистов лишь в годы ирано-иракской войны и террористической деятельности ряда радикальных исламистских группировок в Кувейте.

В годы иракской оккупации исламистские группировки стали главными организаторами сопротивления, и их популярность необычайно возросла. Они получили значительное число мест в парламенте, избранном в 1992 г. и в последующих созывах. Депутаты, представляющие исламистские группировки, в январе 2006 г. объявили о создании первой политической партии в Кувейте – партии Аль-Умма (Нация). Она не была официально зарегистрирована, потому что согласно конституции страны создание политических партий запрещено. Однако общественно-политические организации фактически исполняют роль партий.

Во второй половине марта 2008 г. в Кувейте разразился очередной политический кризис. Министры кувейтского правительства подали премьер-министру страны Насеру Аль-Мухаммеду Ас-Сабаху прошение об отставке. Их заявление об отставке было изложено первым заместителем премьер-министра, министром обороны шейхом Джабером Аль-Мубараком Ас-Сабахом. В заявлении говорилось, что правительство подвергается постоянным нападкам и давлению со стороны парламента, противодействует принятию решений, которые вносятся правительством. Последним примером было решение об увеличении заработной платы кувейтских граждан, которое не удовлетворило депутатов, а также снятие ограничений на государственную собственность, против чего часть депутатов возражала⁶.

Состав кувейтского правительства был сформирован в марте 2007 г., однако уже в октябре того же года он был в значительной степени обновлен под давлением парламента. Два министра прежнего правительства – министр информации и министр торговли подали в отставку. Затем из его состава были выведены еще два министра: министр информации и министр здравоохранения. Третий состав правительства подвергся серьезным изменениям, когда уже четыре министра были вынуждены подать в отставку, а один ми-

нистр был снят со своего поста. В отношении всех министров, покинувших правительство, были направлены парламентские запросы.

Постоянные смены состава правительства свидетельствуют о том, что политическая система Кувейта находится на стадии корректировки и приведения в соответствие с возросшими требованиями со стороны тех политических сил, которые получили легальную возможность через парламент выражать свое мнение и отстаивать свои интересы. Они стремятся к тому, чтобы в деятельность исполнительной власти также были внесены изменения, что должно способствовать дальнейшему поступательному развитию страны и укреплению ее внутренней стабильности.

Парламент страны выдвигает предложения, направленные на то, чтобы кувейтская политическая жизнь соответствовала принципам универсального характера. Среди них центральное место отводится соблюдению прав человека, в том числе его политических прав.

Одним из подтверждений этого стал проект закона о предании гласности деятельности политических партий, который был предложен в ноябре 2008 г. группой депутатов кувейтского парламента либерального направления. Депутаты-либералы уже вносили на рассмотрение парламента аналогичный проект закона в декабре 2007 г. Однако этот проект не был обсужден парламентом, который в марте 2008 г. из-за очередного политического кризиса, вызванного столкновениями между парламентом и правительством, был распущен и были назначены досрочные выборы в парламента.

Депутаты, которые внесли новый проект закона о партиях, утверждали, что в кувейтской конституции, принятой в 1962 г., не содержится прямого и ясного указания на то, что деятельность политических партий в стране запрещена. Отказ от практики партийной деятельности, по их мнению, объясняется опасением правительства Кувейта в отношении того, что может быть повторен печальный опыт Ливана, где в середине 70-х годов прошлого века вспыхнула гражданская война, или опыт Ирака, раздираемого межконфессиональными противоречиями, а также опыт Йемена, где в политике главенствуют племенные отношения.

В марте 2009 г. в Кувейте разразился новый политический кризис. Правительство страны, возглавляемое прежним премьер-министром, ушло в отставку. Отставка была принята эмиром. Причиной отставки правительства стала невозможность для него взаимодействовать с парламентом. Об этом было официально заявлено правительством.

За последнее время три депутата парламента, кстати, все они представляли исламистские фракции, направляли запросы о деятельности премьер-министра. В них поднимались проблемы,

связанные с замедлением темпов экономического развития Кувейта, отсутствием программы экономического развития, а также финансовыми хищениями. Такие запросы стали традицией в деятельности кувейтского парламента. Кроме того, мировой экономический кризис оказал воздействие на развитие событий в Кувейте. Предприниматели страны выступили за роспуск парламента, который не поддержал антикризисные меры правительства, направленные на спасение банков и предприятий, не способных выплатить свои долги. Депутаты, возражавшие против программы правительства, заявляли о том, что те 20 млрд. долларов, которые были выделены правительством, являются общим достоянием кувейтского народа и что отсутствует необходимая в данном случае прозрачность и объективность принимаемых решений⁷.

Этот кризис стал продолжением подобных же столкновений между исполнительной и законодательной властью Кувейта. Правительство смогло проработать всего 64 дня после его формирования. Прежнее правительство ушло в отставку по тем же причинам, что и нынешнее. Шейх Насыр уже возглавлял пять составов правительства, после того как он был впервые назначен премьер-министром в феврале 2006 г. Его кандидатура остается неизменной, несмотря на то что ему не удалось противостоять нападкам со стороны парламента и наладить с депутатами конструктивное взаимодействие.

Согласно 107-й статье конституции эмир имеет право издать указ об отставке правительства и формировании его нового состава или же о роспуске парламента и назначении новых выборов в парламента, которые должны состояться в течение 60 дней с момента его роспуска. В то же время эмир мог пойти на нарушение конституции и распустить парламента на год или более длительный срок.

В кувейтской истории были примеры неконституционных решений в отношении высшего органа национальной законодательной власти. В 1976 г. парламента был распущен и были отменены некоторые статьи конституции, гарантировавшие свободу слова, собраний и митингов. Тогда парламента был вновь избран в 1981 г., когда началась ирано-иракская война, потребовавшая консолидации кувейтского общества. В 1986 г. парламента был вновь распущен на неопределенный срок. В период иракской оккупации, в декабре 1990 г., состоялся конгресс кувейтского народа в Джидде. Он проходил на территории Саудовской Аравии, где находились кувейтское правительство и эмир страны. На конгрессе было принято решение о неукоснительном соблюдении конституции. В 1992 г. деятельность парламента была воссоздана.

18 марта 2009 г. эмир Кувейта огласил свое решение о роспуске парламента и назначил проведение новых выборов. Выборы должны были пройти в течение двух месяцев. Шейх Сабах Аль-Ахмед не пошел на нарушение конституции, что весьма показательно. На конгрессе кувейтского народа в Джидде обещание неукоснительно следовать всем положениям конституции было дано от имени правящей семьи Аль Ас-Сабах. Поэтому все представители этой семьи несут ответственность за исполнение этого обещания. В тот период правителем страны был предшественник Сабаха Аль-Ахмеда. Однако это обстоятельство никоим образом не меняет ситуацию. Философия власти в Кувейте традиционно отводит правителю роль «отца нации». Идея о «единой семье всех кувейтцев», которая была выдвинута в период создания национального государства, не утратила своей актуальности и сегодня. Не случайно в речи главы кувейтского государства шейха Сабаха, с которой он обратился к кувейтским гражданам, подчеркивалось, что он обращается к своему народу, как отец. Он говорил о той ответственности, которая лежит на правителе страны за ее будущее и будущее ее народа. В выступлении эмира была подчеркнута необходимость сохранения стабильности и единства кувейтского народа. Шейх Сабах сказал, что «Бог дал народу Кувейта процветание, и народ обязан защитить свои завоевания, сохранить все то, что им достигнуто, сохранить стабильность в обществе и обеспечить безопасность своей страны»⁸.

Парламент Кувейта, включая оппозицию, не ставит под сомнение право семьи Ас-Сабах на власть. Речь идет лишь о том, что правящая семья утратила свое монопольное положение и стала одной из ветвей власти, что должно найти отражение в политической практике Кувейта.

Политические события в Кувейте в последние годы отражают те изменения, которые постепенно происходят в распределении власти в стране. Традиционные институты, хотя и сохраняют свое значение, но подвергаются определенной корректировке. В то же время Кувейт – один из крупнейших производителей нефти в мире и его включенность в мировые экономические процессы оказывает воздействие на его политическую жизнь, активное участие в которой принимают социальные группы, не связанные с традиционной элитой и стремящиеся к более активному влиянию на принятие основополагающих политических решений.

- 1 См.: The Constitution of the State of Kuwait. Kuwait, 1962. Article 4.
- 2 Ibid. Art. 60.
- 3 Ibid. Art. 91.
- 4 Ibid. Art. 6.
- 5 Ibid. Art. 101.
- 6 См.: Аш-Шарк Аль-Аусат. 2008. 19.03. С. 1.
- 7 См.: Невозможность сотрудничать с парламентом из-за депутатских запросов. Аль-Хайят. 2009. 17. 03. – http://www.alhayat.com/arab_news/gulf_news/03-2009/Item-20090316-10dab706-c0.
- 8 Текст выступления шейха Сабаха Аль-Ахмеда // Аш-Шарк Аль-Аусат. 2009. 19. 03.– <http://www.asharqalawsat.com/details.asp?section=4&article=51/1/545&issueno=10069>.

ПРОРЫВНОЕ ЗНАНИЕ: МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЯ ПРОТИВ ВЛАСТИ ИНКВИЗИЦИИ

В статье предлагается описание мыслительного эксперимента Г. Галилея как средства создания концептуальной борьбы с господствовавшей в то время аристотелевско-схоластической парадигмой знания относительно устройства Вселенной, а через это – с властью самой инквизиции. Рассмотренная в статье модель мыслительного эксперимента может быть экстраполирована на различные социально-политические ситуации, в которых требуется выработка прорывного знания, использование принципиально новых подходов к реальности.

Ключевые слова: мыслительный эксперимент, трансляция знания, модель рефлексивного управления, парадигма власти, интеллектуальная модель, рефлексивное управление.

Устройство повседневности средневековья было тесно связано с политической и идеологической властью инквизиции, с ее догматизирующим дискурсом, пронизывающим буквально все сферы жизни. Воздействие инквизиции на развитие научной мысли было особенно губительно, так как это препятствовало развитию всей западноевропейской культуры. Тем интереснее ходы, выработанные научной мыслью как надежное противоядие духовной цензуре. В какой бы форме и в какое бы время она ни осуществлялась, эти ходы могут быть эффективно использованы. В качестве одного из таких мощнейших средств противостояния любого типа догматизму может быть рассмотрен мыслительный эксперимент Галилео Галилея¹.

Анализируя его устройство, отечественные и зарубежные исследователи обычно рассматривают его как средство развития теоретического знания. Однако мыслительный эксперимент можно

рассматривать и как средство рефлексивной борьбы с господствовавшей аристотелевско-схоластической парадигмой знания относительно устройства Вселенной, а через это – с властью самой инквизиции. В пространстве мыслительного эксперимента Галилей сталкивает сразу несколько альтернативных подходов к решению задачи: аристотелевско-птолемеевский и коперниковский, аристотелевский и платоновский, подход Филопона и свой собственный и т. д. Проживая мыслительный эксперимент в диалогах Галилея, мы становимся свидетелями не только того, как катится шарик по идеально гладкой плоскости или как падет груз с башни, но и того, как новая мыслительная парадигма взаимодействует с другими (главным образом, птолемеевско-аристотелевской и платоновской) парадигмами при объяснении движения указанных предметов и как она убедительно побеждает аристотелевско-схоластический подход.

Мыслительный эксперимент у Галилея – это *средство создания необходимого свободного пространства в поле уже имеющихся содержаний*, где такого рода новое содержание может быть предъявлено читателю (или слушателю-ученику), а также воспринято и освоено нами.

Мыслительный эксперимент несет *рефлексивно-управляющую функцию*: в ходе него происходит восстановление генезиса знаний, полученных ранее философами и учеными по данному вопросу², показывается ограниченность этих знаний, невозможно решить тот или другой парадокс, а также происходит «выведение» читателя в совершенно новую идеальную действительность, где царит коперниковско-галилеевский взгляд на движение и где этот взгляд оказывается мыслительно-теоретически полностью подтвержден и мыслительно-экспериментально оправдан.

На самом деле читатель «Диалога о двух главнейших системах мира: птолемеевой и коперниковой», а также «Бесед и математических доказательств» оказывается уже исходно включен в эту идеальную действительность, с самого начала, не понимая и не зная всех новых онтологических допущений, лежащих в ее основе. В результате, проделав вместе с автором длинный мыслительно-экспериментальный путь, читатель оказывается кардинально изменен. Он и не замечает, как становится убежденным антиаристотелианцем и сторонником именно галилеевского подхода.

Мыслительный эксперимент – это модель рефлексивного управления по отношению к тем каналам трансляции, которые сложились в эпоху Галилея. Чтобы занять управляющую позицию по отношению к ним, Галилей и сконструировал мыслительный эксперимент в качестве такого рефлексивно-организационного

механизма, который позволял управлять самим этим транслятивным пучком разных содержаний и фрагментов знаний.

Как известно, основная проблема, которую на протяжении всей своей жизни решал Галилей – это утверждение гелиоцентрической картины мира в качестве новой предельной онтологии. Напомним, что Галилей работал в ситуации, когда труды Коперника попали в свод запрещенных книг. Напомним также, что свой последний труд «Беседы и математические доказательства», Галилей писал, уже после своего отречения, находясь под присмотром инквизиции и будучи изолированным от всех своих друзей и учеников³. Проблема трансляции нового знания являлась для него экзистенциальной проблемой, от которой зависел смысл жизни.

Поэтому и был создан мыслительный эксперимент – тайное противоядие инквизиции. Мыслительный эксперимент являлся своего рода «эзоповой сказкой», позволяющей ввести в сознание многих поколений совершенно новую картину мира (новую предельную онтологию), в которой невозможно было усомниться. «Я хотя и молчу, но провожу жизнь не совсем праздно», – говорит Галилей в своем посвящении, предпосланном «Беседам...»⁴. Эти слова в контексте уже сказанного приобретают для нас совершенно особый смысл. «Непраздная жизнь» была связана не только с разработкой проекта экспериментально-математического естествознания, но и с решением проблемы трансляции этого проекта последующим поколениям. Эта проблема была решена. Диалоги Галилея могут быть рассмотрены как такие тексты, которые *искусно, хитроумно транслируют* новый образец научно-теоретической, философско-мыслительной работы, являя собой одновременно новый образец построения транслятивно-образовательной практики⁵.

Мы считаем возможным утверждать, что созданный Галилеем «проект нового типа рациональности» (П.П. Гайденко), который впоследствии был реализован «в творчестве выдающихся математиков и физиков XVII–XVIII вв.»⁶, включал в себя также модель построения нового типа образовательной практики, нацеленной на воспитание нового типа ученых. Именно поэтому он и был осуществлен.

В чем же состоит этот новый – образовательный – способ работы, несущий в себе одновременно черты нового теоретико-мыслительного образца деятельности?

Как известно, оба главных произведения Галилея выполнены в форме диалогов между тремя персонажами – Сагрето, Симпличио, Сальвиати. Эти диалоги имеют специально сконструированный характер и не являются записью спонтанно случившихся разговоров, хотя их участники носят реальные, а не вымышленные

имена⁷. Персонажи воплощают позиции, опять же выбранные Галилеем не случайно. Симпличио – позицию Аристотеля, Сальвиати – позицию самого Галилея, а Сагрето – позицию понимающего обоих и пытающегося выстроить свое собственное отношение к обсуждаемым вопросам. Галилею очень важно не просто включить читателя в мыслительный эксперимент, но показать, что при осуществлении выхода к принципиально новому теоретическому знанию о движении обязательно будут сталкиваться разные позиции. Собственно их напряженное коммуникативное взаимодействие и дает возможность читателю включиться на своих, уже имеющихся у него мыслительных и мировоззренческих основаниях в поиск истинных принципов движения и устройства мира. Несмотря на хитроумную конструкцию, заложенную в основание мыслительного эксперимента (о чем уже говорилось выше), благодаря оконтуриванию ее диалогом читателю в конечном счете предоставляется полная свобода выбора между позицией Аристотеля и Галилея, а также возможность построить свой ответ, не сводимый ни к одной из представленных позиций. Мыслительная свобода – это и есть новая парадигма по отношению к той, которая все еще царила в университетах. Через мыслительный эксперимент читатель оказывается включенным в новую действительность, где царит коперниковско-галилеевский взгляд на мир. Но читателя при этом может развернуть и в любом другом направлении. В каком – это самое интересное. Маркирующим значком такой возможности в структуре диалога является как раз позиция Сагрето.

Оконтуривание мыслительного эксперимента диалогом позволяло также транслировать читателю сам способ мыслительного конструирования эксперимента. Сальвиати всякий раз очень подробно рассказывает своим собеседникам то, как он «проводил» или «будет проводить» эксперимент, что и за чем он будет ставить и двигать, какие конкретно действия осуществлять с падающим или катящимся телом, как именно он будет работать с чертежом и т. д. Читатель, занимая позицию понимающего, как и Сагрето, который учится мысленно проделывать то, что рассказывает Сальвиати, ощущает себя как бы очевидцем осуществляемых буквально «на глазах» опытов. В результате проживания разговора Сальвиати с Симпличио и Сагрето происходит посвящение читателя не только в результаты проведенного исследования, но и в сам замысел эксперимента, а также в характер необходимых процедур. Для чего? Для того чтобы впоследствии читатель сам лично мог проводить аналогичные опыты, исследуя устройство мира. Это и есть процесс трансляции знания – о том, как организовывать исследовательскую деятельность, чтобы получать новые теоретические

результаты. Другими словами – это есть процесс трансляции нового, экспериментально-исследовательского стиля взаимодействия с познаваемым миром, который царил в академиях. Галилей осуществляет его трансляцию деятельностно, имитируя через фигуру Сагрето, пытающегося воспроизводить процедуры «проведения опыта», понимание читателя.

Таким образом, мы беремся утверждать, что Галилей построил в своих текстах такую конструкцию трансляции теоретического знания, которая была нацелена не просто на передачу новой картины мира (что само по себе было невероятно, и не случайно вызвало приговор инквизиции), но на передачу самой *методологии* исследования. Это было достигнуто благодаря тому, что мыслительный эксперимент был вписан в очень интересно выстроенный процесс коммуникации между тремя указанными позициями.

Ниже в качестве иллюстрации к тому, что было сказано, мы рассмотрим всего один, пожалуй, самый знаменитый мыслительный эксперимент, направленный на решение парадокса псевдо-Аристотеля о движении двух цилиндров, вставленных друг в друга (он представлен в книге «Беседы и математические доказательства»).

Мыслительный эксперимент с решением парадокса псевдо-Аристотеля⁸

Суть данного эксперимента состоит в следующем: предлагается представить два концентрических круга, вставленные один в другой. Известно, что при совместном качении двух концентрических кругов больший проходит такое же расстояние, как и меньший, в то время как при независимом движении этих двух кругов пройденные ими расстояния относились бы как их радиусы.

Налицо – парадокс. Галилей решает его следующим образом. Он предлагает сначала мысленно заместить концентрические круги многоугольниками, вставленными один в другой, с бесконечным количеством сторон. И показывает, что при совместном качении у большого многоугольника каждая сторона будет попадать на прямую, а у маленького многоугольника – только через одну. Число пустых промежутков, или скачков, которые будет совершать меньший многоугольник, будет при этом равно числу сторон обоих многоугольников. Таким образом, если представить окружности как многоугольники, состоящие из миллиона сторон, то одна прямая, по которой будет катиться большой многоугольник, будет вся заполнена периметром сторон многоугольника, состоящим из точек, а другая, по которой будет катиться меньший многоугольник, будет заполнена не только его сторонами, но и пустотами.

Это Галилей показывает на схеме, анализируя соотношение путей, пройденных по прямой AS и HT многоугольниками.

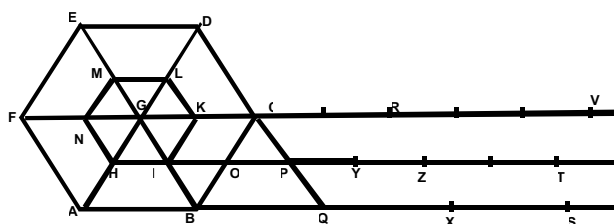

Схема 1

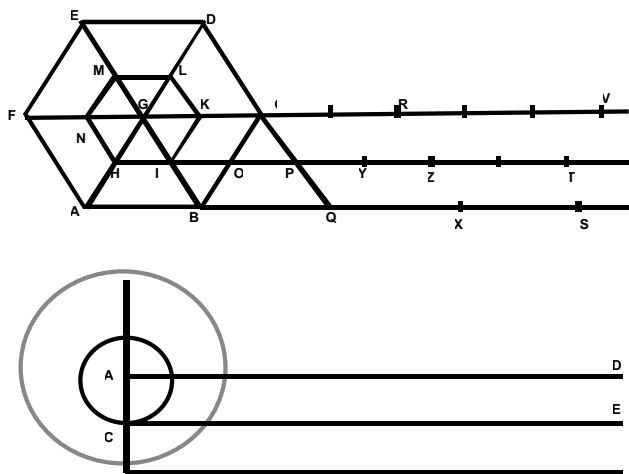
«В результате полного оборота больший многоугольник отложит на линии AS подряд без каких-либо промежутков шесть равных линий, составляющих в сумме его периметр; меньший многоугольник также отложит шесть отрезков, равных его сторонам, но разделенных пятью дугами, хорды которых – части линии HT – остаются незатронутыми многоугольником; наконец, центр G прикоснется к линии GV только в шести точках. Отсюда вы можете заключить, что пространство, пройденное малым многоугольником, почти равно пройденному большим, так как линия HT почти равняется линии AS, будучи менее последней лишь на величину хорды одной из дуг, если рассматривать линию HT сполна, т. е. вместе с отрезками под дугами»⁹.

После этого Галилей предлагает сделать обратный (от многоугольников к окружностям) – предельный переход и помыслить окружности как многоугольники уже с бесконечным числом сторон. Подобно тому как меньший многоугольник, катясь, совершает скачки, минуя пустые промежутки, так и меньший круг при качении также будет проходить «бесконечное множество малых неделимых пустых пространств»¹⁰. Но в отличие от многоугольника с фиксированным количеством сторон делать он будет это нефиксированное, или бесконечное, количество раз. Потому что если увеличивать до бесконечности число сторон в каждом из многоугольников, то будет увеличиваться в них и число неделимых пустых пространств – также до бесконечности.

Вот как об этом говорит сам Галилей устами Сальвиати:

«Я возвращаюсь к рассмотрению упомянутых выше многоугольников, на которых явление было понято и уяснено нами, и скажу, что как в многоугольнике со ста тысячами сторон путь, пройденный при обороте, измеряется обводом большого многоугольника, т. е. отложением без перерыва всех его сторон, в то время как путь меньшего многоугольника также равен ста тысячам его

сторон с прибавлением такого же числа, т. е. ста тысяч пустых промежутков, так и в кругах (*представляющих собой многоугольники с бесконечно большим числом сторон* [выделено нами. – Н. Г.]) линия, образуемая непрерывным наложением бесконечно большого числа сторон большого круга, приблизительно равна по длине линии, образованной наложением бесконечно большого числа сторон меньшего круга, если включить в нее и наличные промежутки; а так как число сторон не ограничено, а бесконечно, то и число промежутков между ними тоже бесконечно; бесконечное множество точек в одном случае занимает пространство полностью, в другом пространство занято бесконечным множеством точек и пустых промежутков»¹¹.

Итак, Галилей решает парадокс благодаря тому, что, во-первых, вводит новое понятие – «бесконечно малых», или «пустых неделимых точек»; во-вторых, Галилей предлагает проделать предельный переход – помыслить многоугольник, превращающийся в круг; в-третьих, использует математическую модель, с помощью которой делает видимым для мышления то, что невозможно увидеть чувственно-эмпирически – в самом физическом явлении.

В чем же состоит мыслительный эксперимент? Он состоит как раз в том, что проводится очень ясная и якобы *очень наглядная демонстрация того, что увидеть невозможно*, – как многоугольник превращается в окружность, как, соответственно, образуются «пустые промежутки» и как из них складывается прямая, по которой катится малая окружность. Экспериментальность заключается в том, что мы можем *увидеть* в природе движения нечто такое, чего без проведения эксперимента увидеть не можем. Эксперимент

делает видимым невидимое. Правда, увидеть это новое, прежде невидимое можно только мысленно, *идеально-теоретически* (а не чувственно, не эмпирически) – на математической модели (см. схемы 1 и 2).

Другая же сторона мыслительного эксперимента – его *рефлексивно-управляющая функция* обнаруживается уже не изнутри самого эксперимента и не изнутри устройства движения, но *через вписанность эксперимента в структуру диалога* и через выстраивание отношения к процессу решения парадокса с разных позиций.

Решая парадокс псевдо-Аристотеля по-новому, Сальвиати предлагает Симпличио и Сагрето мыслительно проделать то, что немислимо в рамках аристотелевской парадигмы, но то, что вполне оказывается мыслимо в рамках альтернативного ей подхода Галилея. Все это оказывается крайне трудно понять и принять аристотелианцу Симпличио:

1. Пустота, по Аристотелю, невозможна, а здесь понятие пустоты начинает играть центральную роль. Ссылаясь на утверждение Аристотеля, Симпличио пытается возражать Сальвиати: «природа не стремится творить ничего такого, что сопротивлялось бы ее творению <...> Пустое пространство противится само своему образованию»¹¹. В другом месте он снова повторяет: «Признание существования пустоты, столь решительно отвергаемой Аристотелем, представляет большие затруднения»¹². В ответ на эти возражения Галилей показывает, что аристотелевский запрет на мышление с помощью понятия пустоты не оправдан, и как только он снимается, перед теоретическим мышлением открываются новые возможности для объяснения физических явлений (таких, например, как сопротивление материалов) и для решения трудно разрешимых задач (таких, как рассматриваемая задача псевдо-Аристотеля).

2. Симпличио избегает парадоксов. Сальвиати же сознательно использует этот прием, методологически разработанный, как мы знаем, еще Кузанским в альтернативу к аристотелевской формальной логике. Так, «пустые точки» – это промежутки, лишённые величины; круг – это многоугольник с бесконечным количеством сторон (хотя известно, что многоугольник обязательно имеет фиксированное, т. е. конечное количество сторон); круги, которые проходят по отдельности разные расстояния, будучи сцеплены вместе, проходят одно и то же расстояние и т. д. Собственно сам метод парадокса и позволяет Галилею вводить принципиально новые понятия, радикально меняя привычный стиль мышления про движение. Одним из них стало понятие актуальной бесконечности. Если Аристотель и его последователи допускали только потенциальную бесконечность¹³, то Галилей здесь, развивая подход

Кузанского применительно к физике, вводит понятие актуальной бесконечности. Вот что по этому поводу пишет П.П. Гайденко: «Допущение предельного перехода многоугольника с как угодно большим, но конечным числом сторон в фигуру другого рода – круг – позволяет Галилею ввести в оборот понятие актуальной бесконечности, вместе с которым в научное построение проникают парадоксы – и на этих-то парадоксах, которые прежде в математику пытались не впускать, как раз и работает та новая ветвь математики, которая во времена Галилея носит название “математики неделимых”, а впоследствии получает название исчисления бесконечно малых. В “Беседах” Галилея мы наглядно можем видеть, как формируется методологический базис этой новой математики, возникшей вместе с механикой нового времени как ее математический фундамент»¹⁴.

3. В оппозицию к Аристотелю Сальвиати не обсуждает ни движущих причин, ни среды, которые могли бы повлиять на одинаковое движение двух разных концентрических кругов. Он сознательно от всего этого отвлекается и обсуждает только сам процесс движения – как оно осуществляется в *каждой точке* проходимого пространства, проводя сопоставление заполненных интервалов и «пустых точек». Это очень непривычно для Симпличио.

4. Кроме того, если физика Аристотеля базировалась на противоположности непрерывного и дискретного, то Сальвиати, решая парадокс с двумя концентрическими кругами, однозначно отказывается от нее, вводя как раз понятие «пустых точек». «...Разделяя линию на некоторые конечные и потому поддающиеся счету части, – говорит Сальвиати, – нельзя получить путем соединения этих частей линии, превышающей по длине первоначальную, не оставляя пустых пространств между ее частями; но *линию, разделенную на бесконечное число частей, т. е. составленную из неделимых бесконечно малых частиц* (выделено нами – Н. Г.), мы можем представить себе простирающейся без прерывания конечными пустотами, но включающей бесконечное множество малых неделимых пустых пространств»¹⁵. Сказанное оказывается опять же невероятно трудным для понимания Симпличио. Поэтому Симпличио учтиво отвечает: «Это составление линии из точек, делимого из неделимого, конечного из бесконечного кажется мне не легко преодолимым препятствием»¹⁶. На это Сальвиати говорит, что прекрасно понимает его затруднения, так как в этом, добавим мы уже от себя, и состоит суть мыслительного эксперимента: нужно помыслить и внутренним, идеальным зрением увидеть то, что в рамках формальной аристотелевской логики – невозможно «...Вспомните о том, что мы имеем дело, с одной стороны, с величинами беско-

нечно большими, с другой – с бесконечно малыми, неделимыми, постичь которые умом невозможно благодаря необъятности одних и малости других. Мы убеждаемся здесь, что человеческая речь не приспособлена для выражения таких понятий»¹⁷

5. Так же сложно Симпличио, оказывается, представить тождество единого и бесконечного, потому что в рамках аристотелевского подхода и в целом в рамках античной парадигмы мышления такое было невозможно. Этот тип тождества ввел еще Николай Кузанский, замещая им категориальную пару «единое–многое», которая была базисной для античного мышления. Новое по отношению к Кузанскому здесь состоит в том, что Галилей это проделывает, соединяя действительность предметной онтологии физики и предметной онтологии математики. Отвечая на вопрос о том, как же все-таки оказывается возможно помыслить линию как «совокупность бесконечного числа бесконечно малых»¹⁸, Сальвиати показывает, что путем сложения не получить бесконечное, как нельзя получить непрерывность линии, по которой движется круг, из последовательного *сложения* бесконечного количества заполненных и пустых интервалов. «...Переходя к большим числам, – говорит Сальвиати, – мы все более удаляемся от бесконечного числа; отсюда можно вывести заключение <...>, что если какое-либо число должно являться бесконечностью, то этим числом должна быть единица»¹⁹.

6. Наконец, сам метод работы, используемый Сальвиати, совершенно непривычен для аристотелианца Симпличио. Разъясняя мысли академика, Сальвиати заставляет своих собеседников буквально рукой, с помощью линейки и циркуля, *измерять* и через это открывать новые законы мироздания. В данном случае, при обсуждении парадокса псевдо-Аристотеля, – то, что в некоторой конечной непрерывной величине может существовать бесконечное множество пустот. Логический парадокс, «снятый» на схеме с помощью математического решения, – это принципиально новый для Симпличио способ проведения доказательства, к которому он оказывается не готов. В ответ на проведенное решение задачи Симпличио говорит: «Ваши рассуждения и доказательства суть чисто математические, отвлеченные и оторванные от всякой ощущаемой материи; я полагаю, что по отношению к физической материи и предметам, встречающимся в природе, выведенные законы не могут иметь приложения». На это ему Сальвиати отвечает: «Сделать для вас видимым невидимое это, конечно, не в моих силах...»

Итак, конфликт между Симпличио и Сальвиати, несмотря на всю учтивость беседы, происходит очень и очень жесткий. Галилей прекрасно знает все контраргументы противника и потому умело их озвучивает, имитируя в персонаже Симпличио позицию аристо-

телианца. Это делается затем, чтобы вызвать у своего читателя (который, обучаясь в университете, уже воспитан в духе Аристотеля и может опознать себя или своего учителя в фигуре Симпличио) рефлексию уже имеющихся у него оснований. Демонстрируя недостаточность этих оснований по каждому конкретному пункту, Галилей снимает с мышления читателя неконтролируемо принятые запреты и открывает совершенно новые возможности для его научно-теоретической деятельности. Через беседу с Симпличио он показывает, что нужно отрефлексировать и изменить в собственном мышлении, чтобы новый подход, который представляется очень необычным и в силу этого неправильным, «впустил» в себя. Таким образом, Галилей, озвучивая голос Симпличио, имитирует не только сознание оппонента, но и сознание того ученика, который воспитан в парадигме Аристотеля и при понимании экспериментов, проводимых Сальвиати, будет испытывать те же трудности, что и Симпличио.

При этом Галилей не отменяет напрочь господствующую в физике аристотелевскую парадигму, но вводит в мышление молодого человека, организуемого в рамках перипатетического обучения, несколько существенно других принципов – из платонической традиции, взятой им в варианте Николая Кузанского и далее разрабатываемых и развиваемых самим Галилеем.

Работая «в присутствии» Симпличио и Сагрето на чертежах, Сальвиати показывает, как по-новому можно и нужно организовывать свою познавательную работу, чтобы усиливать теоретическое видение, добываясь видения невидимого. Это – один из центральных моментов, который транслируется в ходе коммуникации при обсуждении решения парадокса псевдо-Аристотеля. Наконец, спор с Сальвиати, представленный в «Беседах...», служит для молодых последователей примером тому, как надо отвечать и как можно вслух альтернативно мыслить, находясь в ситуации жесткой идеологической цензуры. Для этого Галилей и устраивает это столкновение по основаниям между Симпличио и Сальвиати на глазах у Сагрето, пытающегося понять и того и другого. Контраргументы и сомнения, выдвигаемые Симпличио, а иногда и Сагрето, шаг за шагом снимаются Сальвиати в ходе его диалога с ними.

Как уже было сказано выше, разные мыслительные позиции, закрепленные за разными собеседниками, позволяют предвидеть то, как будет разворачиваться мыслительный эксперимент в разных логиках. И, соответственно, эти фигуры, выражающие разные стилевые особенности мышления, позволяют Галилею втянуть в обсуждение и сделать предметом сознательного отношения не только особенности устройства движения, но и сами эти разные логики.

Коммуникация между тремя участниками диалога на протяжении всей первой беседы построена так, что в ответ на возникающие вопросы и недоумения Сальвиати в качестве дополнительного доказательства проводит все новые и новые эксперименты, которые все дальше затягивают его собеседников в новую, впервые выстраиваемую действительность экспериментально-математического естествознания. Сам эксперимент про два концентрических круга Сальвиати вводит не сразу, а в ходе обсуждения функции «мельчайших пустот» при сопротивляемости материалов (пустоту в данном случае Галилей предлагает рассматривать как силу сцепления) и потому использует задачу псевдо-Аристотеля исходно как средство для выяснения предшествующего вопроса.

Но обсуждение парадокса псевдо-Аристотеля уже само влечет за собой обсуждение новых парадоксов: промежутков, лишенных величины; совпадения континуального и дискретного; тождества единого и бесконечного и т. д. Так, переходя от обсуждения одного парадокса к другому, от одного мыслительного эксперимента к следующему, Симпличио и Сагрето даже и не замечают, что постепенно метод парадокса, сцепленный с методом проведения мыслительных экспериментов, становится для них самих естественным, привычным приемом мышления. Осуществляется образовательный процесс. Не случайно в конце так называемого третьего дня Сагрето говорит про трактат академика, выражая явно свое восхищение: «Я твердо верю <...> то, что изложено и доказано в настоящем кратком трактате, попав в руки других пытливых исследователей, укажет им путь ко многим удивительным открытиям»²⁰. А Симпличио просит оставить ему книгу, чтобы самому поработать с ней внимательно на досуге.

Что же в итоге транслируется Галилеем молодым ученым в этом тексте? Собственно сам новый способ теоретической работы и транслируется, связанный с отстаиванием нового взгляда на природу движения²¹. Причем этот способ многосторонен и полномасштабен. Не случайно П.П. Гайдено, одна из самых авторитетных отечественных исследователей науки Нового времени, считает, что именно Галилей, повторяем, «создает проект нового типа рациональности, который затем реализуется в творчестве выдающихся математиков и физиков XVII–XVIII вв.»

Самое интересное, что этот проект и форма его трансляции, предполагающая изменение образовательной практики в университетах, разрабатывались Галилеем уже после того, как он, стоя в покаянном рубище на коленях перед судом инквизиции, совершил свое отречение от собственных взглядов.

Схема рефлексивного управления, положенная Галилеем в основу мыслительного эксперимента и устройства диалога, которую мы рассмотрели выше, имеет значение по сей день при трансляции не только естественно-научного, но и общественно-политического знания. Она может служить надежным средством противостояния догматизирующему дискурсу любого типа. Поскольку наша современность по-прежнему базируется на «дисциплинирующих механизмах», задача которых – надзирать и наказывать (М. Фуко), то рефлексивно-эпистемические модели, позволяющие восстанавливать генезис разного типа запретов на свободу мышления, остаются крайне актуальными. Особенно в условиях постоянно усиливающегося воздействия на сознание различных коммуникативно-информационных практик – концентриального оружия (оружия, поражающего сознание).

Примечания

- 1 Мы используем здесь и далее понятие «мыслительный эксперимент» вместо понятия «мысленный эксперимент», преимущественно употребляемого по отношению к Галилею исследователями. Мы делаем это для того, чтобы подчеркнуть деятельностно-преобразовательный, а не просто интеллектуально-созерцательный характер созданной им конструкции. В данном случае процесс мышления мы противопоставляем результатам чистого мышления.
- 2 В тексте «Диалога...» это происходит, как правило, через новую интерпретацию классических текстов.
- 3 «После кратковременно пребывания в Риме Галилею было разрешено вернуться в свою виллу Арчетри близ Флоренции, где он и провел почти безвыездно остальные годы своей жизни под бдительным наблюдением инквизиторов, причем сношения с ним его друзей и учеников были небезопасными». См.: *Долгов А.Н.* Предисловие // Галилео Галилей. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению. М.; Л., 1934. С.18.
- 4 *Галилео Галилей.* Указ. соч. С. 34.
- 5 Огромное педагогическое значение текстов Галилея отмечает и Аннибале Фантоли. Так, говоря о «Диалоге», Фантоли пишет: «Он не является трактатом по астрономии или философии в строгом смысле (да это и не входило в намерения автора); это полемическое, а отчасти и педагогическое сочинение в защиту идей Коперника. [...] В “Диалоге” чувствуется и педагогический такт Галилея, благодаря ему он постепенно подготавливает читателя (как в научном, так и психологическом плане) к долгому и трудному пути постижения новой системы мироздания». См.: *Фантоли А.* Галилей: в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999. С. 263.
- 6 См.: *Гайденок П.П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 241.

Н.В. Громыко

- 7 «Участники беседы, которым Галилей так же, как и в диалогах о двух системах мира, приписал имена двух своих друзей – Сальвиати и Сагрето (первый – флорентийский вельможа, управлявший одно время городом Болоньей, второй – дож Венеции) и имя заслуженного комментатора Аристотеля – Симплиция, жившего в VI в., относятся друг к другу с должным уважением» (*Долгов А.И.* Указ. соч. С. 25–26).
- 8 Данная задача была сформулирована в работе «Механические проблемы», которая исходно ошибочно приписывалась Аристотелю.
- 9 *Галилео Галилей.* Указ. соч. С. 80–81.
- 10 Там же. С. 84.
- 11 Там же. С. 84–85.
- 12 Там же. С. 65
- 13 Там же. С. 87.
- 14 Приведем в связи с этим следующий фрагмент разговора между Сальвиати и Симплицио: «*Сальвиати.* Самая возможность постоянного разделения на части приводит к необходимости признания совокупности бесконечного числа бесконечно малых. Чтобы положить конец спору, ответьте мне определенно: являются ли, по вашему мнению, части непрерывного целого конечными или бесконечными? *Симплицио.* Я отвечаю вам, что они и бесконечны, и конечны: бесконечны – в потенции, конечны – в действии; бесконечны в потенции, т. е. ранее, чем произошло разделение, конечны – в действии, т. е. после того, как произошло разделение» (*Галилео Галилей.* Указ соч. С. 99).
- 15 *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000.
- 16 *Галилео Галилей.* Указ. соч. С. 85
- 17 Там же. С. 86–87.
- 18 Там же. С. 87.
- 19 Там же. С. 99.
- 20 Там же. С. 104.
- 21 Там же. С. 414.
- 22 См.: *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. С. 241.

И.В. Логвинова, Е.Е. Рязанов

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме изучения механизмов государственного и общественного контроля в среде образования. Исследование направлено на выработку предложений по оптимизации государственного и общественного контроля в данной области. Это необходимо для формирования объективного и актуального знания о тех процессах, которые протекают в образовании, об итогах и последствиях его реформирования, а также выработки действенных мер по совершенствованию образовательного процесса с целью создания инновационной модели образования в России. Общественные организации, осуществляющие контроль в сфере образования должны обладать правовым статусом, который бы позволял им реально взаимодействовать с государственными органами, образовательными учреждениями и оказывать на государственную политику в сфере образования.

Ключевые слова: государственный контроль и надзор, социальный контроль, контрольно-надзорная деятельность, мониторинг законодательства, право граждан на образование.

Властвование базируется на определенном объеме знаний. Государственный контроль и надзор, социальный контроль способствуют формированию знания о том, насколько эффективно реализуются государственные задачи в сфере образования и в какой мере это соответствует общественным потребностям. В настоящей статье мы предлагаем пути оптимизации государственного и социального контроля для формирования его моделей адекватных современному состоянию образования.

Образование в соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации относится к полномочиям совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Надзорные функции сосредоточены у федеральных органов, а контрольные полномочия имеют не только федеральные, но и региональные органы исполнительной власти, наделенные компетенцией по управлению в этой области¹.

Контрольно-надзорная деятельность – это выполнение функций государства посредством действия всех разновидностей государственного надзора и контроля за законностью². Предметом контроля является соблюдение образовательными учреждениями условий образовательной деятельности, принятие мер по устранению нарушений законодательства, качество образования и лицензирование. Государственный контроль и надзор являются традиционными формами, используемыми в сфере управления образованием. Государственный надзор реализуют органы прокуратуры Российской Федерации, контрольными и надзорными полномочиями наделена Федеральная служба по надзору в сфере образования³.

Государственный надзор органы прокуратуры осуществляют на основании Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации»⁴. Предмет прокурорского надзора составляет соблюдение Конституции РФ, законодательства, а также прав и свобод граждан. По итогам проведенных в 2006–2008 гг. проверок прокурорами выявлено более 12 тыс. нарушений законодательства в сфере образования, в целях устранения которых внесено более 3 тыс. представлений, должностным лицам объявлено около 300 предостережений о недопустимости нарушений закона, принесено свыше тысячи протестов на незаконные правовые акты, возбуждено около 700 уголовных дел, более одной тысячи дел об административных правонарушениях, в суды направлено 1600 исковых заявлений⁵. Есть данные о нарушениях прав на получение информации об организации учебного процесса, о незаконных ограничениях этого права нормативными документами. Часто встречаются такие нарушения, как незаконный отказ в приеме в образовательное учреждение. В ряде регионов образовательный процесс в высших учебных заведениях не отвечает предъявляемым законодательством требованиям. Значительное количество филиалов вузов не имеет собственной материально-технической базы и квалифицированных профессорско-преподавательских кадров. В некоторых филиалах отсутствуют спортивные и актовые залы, лаборатории, читальные залы, основная учебная и учебно-методическая литература, методические пособия, не созданы необходимые условия для организации работы пунктов общественного питания, медицинского обслуживания. Нарушаются требования пожарной безопасности и санитарно-эпидемиологические нормы.

Высокая степень общественной опасности правонарушений в сфере прав граждан на образование обусловлена тем, что, во-первых, они вызывают общественный резонанс, так как касаются большого круга лиц (учащихся, студентов, их семей); во-вторых, необходимо использовать сложные процедуры устранения таких нарушений (обжалование нормативных или ненормативных актов в судебном порядке); в третьих, они парализуют действие положений федерального законодательства либо иных нормативных правовых актов.

Важно не только констатировать подобные факты, но и понимать их причины. Представители образовательного сообщества и государственных органов отмечают, что нарушения прав граждан на образование связаны с недостатками нормативно-правового регулирования, а также отсутствием постоянного контроля за деятельностью образовательных учреждений.

В первую очередь следует отметить, что такие нарушения возможны в условиях, когда субъекты управления образовательным процессом не понимают целей государственной образовательной политики. В этом случае субъект, призванный реализовывать государственные властные полномочия в образовательной сфере, препятствует реализации законных прав и интересов и тем самым блокирует это направление. Такое непонимание может являться следствием незнания юридических норм либо проявлением нигилизма, т. е. осознания противоправности своих действий и, тем не менее их осуществления, поскольку отрицается сама ценность прав и законных интересов граждан. Проблема правосознания – тема для серьезных исследований в разных областях. Но следует заметить, что в сфере образования задача формирования правосознания в процессе социализации личности имеет особый гуманистический смысл. И наоборот, сознательное игнорирование правовых норм, формирование устойчивых поведенческих стереотипов, имеющих в своей основе нигилистическое отношение к закону, негативно влияют на личность. В этой связи возникает проблема организации взаимодействия органов государственного и общественного контроля. Государственный орган может установить нарушение и выдать предписание по его устранению в отношении конкретного лица. Общественный механизм контроля мог бы осуществлять мониторинг, направленный на недопущение в дальнейшем нарушений прав иных лиц. Речь идет о последующем контроле.

Социальный контроль осуществляется общественными организациями. Возможность общественного контроля за деятельностью образовательных учреждений и взаимодействия с государственными органами установлена законодательством⁶. Участие об-

ществленных институтов позволяет расширить информацию, выявить проблемы, а также создать коммуникативную среду для заинтересованного обсуждения в обществе современного состояния образования. Оптимизация механизмов государственного и общественного контроля необходима для формирования объективного и актуального знания о тех процессах, которые протекают в образовании, об итогах и последствиях реформирования в этой области, а также для выработки действенных мер по совершенствованию образовательного процесса в целях создания инновационной модели образования в России.

Общественный совет при Министерстве образования и науки Российской Федерации был создан в 2006 г.⁷ Этот постоянно действующий общественный орган с совещательными функциями призван содействовать подготовке предложений, обеспечивающих принятие оптимальных решений по развитию образования, науки и социальной защиты детей в России. Совет также проводит общественную экспертизу проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых Минобрнауки России, рассматривает инициативы общественных объединений в области образования, науки, молодежной политики, а также обеспечивает использование потенциала общественных объединений для повышения эффективности законодательства Российской Федерации в сфере образования.

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки взаимодействует не только с органами государственной власти, но и с общественными объединениями и иными организациями, имеет полномочия на создание совещательных и экспертных органов. При Федеральной службе действует Общественный совет. Аналогичные общественные структуры организованы при учебных заведениях высшего, среднего профессионального и общего образования, а также при государственных органах субъектов Российской Федерации и органах муниципального управления. Необходимо отметить, что правовой статус общественных органов оформлен уставами и положениями образовательных учреждений, либо положениями, утвержденными постановлениями государственных или муниципальных органов⁸. Как правило, правоустановительные документы определяют цели и задачи деятельности, права и обязанности, в некоторых случаях вводят положения об ответственности. Однако они не закрепляют условия осуществления прав и обязанностей, конкретные сферы их реализации, процедуры, в том числе организационные формы общественного контроля. Без конкретизации полномочий и механизмов их использования отсутствует реальная возможность для осуществления контроля. Так, внешняя экспертиза может быть осуществлена только при

условии наличия соответствующих правовых актов, регулирующих порядок ее проведения, придающих обязательную либо рекомендательную силу решениям. Правовой статус общественной организации должен позволить реально влиять на процессы в образовательной сфере. Что же касается вопроса об ответственности, то основанием может являться только нарушение законодательства. В некоторых случаях в локальных актах устанавливаются общие нормы об ответственности за невыполнение решений заседаний или планов мероприятий. Однако такие положения не могут применяться, так как в подобных случаях нет состава правонарушения. В связи с этим необходимо при разработке локальных актов проводить их юридическую экспертизу.

Следует определить цели создания общественных институтов, взаимодействующих с государственными органами и осуществляющих контроль за деятельностью образовательных учреждений. Эти цели должны отражать потребности общества и государства в объективном видении того, как функционирует образовательная сфера. Констатация факта наличия общественных советов либо иных институтов для декларирования открытости и взаимодействия с представителями общественности неприемлема в условиях необходимости качественных изменений в образовании. Именно поэтому правовой статус органа общественного контроля должен быть наполнен реальными полномочиями.

Мониторинг правовой базы занимает особое место в правовом регулировании образовательного процесса⁹. Это важнейшее направление государственного контроля. Как правило, общественные организации допускаются к участию в мониторинге на стадии разработки проектов нормативных правовых актов. Среди задач Общественного совета при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки значатся: подготовка предложений и рекомендаций по совершенствованию и развитию надзора и контроля, контроль за исполнением законодательства Российской Федерации в области образования, науки, аттестации научных и научно-педагогических кадров и иные. В этом перечне явно не хватает полномочий по мониторингу нормативных правовых актов. Если их положения противоречат Конституции РФ, содержат спорные моменты либо не в полной мере урегулировали правоотношение, то заинтересованные представители общественности должны не контролировать исполнение подобных правовых актов, а выявлять их недостатки и иметь возможность участвовать в выработке предложений по совершенствованию положений законодательства. Среди полномочий Общественного совета указано, что он обеспечивает общественную экспертизу проектов нормативных, инструктивных

и методических документов по осуществлению полномочий Рособнадзора, но это не касается действующих актов.

Потенциал общественных организаций используется в достаточно узкой сфере, но они могли бы играть более заметную роль в формировании концепции образовательной политики, мониторинге нормативных правовых актов субъектов РФ на предмет соответствия федеральному законодательству и его исполнения. И такие их функции следует закрепить в соответствующих правоустановительных документах.

Общественные объединения, имеющие целью своей деятельности осуществление социального контроля в сфере образования, могут иметь разнообразные организационно-правовые формы. Федеральное законодательство устанавливает, что основанием для рассмотрения федеральным или региональным органами исполнительной власти вопроса о направлении в образовательное учреждение обязательного для исполнения предписания может являться решение общего собрания родителей (законных представителей) обучающихся, а также решение общего собрания обучающихся¹⁰. Следовательно, общественный контроль могут осуществлять либо инициировать не только общественные организации, советы, но и иные субъекты.

Общественный контроль может быть двух типов: формализованный и неформализованный. Формализованный осуществляется субъектами, имеющими правовой статус, который включает в себя контрольные полномочия. Неформализованный контроль осуществляется родителями обучающихся, их законными представителями. Есть отдельные примеры закрепления правового статуса за родительскими комитетами. Уставы образовательных учреждений могут предусмотреть такую возможность.

Предложения по противодействию нарушениям в сфере образования обычно сводятся к информированию государственных органов, отмечается необходимость совершенствования законодательной базы, а также разработки новых мер прокурорского надзора за исполнением законодательства об образовании¹¹.

Основной метод контроля и надзора – проверки, они рассматриваются как инструмент выявления нарушений в деятельности образовательных учреждений. Но одновременно проверки могли бы стать механизмом эффективного противодействия таких нарушений в будущем. Для этого необходимо сохранять коллективные формы проверок, а не допускать возможности их осуществления в индивидуальном порядке. Образовательная сфера должна быть публична и максимально открыта. Поэтому следует внести предложения по привлечению к участию (можно в качестве наблюдате-

лей) представителей общественных организаций. Их участие являлось бы гарантией обеспечения прав субъектов образовательной деятельности, в том числе обучающихся. Решения, принимаемые по итогам проверок, должны доводиться до всех заинтересованных лиц, а не только до руководителя образовательного учреждения с тем, чтобы создавать условия для активного обсуждения и выработки новых конструктивных подходов к совершенствованию образовательного процесса.

Предлагаются модели развития государственного надзора. В частности создание в федеральных округах окружных органов Рособнадзора. Такое предложение является спорным. Можно до бесконечности создавать новые уровни государственного надзора. Речь идет прежде всего об эффективности. Но такие меры логичны в рамках структурно-функционального подхода¹². Если рассматривать государственный контроль и надзор как функцию государственного аппарата, обеспечивающую охват как можно большей сферы для осуществления контроля и тем самым ее упорядочения, то для совершенствования форм реализации такой функции будут требоваться дополнительные элементы и механизмы в уже существующей системе. В этом есть положительный момент, так как объем знаний об объекте контроля будет увеличиваться. Но и бюрократизация всего процесса контроля и надзора также возрастет. Кроме того, структурно-функциональный подход позволяет рассмотреть проблему оптимизации государственного контроля в нескольких аспектах: правовом, организационном, методическом и техническом. В первом случае необходимо устранить все пробелы и коллизии в правовом регулировании контроля, во втором – четко определить формы контроля, в третьем – усовершенствовать методы осуществления контрольных полномочий, в последнем – внедрить современные технические средства, а также использовать информационные ресурсы.

Подход к государственному и социальному контролю в рамках системного метода как к простой совокупности двух отдельных частей органически целого явления слишком упрощает само явление. Его природа искажается. Выводы последуют односторонние и неполные. Несмотря на общность основных целей и задач, наличие системных связей, этот метод не позволяет в достаточной мере объяснить пути взаимодействия в процессе осуществления государственного и социального контроля. Итогом такого подхода обычно является предложение о введении общественно-государственного контроля. Несомненно организационно-правовая форма, обеспечивающая наиболее тесное и постоянное взаимодействие государственных органов, образовательных учреждений и обще-

ственных институтов, необходима. Но она не должна подменять собой самостоятельные общественные институты.

Если исходить из коммуникативного подхода, то появляется возможность для оптимизации как вертикальных, так и горизонтальных связей, за счет взаимодействия различных государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в сфере образования, а также общественных институтов. Коммуникация в сфере контроля предполагает равноправное положение субъектов. В ином случае создаются предпосылки для манипуляций общественным мнением.

Пока не сформирована вся необходимая законодательная база для осуществления контроля и надзора в сфере образования. Имеющаяся была подвержена изменениям с целью расширить полномочия государственных контрольных и надзорных органов и усовершенствовать их деятельность, уточнить систему мер государственного контроля за качеством образования. Подобные изменения в законодательные акты будут вноситься и позднее. Это объективный процесс, так как идет реформирование в сфере образования и пока нет удовлетворенности его качественным состоянием. В ряде регионов нормативные правовые акты, регламентирующие контрольные мероприятия, не приняты.

Все заинтересованные субъекты должны иметь возможность адаптироваться как к нововведениям, так и к изменениям, своевременно получать информацию и понимать цели, а также основные тенденции преобразований. Для этого необходимо активнее включать общественность в обсуждение государственной политики в сфере образования.

Важно решить целый ряд теоретических вопросов, связанных с разработкой понятия и состава правонарушения законодательства РФ об образовании¹³.

Оптимизация государственного и общественного контроля необходима для того, чтобы создать дополнительные гарантии реализации конституционного права на образование. С этой целью требуется осуществить следующие меры.

1. Разработать на федеральном уровне общие принципы правового статуса общественных организаций (советов) при учебных заведениях, органах государственной власти или местного самоуправления.

2. Концептуально определить место общественного контроля в общей системе контроля и надзора в образовательной сфере.

3. Выработать принципы государственного контроля, надзора и социального контроля.

4. Обеспечить постоянный, эффективный мониторинг нормативной правовой базы в сфере образования на всех уровнях. Включить в эту работу общественные организации.

5. В правовых актах различного уровня следует закрепить правовой статус органов общественного контроля.

6. Конкретизировать положения нормативных правовых актов, которые регулируют порядок осуществления общественного контроля.

7. Ввести информационную систему учета результатов контроля и надзора в сфере образования, как государственного, так и общественного, что позволит сделать эту процедуру публичной.

8. Дополнить контрольными функциями правовой статус учредителей образовательных учреждений и попечительских советов. Конкретные формы такого контроля устанавливают локальные акты – уставы образовательных учреждений и положения о попечительских советах.

Примечания

- 1 См.: Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Российская газета. 1992. 31 июля; Парламентская газета. 2009. 17 февр.
- 2 См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. С. 76.
- 3 См.: Постановление правительства Российской Федерации от 17 июня 2004 г. № 300 «Об утверждении положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки» // Российская газета. 2004. 24 июня.
- 4 См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 25.12.2008 г.) «О Прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; Российская газета. 2008. 30 дек.
- 5 Данные приведены на совместном заседании коллегий Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации, состоявшемся 27 марта 2008 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/news/news-7583/?print=1>
- 6 См.: Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»; Постановление правительства Российской Федерации от 17 июня 2004 г. № 300 «Об утверждении положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки».
- 7 См.: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 346 // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации: Высшее и среднее профессиональное образование. 2007. № 3. С. 3–5.

И.В. Логвинова, Е.Е. Рязанов

- 8 См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. (с изм. от 28.03.2008 г.) № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных служб и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3322; 2008. № 14. Ст.1413.
- 9 См.: *Арзамасов Ю.Г.* Место и роль мониторинга нормативных актов в механизме правового регулирования и в образовательном процессе / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный // *Право и образование*. 2007. № 12. С. 29–35.
- 10 См.: Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании».
- 11 См.: Материалы совместного заседания коллегий Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации, состоявшегося 27 марта 2008 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/news/news-7583/?print=1>
- 12 См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2003. С. 160–170.
- 13 См.: *Сырых В.М.* О реализации органами управления образованием надзорно-контрольных функций // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2007. Т. 2 (декабрь) // Сайт ФГУ «Федеральный центр образовательного законодательства». Режим доступа: <http://www.lexed.ru/pravo/journ>

Н.А. Медушевский

СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В РОССИИ

В статье освещаются вопросы устройства и функционирования российских фабрик мысли. Проводится контент-анализ источников, представляющих аналитическую и количественную информацию по российским фабрикам мысли и выделяется набор организаций, включенных в политический спектр. Общее число упоминаемых в источниках организаций превышает 100 наименований, однако релевантными, т. е. повторяющимися три и более раз, являются лишь 20 названий. Именно эти двадцать организаций можно обобщить как показательную модель усредненной российской фабрики мысли. Исследование российской модели фабрики мысли проводится нами через анализ по модели Вейс, использовавшейся в середине 90-х годов для аналогичного анализа американских фабрик мысли.

Ключевые слова: фабрика мысли, посредники, лоббисты, приглашенные эксперты, академические ученые, неправительственная организация.

Фабрика мысли – американское изобретение, которое получило развитие под воздействием процесса модернизации и нашло свою интерпретацию в политической практике почти всех государств мира.

Наибольшее количество фабрик мысли расположено в Западной Европе, и США. Их инфраструктура более развита, чем в других регионах мира, однако спектр их деятельности не очень разнообразен. Многие из них официально связаны с политическими партиями или даже являются их филиалами.

После распада СССР и Варшавского блока в связи с расширением ЕС больше внимания стало уделяться проблемам европейской интеграции, отношений между новой и старой Европой или таким актуальным вопросам, как климатические изменения.

Эти вопросы спровоцировали развитие аналогичных американским и европейским фабрикам мысли и на постсоветском пространстве. Фактически они являлись «лицензионными», как, например, фонд Карнеги – московское отделение, или «нелицензионными» копиями зарубежных образцов.

За счет такого системного развития фабрик мысли на постсоветском и восточноевропейском пространстве европейские «фабрики мысли» получили большую возможность взаимодействовать с высокопоставленными политиками, участвующими в принятии политических решений. В то же время многие из них сейчас пытаются вовлечь в публичные дискуссии еще более широкую аудиторию, включающую бизнес, СМИ и общественность. Растущее количество институтов обусловлено потребностью в исследованиях по вопросам, с которыми сталкивается Европа и Европейский союз. В связи с этим головные центры или отдельные филиалы фабрик мысли сейчас расположены в Брюсселе. Несмотря на эти изменения, многие центры занимаются внутригосударственной проблематикой, игнорируя вопросы межъвропейского развития. Фабрики мысли ЕС опубликовали больше книг, чем любой другой регион мира. Это возможный результат государственного финансирования и академической направленности многих центров.

Возникновение фабрик мысли в Восточной Европе в последние 15 лет связано с процессами политической и экономической трансформации в регионе. По сравнению с Западной Европой, стратегия и структура этих институтов более разнообразны и ориентированы на изучение вопросов государственной политики. Отчасти это результат более позднего приобщения к общемировому рынку фабрик мысли, позволившего заимствовать лучшие черты независимых аналитических центров со всего мира. Они также получили значительное финансирование от государственных и частных фондов, расположенных в Западной Европе, Северной Африке и Азии, которые были заинтересованы в поддержке демократических трансформаций, происходивших в регионе. Политическая динамика в момент их создания также потребовала от фабрик мысли занять политико-ориентированный подход к исследованиям и программам для того, чтобы осуществить перемены, которых требовало общество.

Стремясь обрести независимость, новые возможности и стабильность фабрики мысли в посткоммунистических странах Европы прошли путь от организаций начального уровня до признанных аналитических институтов. Существенные изменения в положении фабрик мысли были связаны также с изменением источников

их финансирования, когда место международных организаций начали занимать национальные и региональные (НАТО, Европейский союз).

Ситуация с фабриками мысли в России несколько отличается от ситуации в Европе, как Западной, так и Восточной. Несмотря на то что в России фабрики мысли появились одновременно с их аналогами в Восточной Европе, путь их развития значительно отличался от восточноевропейского, о чем свидетельствует сложившийся сегодня в России аналитический спектр.

Определить набор организаций, включенных в политический спектр, возможно путем проведения контент-анализа источников, представляющих аналитическую и количественную информацию по российским фабрикам мысли. Для анализа были выбраны пять источников из списка организаций, аналогичных иностранным фабрикам мысли и не имеющих явной ангажированности. Среди них:

- сайт Института региональной политики (<http://www.region-alistica.ru/content/3>);
- сайт журнала «Российское экспертное обозрение» (www.rusrev.org), учрежденного Центром стратегических разработок «Северо-Запад»;
- сайт научного руководителя Института коммуникационного менеджмента ГУ-ВШЭ А. Ситникова (http://www.sitnikov.com/market/literature/think_tanks2/);
- сайт Интеллектуального клуба «Стратегическая матрица», созданного в 1998 г. на базе Института экономических стратегий (ИНЭС) (<http://www.inesnet.ru>);
- работы участников проекта «RAND» ГУ ВШЭ: (www.hse.ru).

Общее число упоминаемых в источниках организаций превышает 100 наименований, однако релевантными, т. е. повторяющимися три и более раз, являются лишь 20 названий. Именно эти два десятка организаций возможно обобщить как показательную модель усредненной российской фабрики мысли.

Исследование российской модели фабрики мысли проводится нами через анализ по модели Вейс, использовавшейся в середине 90-х для аналогичного анализа американских фабрик мысли.

Модель была предложена американским политологом Керол Вейс в работе «Policy research as advocacy: Pro and con» в 1991 г.¹

Модель Вейс предполагает классификацию фабрик мысли по таким параметрам, как предмет исследования организаций, роль экспертов в организации, тип организации фабрики мысли, доминантные источники финансирования и аналогичные организации.

В данном исследовании мы сочли целесообразным расширить систему за счет параметров «руководитель», «интенсивность деятельности» и «идеологическая направленность», которые должны отразить исключительно российские свойства организаций, как то: подотчетность государству, количество и качество выполненных заказов и поддержка со стороны определенных элит.

Ряд обобщений, используемых в модели Вейс, при ее дальнейшем анализе требует отдельных пояснений по раскрытию смысловой нагрузки используемой терминологии и целесообразности использования именно этих параметров в исследовании.

Графа «руководитель» содержит три характеристики лиц, управляющих исследуемыми организациями и классифицирует их по принципу принадлежности к властным структурам:

- политик;
- чиновник;
- частное лицо.

Можно сделать предположение, что есть некая зависимость степени участия организации в выполнении государственных заказов, которая связана с интегрированностью руководства в систему властных отношений.

Графа «предмет исследования» содержит четыре возможные категории:

- политические технологии;
- получение знания;
- идеи, ценности;
- аргументы, интересы;

Дифференциация параметров в данном случае учитывает целый комплекс факторов влияния, среди которых основным является степень применимости результатов. К результатам первичной применимости относятся «политические технологии» и «аргументы, интересы». К результатам вторичной применимости относятся «получение знания» и «идеи, ценности». Понятие первичности и вторичности применимости связано с возможностью использования результатов исследования в политической жизни общества.

Знания, полученные в ходе академического исследования, которые также можно назвать информацией, после обобщения и дифференциации переходят в разряд идей и ценностей. Идеи и ценности могут быть как устоявшимися, если речь идет об идеологии, или формируемыми, если они инициированы силой, не имеющей идеологии. В данном случае за рамки следует вынести так называемые общечеловеческие или моральные ценности, которые в большей степени относятся к сфере культуры.

Таблица 1

Классификация фабрик мысли по Вейс

Наименование	Руководитель	Предмет исследования	Роль экспертов	Тип фабрики мысли	Подобные учреждения	Доминантные источники финансирования	Интенсивность деятельности	Идеологическая направленность
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Фонд эффективной политики	Частное лицо	Политические технологии	Посредники, лоббисты, эксперты	Лоббистская организация	Ассоциированный исследовательский центр профильных групп	Предположительно фонды	Высокая	Государственная
ИНДЭМ	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые и приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Средняя	Нет
Фонд «Экспериментальный творческий центр»	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Средняя	Нет
Международный общественный фонд социально-экономических и политических исследований	Политик	Получение знания	Приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Ассоциированный исследовательский центр профильных групп	Фонд	Низкая	Либеральная

Современный уровень развития аналитических центров в России

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Фонд «Либеральная миссия»	Частное лицо	Получение знания. Идеи, ценности.	Академические ученые и приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Средняя	Либеральная
Центр политических технологий	Частное лицо	Аргументы, интересы	Академические ученые и приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Ассоциированный исследовательский центр профильных групп	Проектное финансирование	Высокая	Государственная
Фонд Карнеги (Carnegie Moscow Center – Russia)	Частное лицо	Получение знания. Идеи, ценности.	Приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Средняя	Либеральная
Центр политической конъюнктуры	Частное лицо	Получение знания. Аргументы, интересы	Приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Проектное финансирование	Высокая	Нет
Институт экономики переходного периода	Политик	Получение знания. Идеи, ценности.	Академические ученые и приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Проектное финансирование	Средняя	Либеральная

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Институт политического и военного анализа	Частное лицо	Получение знания. Идеи, ценности.	Академические ученые и приглашенные эксперты	Консалтинговая компания	Государственные исследовательские центры	Проектное финансирование	Средняя	Государственная
Независимый институт социальной политики	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые и приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Средняя	Нет
Институт экономики РАН	Частное лицо	Получение знания.	Академические ученые	Университет без студентов	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Средняя	Нет
Институт экономики города	Частное лицо	Получение знания. Идеи, ценности.	Эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Высокая	Нет
Институт США и Канады	Частное лицо	Получение знания.	Академические ученые	Университет без студентов	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Средняя	Нет
Институт востоковедения	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые	Университет без студентов	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Средняя	Нет

Современный уровень развития аналитических центров в России

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Институт гуманитарно-политических исследований (В.И. Игровнов)	Частное лицо	Идеи, ценности	Приглашенные эксперты	Неправительственная организация	Академический исследовательский центр	Фонд	Низкая	Либеральная
ГУ-ВШЭ	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые	Университет	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Высокая	Нет
МГИМО	Политик	Получение знания	Академические ученые	Университет	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Высокая	Нет
Институт мировой экономики и международных отношений РАН	Частное лицо	Получение знания	Академические ученые	Университет без студентов	Академический исследовательский центр	Гос. бюджет	Средняя	Нет
Центр стратегических разработок	Чиновник	Идеи, ценности	Адвокаты	Консалтинговая компания	Государственные исследовательские центры	Проектное	Высокая	Государственная

Идеи и ценности, будучи сформулированными и подкрепленными информационной базой, требуют внутреннего дробления и адаптации под запрос общества.

Адаптация подразумевает два основных подуровня – аргументы и политические технологии. Аргументация подразумевает приспособление доминирующих в обществе ценностей к интересам отдельных политических групп. Если уровень адаптации политических целей еще более дробный, то они сочетаются уже не только с интересами отдельных политических сил, но и с интересами рядовых граждан. Для этих целей используются специальные политические технологии.

Графа «Роль экспертов» отражает характеристики работающих в организации людей. Графа содержит четыре категории:

- посредники;
- лоббисты;
- приглашенные эксперты;
- академические ученые;
- адвокаты.

Посредники участвуют в коммуникационном процессе между организацией и властью и организацией и наукой. Организация, делающая ставку на посредников, зачастую не является фабрикой мысли в чистом виде, а скорее представляет собой небольшое экспертное сообщество, иногда объединяемое каким-нибудь проектом.

Приглашенные эксперты и академические ученые выполняют сходные функции по получению научных знаний и различаются лишь по основанию привлечения к выполнению проектов: первые работают по контракту, вторые включены в штат.

Лоббисты и адвокаты выполняют сходные функции и являясь по сути придатком власти, защищают интересы соответственно субъектов политики и государственного аппарата. Разница заключается лишь в направленности работы: лоббисты пытаются захватить власть, адвокаты – ее защитить.

В зависимости от профиля большинства работающих в организации сотрудников организации присваивается специфический тип:

- лоббистская организация;
- консалтинговая компания;
- университет без студентов;
- университет.

Единственным специфическим типом организации, выбивающейся из общего списка, является «неправительственная организация», которая в данном случае подчеркивает не организационно-правовую форму, а независимость от государственного заказа,

которая связана с работающими в ней сотрудниками и ее отличием от иных организационных форм.

Еще одним сложным и требующим раскрытия параметром является идеологическая направленность организации. Данная графа отсутствует в модели Вейс, анализировавшей американские фабрики мысли, так как идеология, им присущая, во всех случаях либо является либерально-демократической, либо не просматривается. В российской же практике идеология либеральная постепенно уступает место идеологии государственнической, что вызывает дифференциацию и в научно-политическом обеспечении. Под государственнической идеологией в данном случае подразумевается идеология, ставящая приоритеты государства над обществом.

После сравнения российских фабрик мысли по модели Вейс становится возможным сопоставить конкретные полученные данные в рамках адаптированного графического корреляционного анализа.

Для исследования были использованы следующие корреляционные пары:

- идеология – интенсивность деятельности;
- роль экспертов – интенсивность деятельности;
- руководитель – интенсивность деятельности;
- предмет исследования – интенсивность деятельности;
- тип фабрики мысли – интенсивность деятельности;
- предмет исследования – идеология;
- идеология – руководитель;
- тип фабрики мысли – идеология.

Их сочетание представлено на следующих графиках (цифрами обозначено количество выявленных организаций):

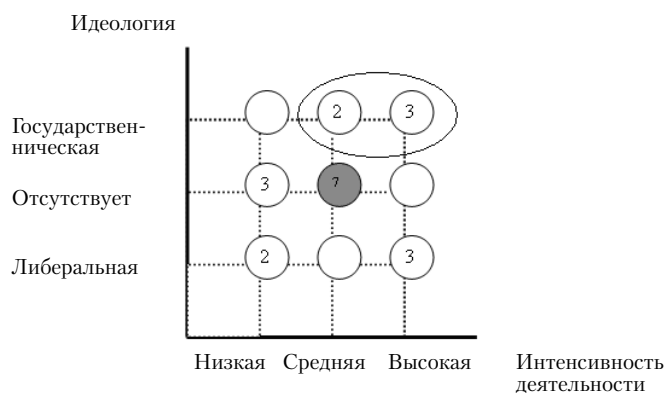

График 1

Современный уровень развития аналитических центров в России

Среди российских фабрик мысли преобладают организации без идеологии и со средней интенсивностью деятельности.

Наивысший уровень показывают организации, руководствующиеся государственнической идеологией.

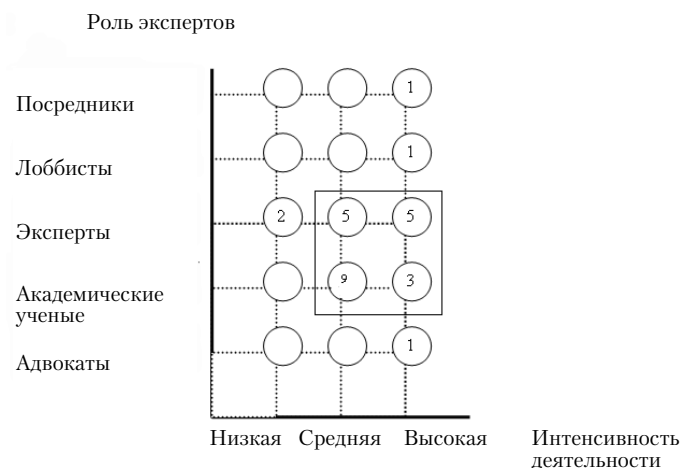

График 2

Среди российских фабрик мысли преобладают организации, которые привлекают к исследованиям академических ученых.

Наивысший уровень показывают организации, опирающиеся на экспертов и академических ученых.

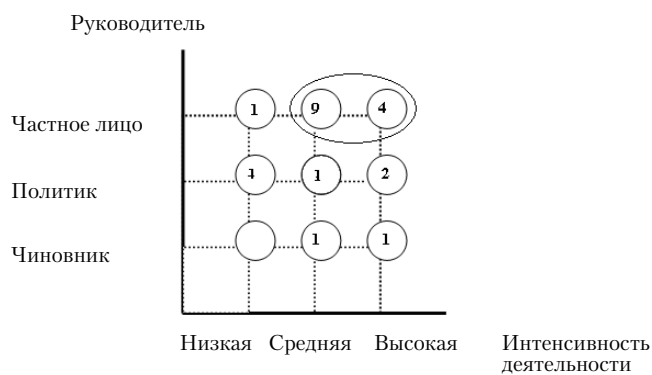

График 3

Н.А. Медушевский

Наиболее высокие показатели деятельности имеют организации, возглавляемые частным лицом.

Они также являются преобладающими.

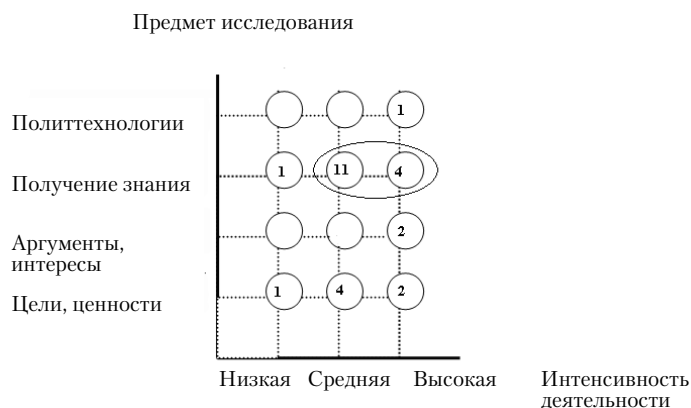

График 4

Наиболее распространены организации, ориентированные на получение знания.

Для фабрик мысли, ориентированных на получение знания, характерна самая высокая интенсивность деятельности.

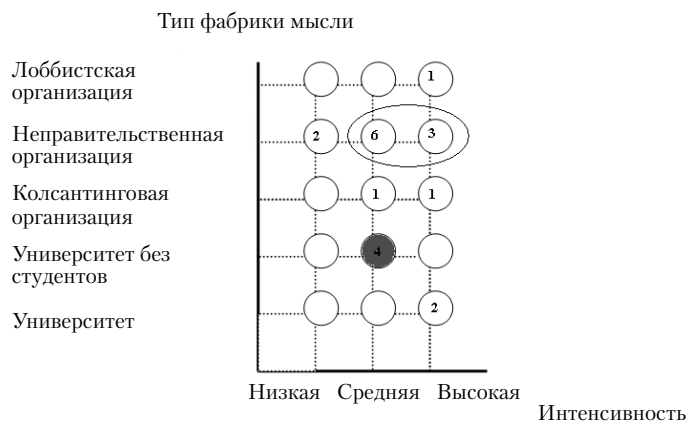

График 5

Большая часть фабрик мысли относится к типу неправительственных организаций и функционирует со средней степенью эффективности.

Между типом фабрики и интенсивностью зависимость отсутствует.

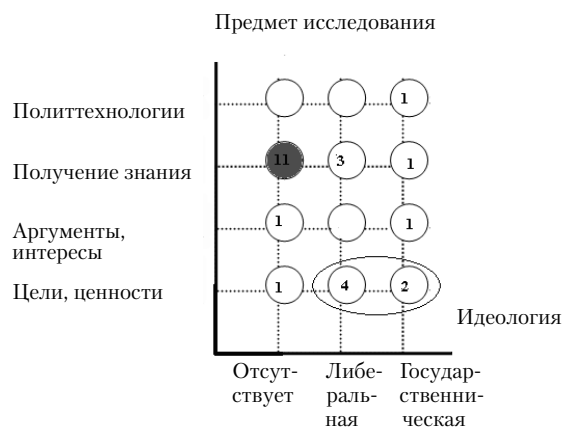

График 6

Наиболее распространены организации, ориентированные на получение знания и не имеющие идеологии.

Ценностный подход характерен преимущественно для идеологизированных фабрик мысли, однако не является обязательным условием их существования.

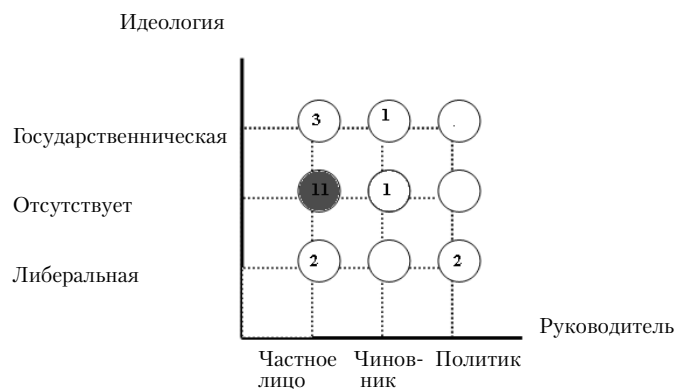

График 7

Доминируют фабрики мысли без идеологии и с частным лицом в качестве руководителя.

Наличие идеологии не коррелируется с типом руководителя.

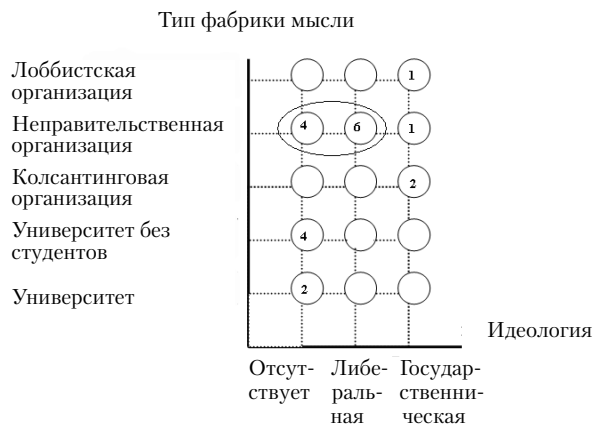

График 8

Идеологизированность более всего характерна для неправительственных организаций.

Сочетание фабрик мысли с идеологией и без – 50:50.

По итогам анализа усредненная модель реально существующей в России фабрики мысли выглядит следующим образом.

Российская фабрика мысли – это неидеологизированная неправительственная организация, опирающаяся на академических ученых, возглавляемая частным лицом и ориентированная преимущественно на получение знания.

Анализ наиболее эффективных фабрик мысли показал, что повысить интенсивность работы российских фабрик мысли могут, во-первых, принятие государственнической идеологии и, во-вторых, привлечение к работе профильных экспертов и академических ученых в соотношении 1:2.

Аргумент в пользу принятия государственнической идеологии доказывается через привлечение государственных заказов и государственного финансирования.

Привлечение экспертов необходимо для расширения информационно-аналитической базы и улучшения качества результатов исследования.

Анализируя процентное соотношение изучаемых фабрик мысли в вопросах выполнения ими определенных функций и финансирования, возможно вывести следующие закономерности.

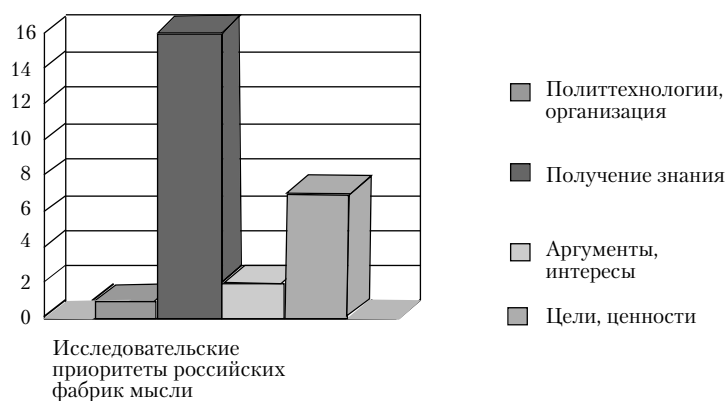

Диаграмма 1

Как показывает сравнение исследовательских приоритетов российских фабрик мысли, их сочетание является аналогичным для организаций сходной направленности, действующих в Европе и США. Все четыре фактора, хотя и в другом соотношении, присутствуют в таких крупных фабриках мысли, как, например, RAND, и доминирующим среди них является «получение знания». Отличным, в данном случае, стало сочетание трех других исследовательских приоритетов.

В европейских странах и в США цели и ценности политических движения являются в большинстве случаев устоявшимися. Об этом свидетельствуют как институциональная стабильность, так и высокий уровень участия граждан в политической жизни общества². Иными словами, в данных странах высок уровень модернизации.

На сегодня существуют несколько альтернативных школ модернизации. Наиболее авторитетными среди них являются либеральная школа, представленная Р. Далем, Г. Алмондом, Л. Паем и К. Дейчем, и консервативная школа, представителями которой являются американские политологи С. Хантингтон и Дж. Нельсон.

Представители либеральной школы говорят о существовании определенного социального запроса, ответ на который и дается модернизацией. Основным средством удовлетворения запроса является диалог между властью и обществом, выраженный различными механизмами рекрутирования элит.

Такое развитие стабилизирует систему и приводит к формированию среднего класса. Управление в таких системах постепенно меняется, и идеологическая составляющая уступает место рацио-

нализму, который, в свою очередь, приводит к уменьшению роли центральной власти и ее рассредоточению, выраженному в развитии партийной системы, получающей влияние за счет политических технологий.

Основой теории модернизации для консерваторов является система политических институтов. Именно политические институты могут обеспечить, по их мнению, стабильность развития – основной фактор модернизации³.

Развитие двух школ происходило в рамках единой демократической концепции и в постоянном взаимодействии авторов, что во многом позволяет рассматривать процесс модернизации как целостный, включающий единый набор параметров. Тем не менее страны с доминированием институционального подхода большую ставку делают на аргументацию развития институциональной системы, что отражается и на создаваемых фабриках мысли. По модели разделения фабрик мысли на три группы – американскую, европейскую и азиатскую, институционализм и, следовательно, аргументация, в большей степени характерны для американской и китайской моделей.

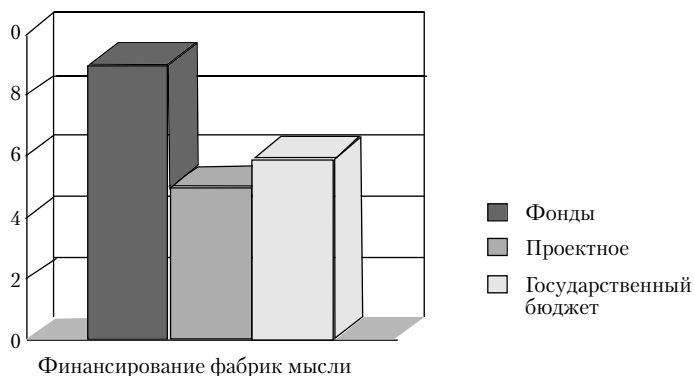

Диаграмма 2

Финансирование фабрик мысли по своей структуре также вполне сопоставимо с иностранными образцами и в отличие от «исследовательских приоритетов» гораздо ближе к американскому и европейскому вариантам, нежели к азиатскому.

Для азиатских фабрик мысли характерно государственное и, в меньшей степени, проектное финансирование, особенно если речь идет о КНР, что связано с наличием государственного интере-

са и денежных ресурсов и ограничением иных заинтересованных акторов.

Для американских и европейских фабрик мысли доминирующее значение имеют фонды и проектное финансирование. Так, например, годовой бюджет Института Катона, который равен 60,7 млн долл., составляется из взносов Pew Charitable Trusts, Фонда Макартуров (MacArthur Foundation), Корпорации Карнеги (Carnegie Corporation), а также правительств США, Японии и Великобритании.

Фонды, которые финансируют российские фабрики мысли, в большинстве случаев гораздо более скромные и зачастую состояются из взносов участников или одной крупной компании, инициировавшей создание фабрики мысли.

Еще одним отличием российских фабрик мысли от иностранных является полная закрытость финансирования, что не позволяет, во-первых, проводить полноценный анализ системы финансирования, а во-вторых – полноценно определить систему приоритетов организации в ее темпоральном развитии.

Запутанность механизма финансирования российских фабрик мысли позволяет извлекать прибыль и экономить средства, выделяемые под проекты, что в рамках российской налоговой системы можно воспринимать как плюс, однако экономическая составляющая зачастую уменьшает роль самих политических работок, приводя тем самым к увеличению доли проектного финансирования.

Государственное финансирование в российском варианте финансирования фабрик мысли не является общеприменимым и характерно преимущественно для академических и образовательных учреждений. Роль бюджетных поступлений для организаций, выполняющих функции фабрик мысли, постепенно снижается за счет увеличения проектного финансирования, что характерно, в частности, для ГУ-ВШЭ, Института экономики РАН.

В целом, говоря о финансовом обеспечении фабрик мысли в России, можно сделать три вывода:

- его объемы гораздо меньше иностранных;
- его структура не является устойчивейшей;
- оно не является эффективным.

Итог анализа российских фабрик мысли показал полное отсутствие системности во всех направлениях развития в России такой отрасли научно-прикладной деятельности, как политический анализ и прогноз.

Отсутствие единой концепции создания и деятельности организаций, аналогичных зарубежным фабрикам мысли, и крайне

Н.А. Медушевский

низкая заинтересованность в них государства во многом связаны с их некомпетентностью, что приводит к воспроизведению изначально неудачного образца, когда-то скопированного с развитых иностранных организаций, и созданию организаций, отвечающих за отдельные, по большей части сиюминутные потребности политических элит, что, в свою очередь, разрушает потенциал российского научного сообщества, отвлекая ведущих экспертов на весьма заурядные проекты.

Лишенные полноценного финансирования, компетентного руководства и системы доступной информации, боящиеся заявить о себе в полный голос и предложить свои услуги не одному хозяину, а всем, кому они могут понадобиться, данные организации никогда не смогут перебороть комплекс неполноценности и составить конкуренцию иностранным аналогам.

В этом контексте возникает вопрос о создании новой, национально ориентированной организации, аналогичной иностранным фабрикам мысли, не привязанной к уже существующим в России структурам и организациям и отвечающей комплексному запросу общества и государства.

Примечания

- 1 *Weiss C. H.* Knowledge & Policy. 1991. Spring/Summer. Vol. 4. Issue 1/2. P. 37–57. [Book].
- 2 *Турэн А.* Социальные движения, революции, демократия // Свободная мысль. 1991. № 14. С. 32–42.
- 3 *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1896. С. 34–35; 158–160.

Г.М. Михалева

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Изучение современного политического процесса в России связано с целым рядом методологических и методических сложностей. Закрытость, непрозрачность функционирования политических институтов и акторов, неполнота и неопределенный уровень достоверности информации в открытых источниках дополняются неопределенным уровнем достоверности статистических документов. Интернет и блогосфера почти не дают возможности получить верифицируемые данные.

Как количественные, так и качественные методы сбора информации имеют свои пределы применимости для получения информации, соответствующей критериям научности. В закрытом обществе применение классических для общественных наук методов сбора информации – наблюдения, анализа документов, различного вида опросов особенно затруднено.

Ключевые слова: теория, методология, методика, качественные методы, количественные методы, закрытое общество, информация

Открытое, в понимании К. Поппера¹, демократическое общество и консолидированная (в понимании ведущих транзитологов) демократическая система предполагают многообразную подконтрольность властных институтов гражданам, свободу средств массовой информации и открытость в деятельности общественных организаций и граждан. Такая открытость позволяет получать, сопоставлять и анализировать информацию из различных источников, проверять гипотезы, используя, в том числе, и количественно измеряемые, переменные, разрабатывая индикаторы и выстраивая шкалы. В современных западных (да и не только западных) политологических исследованиях все чаще можно видеть сложные математические выкладки для доказательства или опро-

вержения выдвинутых гипотез. Используются различные виды математического анализа: факторный, кластерный и др. Математическое моделирование – один из распространенных методов политологических исследований². Большинство из используемых количественных методов при этом привнесены из других наук: экономики, социологии. И российские учебные пособия предлагают исследователям в области политических наук, хотя и с некоторыми оговорками, использовать регрессионные модели математического анализа³. Конечно, трудно выделять измеряемые количественно параметры, индикаторы и выстраивать шкалы в применении к политическому процессу, когда речь не идет о естественным образом разделенных на части, элементы, счетные единицы объектах (например, число голосов на выборах, количество проведенных мероприятий, акций и их участников, доля депутатов с определенным уровнем дохода на различных уровнях представительной власти и т. п.). Любая другая количественно измеряемая характеристика с интенсивностью проявления того или иного качества будет приписываться исследователю и поэтому всегда может быть оспорена и подвергнута сомнению. Приведем простой пример: традиционно высокий уровень доверия граждан к премьер-министру распадается при более внимательном рассмотрении уровня поддержки (не поддержки) его действий по конкретным направлениям, симпатии (антипатии) к нему как к личности и т. д. Эти показатели могут существенно различаться, например действия в области внешней политики поддерживаться, а антикризисные меры – нет. Это дробление может идти и еще дальше, например одобряться – повышение пенсий, и не одобряться – поддержка отечественного автопрома. И так далее – практически до бесконечности.

Если мы будем работать качественными методами, сочетая теоретические понятия и эмпирические категории, то для того, чтобы исследование было научным, мы должны определить объект исследования, единицы наблюдения, сферу гомогенности, обуславливающую границу отбора случаев, и переменные – зависимые и независимые. Но и в этом случае некоторые исследователи предлагают ввести принципы сопоставимости с использованием булевой алгебры⁴.

Что касается «макрополитического» исследования, то в этом случае мы оказываемся в зависимости от базовых парадигм, идеологических конструктов, воспринимаемых как универсальные схемы объяснения политической жизни, задающих систему координат и поэтому – и структуру рассмотрения и объяснения. Исходя из той или иной трактовки политической действительности (например, либеральный, социалистический, консервативный подходы),

мы по-разному будем объяснять происходящее и, соответственно, делать разные выводы. Если мир стоит на трех слонах, опирающихся на кита, Земля плоская и вокруг нее вращаются небесные светила или – Земля одна из планет, вращающихся вокруг Солнца в бесконечной вселенной, то следуют различающиеся, в том числе и практические, выводы, например, в вопросах мореплавания, инженерии и астрономии.

Точно так же – и в политической науке. Можно обосновывать необходимость «суверенной демократии», или искать доказательства существования «развитого социализма» и «всесторонне развитой личности», или обосновывать своеобразие «русской цивилизации», или же оценивать уровень развития демократии в России по критериям Freedom Hous. Но в любом случае исходные теоретические позиции будут определять и методы исследования, и – во многом – результаты. Немецкие методологи Вильгельм Бюрклин и Кристина Вельцель разработали схему политологических элементов исследования, весьма полезную для понимания этой проблематики⁵.

Таблица

Подчиненность и ограничения
политологических компонентов исследования

Мета-теории	Парадигмы	Герменевтические («понимающие»)		Объяснительные	
				Объясняюще-аналитические	
	Идеологические направления	Объясняюще-онтологические	Социально-исторические, критические	Структурно-функционалистские, неoinституциональные	Бихевиористские, экономическая теория политики
Методология	Выбор методов	Качественные			Количественные
	Принципы исследования	Как индуктивные, так и дедуктивные			
	Техника проведения исследования	Аналитические интерпретации текстов			Статистические техники анализа
Теории	Способы описания	Качественные, фиксирующие существование или иерархию характеристики			Качественные характеристики дифференциации и соотношения
	Способы интерпретации	Понимающие объяснения смысла		Положения, объясняющие условия	
Логические выводы					

Метатеории лежат в основе исследовательского процесса и различаются большим или меньшим использованием естественно-научных или общественнонаучных традиций. Вильгельм Дильтей связывал различие между естественными и общественными науками с противоречием между пониманием и объяснением⁶.

«Понимающие» позиции связаны с формулированием теорий на уровне общих, генерализирующих понятий политической науки, таких как, например, власть, демократия, легитимность. Они могут быть выражены онтологически, в связи с определенными этическими принципами или – диалектически, в связи с характеристиками развития общественной жизни. Исследование с этих позиций всегда сталкивается с проблемой отношения между результатами познания и правдой, поскольку правда интерпретируется с определенных идеологических позиций, представлений о том, каково должно быть идеальное состояние общества. Конечно, эта картина существенно различается с точки зрения социализма или либерализма.

«Объясняющие» позиции связаны с генерализацией наблюдаемых процессов и формулированием высказываний (гипотез) о типе взаимосвязи между наблюдаемыми характеристиками (переменными). Это направление жестко разделяет оценки и описание фактов, главными критериями исследовательского результата являются логическая непротиворечивость и эмпирическая проверяемость. При этом, однако, исследование рассматривается не как объективный, а как интересубъектный процесс. Значительная часть общественных феноменов не может напрямую наблюдаться и нуждается в интерпретации. Существуют и другие подходы. Так, А. Соловьев в своем учебнике политологии использует иной подход, выделяя теологическую, натуралистическую и социоцентристскую парадигмы⁷.

Следующая ступень – политические теории или теоретические подходы, которые фокусируют внимание наблюдателя на тех или иных характеристиках действительности, темах и определяют методы, которые выбираются для исследования. В литературе выделяются (перечисления различаются в зависимости от источника): историко-генетические, институциональные, бихевиористские (бихевиориальные), системно-теоретические и политэкономические⁸; или же – институциональный, бихевиористский (бихевиориальный), структурно-функциональный, теория рационального выбора, дискурсный подходы⁹. Возможно и другое структурирование, но подробный анализ дискуссий на эту тему не входит в задачу автора в данной статье. Стоит лишь отметить, что все авторы подчеркивают появление новых синтетических подходов, пред-

ставляющих собой синтез исследовательских методов и техник, при этом одни приспособляются к изучению локальных ситуаций, другие – к концептуальному изучению политики¹⁰.

Качественные методы шире распространены в политологии и применяются в рамках большего числа подходов. Но граница между количественными и качественными методами не такая жесткая: номинальные, фиксирующие наличие или отсутствие какого-то качества, порядковые и метрические понятия – или шкалы – могут конструироваться исследователями. Поэтому и сама техника исследования, сбора информации может тоже варьироваться.

Но в любом случае, какими бы методами – и в рамках какой парадигмы – мы ни пользовались, наше исследование должно быть научным. Оно должно соответствовать принципам эксплицитности, системности и контролируемости¹¹.

Для этого необходимо иметь достаточный объем информации, которой мы можем доверять или (хотя бы) иметь надежные критерии, позволяющие отличать правдивую информацию от целенаправленной или стихийной дезинформации. Именно здесь «собака зарыта».

Мы можем сколько угодно изучать российские политические институты на основе норм законодательства, но, к сожалению, это останется анализом нормативно-правовым, так как далеко не всегда будет иметь отношение к политической практике, механизму принятия политических решений и их последствиям.

В условиях закрытого общества – доминирования неформальных политических практик, отсутствия гражданского контроля за работой органов власти, минимизации вертикального и горизонтального разделения властей, подконтрольности средств массовой информации и так называемого осуществления управления в «ручном» режиме политология рискует превратиться (на выбор) в апологетику действий властей и существующего режима, инвариант научного коммунизма или же – точно такую апологетику, но с обратным знаком, оправдывающую любые стратегии, подрывающие режим.

С другой стороны, возрастает риск использования недостоверной информации и, следовательно, неверных выводов. Последнее касается не только материалов СМИ, но и, например, электоральных предпочтений и политических ориентаций избирателей при анализе результатов выборов, которые проходили с массивным применением административного ресурса и кампаниями «черного пиара».

Применение каждого из (наиболее распространенных) методов сбора информации о политической сфере ставит нас перед целым

рядом методологических и методических проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Исследование политических институтов ставит нас перед проблемой закрытости хода принятия решений, а иногда – даже структур и функций их составных частей. Наиболее очевидна эта проблема, если речь идет об Администрации президента или правительства и региональных администрациях, но в не меньшей степени это касается и политических партий. Информация, которую мы получаем из открытых источников о принятии решений, часто также анонимного характера (от так называемого «источника», как будто речь идет об операции спецслужб, а вся информация о деятельности органов власти является «оперативной»). Другой распространенный вариант – спекуляции, своего рода гадание на кофейной гуще об отношениях между «башнями Кремля»¹². Это же касается и действий отдельных акторов.

Более того, информационное поле, с которым вынужден работать исследователь, неоднородно и содержит, помимо (неполной) информации, последовательно и сознательно распространяемую дезинформацию, особенно эта касается Интернета и в максимальной степени – блогосферы. Верификация информации при этом возможна только постфактум (в связи со свершившимся или не свершившимся событием) или подтверждением или опровержением ее достоверности участником события. Но даже и в этом случае для стороннего наблюдателя ситуация может быть совершенно неясной, как показывает, например, история с несанкционированным пикетом «ЯБЛОКА» против роста тарифов естественных монополий, которую представители УВД объявили «несостоявшейся». И та и другая информация присутствует в информационном поле¹³.

Попробуем проанализировать, какие ограничения имеют наиболее распространенные методы сбора информации, если их применять сегодня для сбора информации о современном российском политическом процессе.

Наблюдение, особенно неструктурированное, универсальный метод общественных наук. Его основной недостаток – высокий уровень субъективизма. К тому же применимость его в отношении российской действительности весьма ограничена. Наблюдать за ходом принятия решений во всех ветвях власти (законодательной, исполнительной, судебной) весьма затруднительно: нужны специальные пропуски, разрешения, или же необходимо быть, например, помощником депутата или советником министра. В указанных случаях наблюдения превращаются во включенные и уровень объективности их тем более снижается. Кроме того, официальные

заседания Госдумы, Совета Федерации или правительства – только вершина айсберга, практически формализующая решения, которые были приняты в другое время и в другом месте.

Наблюдения за жизнью политических партий имеют те же, а зачастую – даже большие ограничения. Наблюдение такого рода можно проводить только на съездах и больших открытых заседаниях, но и там проговариваются уже в значительной части решенные вопросы; а в случае существующих конфликтов вся реальная политическая борьба проходит в кулуарах.

Еще сложнее вести наблюдение на массовых и (или) протестных акциях. Если это несанкционированная акция, наблюдатель может попасть туда лишь будучи входящим в узкий круг организаторов, тем самым наблюдение опять превращается во включенное и фокус исследования смещается. Если же это – массовая акция, в поле зрения его оказывается лишь ограниченный круг людей. Конечно, можно задействовать группу наблюдателей, но динамика таких событий очень велика, и можно зафиксировать только самые предметные, отчетливые формы: наличие символики, содержание плакатов, действия всех участников акции (демонстранты, милиция и другие).

Анализ документов от дискурсивного анализа до контент-анализа сложен в силу сложности отбора сопоставимых единиц анализа (см. выше) и оценки достоверности. В лучшем случае мы, тщательно осуществляя отбор анализируемого материала, сможем сделать выводы, касающиеся самих текстов, но не реальности, которую они отражают (или не отражают). Так, очевидно, что делать вывод об «оттепели» или «разморозке» на основе анализа выступлений президента Д. Медведева и фиксации применения либеральной риторики и тем, связанных с правами граждан, в сравнении с риторикой В. Путина, мягко говоря, несколько преждевременно¹⁴.

Еще большую методическую проблему представляет собой работа с информацией, содержащейся в блогосфере: помимо достоверности самой информации, мы не можем определить, кто является участником обсуждения, так как имя, как правило, скрывается под «ником». Мы не можем установить с достоверностью, относится ли он (она), например, к группе «монархистов», так как в дискуссию может вступить и сторонник, например, НБП. А с группой «молодых либералов» может под «ником» общаться коммунист-пензионер.

Не меньшую проблему представляет собой статистический анализ и все виды математического анализа, если мы не уверены в достоверности «источника». Это относится не только к результатам избирательных кампаний и протоколам комиссий разного уровня,

зачастую «подгоняющимся» под необходимый результат¹⁵. Не меньшую проблему представляют собой официальные документы, связанные, например, с распределением финансовых ресурсов или текущей актуальной политической проблематикой: реализацией национальных проектов, числом безработных в регионе и т. д. Нередко цифры, подготовленные или представляемые различными органами управления (и даже министрами) существенно различаются между собой.

Помочь в этой ситуации может либо интуиция исследователя, либо максимальное сужение темы с максимальным расширением числа используемых источников и их верификацией.

Опросы, как массовые, так и качественные, свободные и фокусированные интервью тоже в нынешних условиях демонстрируют ряд методологических и методических проблем.

Во-первых, это проблема языка, соответствия языка политической элиты и респондентов, когда даже в вопросе о ключевых терминах среди представителей самой политической элиты нет согласия. Взять хотя бы «суверенную демократию» или «энергетическую сверхдержаву». Эти понятия, позитивно «нагруженные» для В. Суркова и «Единой России», подвергаются критике даже из близкого к президенту Д. Медведеву ИНСОРа¹⁶.

Какой смысл спрашивать у респондентов, к кому они себя относят – либералам, демократам или государственнымникам¹⁷, если, во-первых, даже исследователи спорят о границах этих понятий, во-вторых, разрыв между декларируемыми в Конституции «демократическими ценностями» и политической реальностью все больше увеличивается. И наконец, в-третьих, для значительной части населения «демократия» ассоциируется с криминальной приватизацией 90-х годов. Разорванное, противоречивое сознание граждан соединяет, казалось бы, несоединимые элементы: недоверие ко всем политическим институтам, но – персональный пиетет перед президентом и премьер-министром; недовольство ситуацией с отсутствующей готовностью отстаивать свои права, убежденность в замечательных человеческих качествах «русского народа» с отсутствием доверия ко всем, не входящим в близкий круг семьи, знакомых, клана¹⁸.

Несколько утрируя, можно сказать, что исследователи не знают, о чем они спрашивают, респонденты не знают, что они отвечают, и результат интерпретации становится уже совершенно непонятным. Главной методической задачей при этом, с которой, нужно сказать, успешно справляется ряд социологических центров, является тщательная разработка индикаторов с учетом тезауруса респондента, связанных с его личным (и его окружения) опытом.

Что касается интервью, а именно качественные методы считаются большинством исследователей наиболее адекватными для политически неустоявшейся ситуации, еще не вполне осознанной гражданами, т. е. для периода трансформации, то оно значительно чаще, чем массовые опросы, используется исследователями. Но именно в этом случае уровень реактивности и свобода в возможности интерпретаций – наиболее высоки. Чем менее формализовано интервью, тем они выше. Поэтому возникает опасность снижения уровня научности, превращения исследования в «журналистское расследование». Кроме того, существенную сложность в силу выше обозначенных особенностей принятия политических решений (закрытости, непрозрачного характера) в современный период представляет попадание в «зону компетентности» респондента и различение этой зоны и интерпретации сведений, полученных от третьих лиц. Еще большее смещение, по опыту их проведения, дают фокус-группы на политические темы¹⁹. Глубинное обсуждение поставленных вопросов сильно зависит от психологических факторов, активности стихийно выделившегося в группе лидера. Те, кто имеют альтернативные точки зрения, в особенности – по острым политическим вопросам, предпочитают или подчиниться доминирующей позиции, или отмолчаться. Многое зависит и от механизма рекрутинга – подбора участников. Этот метод может применяться только для пилотного или дополнительного исследования, но неприменим в качестве основного метода исследования.

Еще одна проблема опросов на политические темы в условиях ужесточения режима – готовность правдиво отвечать на прямые вопросы, связанные с отношением к властям, готовностью к протестам, участием в оппозиционных группах. Особенно это касается интервью и фокус-групп, где анонимность почти невозможна. Трудно себе представить, что в условиях, когда людей принуждают голосовать за правящую партию, грозя увольнениями и неприятностями по службе, они иначе будут вести себя в условиях опроса.

В целом в современных условиях методически выверенное исследование, особенно с применением количественных методов, соответствующее требованиям эксплицитности, системности и контролируемости представляется почти невозможным.

- 1 См.: *Понтер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М., 1992.
- 2 См., например: *Мангейм Д.Б., Ричард К.Р.* Политология: Методы исследования. М.: Весь мир. 1997. С. 356–520; *Джексон Д.И.* Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М: Вече, 1999. С. 600–728.
- 3 См.: *Анохина Н.В., Макланова О.А.* Прикладные аспекты анализа политических процессов // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 277–296.
- 4 См.: *Сморгунов Л.* Современная сравнительная политология. М.: РОСПЭНН, 2002. С. 114–146; *Ragin C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkley: Univ. of California Press, 1987.
- 5 См.: *Buerklin W., Welzel Ch.* Theoretische und methdosche Grundlagen // М. Mols (Hrsg.) Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. 2. erw. Aufl. Padeborn, Muenschen; Zuerich: Schoeningh. 1996.
- 6 См.: *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Berlin u.a., 1924. S. 139–240. Цит. по: Mols M. (Hrsg.) Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. 2. erw. Aufl. Padeborn, Muenschen; Zuerich: Schoeningh, 1996. S. 355.
- 7 См.: *Соловьев А.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект пресс. 2001. С. 31–50.
- 8 См., например: *Beymе К.* von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Muenchen, 1992.
- 9 См.: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 20–47.
- 10 См, например: *Соловьев А.* Указ.соч. С. 28–29; Politikwissenschaft: eine Einfuehrung. Ebd. S. 376–377.
- 11 См.: *Мангейм Д.Б., Ричард К.Р.* Указ соч. С. 23.
- 12 Собственно этим в основном и занимаются наши «публичные политологи»; см., например, аналитические статьи Центра политических технологий.
- 13 ГУВД Москвы опровергает информацию о задержании членов «Яблока» // <http://finam.fm/news/21845/> ГУВД отрицает проведение пикета у Газпрома; Фотографии с пикета: <http://www.mosyabloko.ru/archives/2804>.
- 14 См., например: *Петрова Е.* Весна как предчувствие // ИТОГИ. <http://www.itogi.ru/russia/2009/18/139601.html>; *Барабанов И., Докучаев Д.* Президентская капель // Новое время. 2009. 20 апр.
- 15 В ходе всех избирательных кампаний, начиная с 1993 г., сообщается о случаях «подгонки» и фальсификации протоколов комиссий разного уровня. С наиболее яркими случаями можно познакомиться на сайте организации «Голос», специализирующейся на контроле за выборами: <http://www.golos.org>.
- 16 Демократия, развитие российской модели / Под ред. И. Юргенса. М.: Экон-информ, 2008.

Особенности политической системы современной России и проблемы...

- 17 Как это, например, регулярно делал ФОМ.
- 18 См. ряд исследований, представленных Центром Левады в конце 2008 г.
- 19 Автор руководила исследовательской группой, проводившей серию фокус-групп перед выборами в Московскую городскую думу в 2005 г.

Е.С. Резницкий

МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Статья посвящена анализу мифологической модели времени как ключевой составной части политической мифологии и технологии ее внедрения в массовое сознание современными политическими элитами России. Автор рассматривает категорию времени как одну из основных доминант, позволяющих задать границы всей системы политической мифологии государства, которая в свою очередь позволяет провести процесс консолидации общества вокруг властных элит. Это особенно важно при анализе событий новейшей российской истории, когда общество оказалось в ситуации деактуализации и разрушения привычных социально-коммуникативных связей, что создало угрозу целостности государства.

Ключевые слова: политология, власть, политическая мифология, социальное конструирование реальности, политические элиты.

На рубеже XX и XXI вв. в России сложилась чрезвычайно сложная социально-политическая ситуация. Одной из главных причин явилось ослабление идеологической составляющей в жизни людей, которая до того была ядром общественного устройства.

На уровне социального массового сознания это отразилось в виде тотального кризиса ценностей и ориентиров. Каждая социальная группа была вынуждена вырабатывать собственную систему восприятия реальности, используя подчас диаметрально противоположные концепции. Нередко индивид или группа индивидов одновременно использовали фрагменты разных систем. Феномен компилятивного сознания особенно был заметен в области политических коммуникаций и отношений общества и власти.

Вследствие этого произошел своеобразный «возврат к истокам» в процессе познания и конструирования социальной реальности,

© Резницкий Е.С., 2010

выразившийся в широком распространении мифологического восприятия мира и огромной роли политических мифов в процессе консолидации общественных групп.

Предметом настоящего исследования является одна из основ мифологической картины мира, а именно модель времени, которая наряду с моделью пространства и рядом других категорий составляет каркас любой мифологии. Но прежде необходимо дать краткую характеристику самого понятия «миф», его функций и структурных особенностей, а также отличий, которые имеет в сравнении с «классической» мифологией мифология политическая.

Мифология политическая, будучи составной частью широкой мифологической модели реальности, организует поведение индивида и человеческих групп, реализуется в ритуалах и укрепляет социальные связи. Политические мифы придают смысл взаимодействию индивидов в поле политико-социальных коммуникаций и в конечном счете всему их существованию в рамках определенной социальной системы.

При этом основным объектом мифологизации, что чрезвычайно важно для темы нашего исследования, является прошлое социума, сохраняющее свою актуальность и значимость для настоящего.

Категория времени является одной из центральных в системе мифологической картины реальности. Именно благодаря наличию специфического понимания времени, и особому пространству становится возможным создание мифологии как системы, мифы перестают быть «собранием одних бессвязных частных... и в них господствует нечто всеобщее»¹. Это уравнивает в правах мифологическую модель мира и привычную «современную» эмпирическую модель. «В том и в другом требуется преодолеть изолированность непосредственно данного – понять, как все единичное и частное “сплетается в целое”. А конкретными выражениями этой “целостности”, ее наглядными схемами в обоих случаях оказываются фундаментальные формы пространства и времени»².

Иными словами, и в той и в другой модели пространство и время являются основой, системой координат, которые задают пространство всех последующих интеракций и в определенной степени предопределяют их характер. Рассмотрение мифологом пространства может стать предметом отдельного исследования.

Говоря же о роли времени и наборе мифологем, составляющих представление о нем, мы можем отметить следующее. Настоящий миф начинается в тот момент, когда рассмотрение универсума и его отдельных составляющих не просто опосредовано через набор специфических образов и персонажей, но где эти образы и персонажи даны в развитии и им присущи возникновение, становление.

Модель времени в мифологической картине мира кардинально отличается от эмпирической модели времени. Историческое время подразделяется по принципу соотнесения с настоящим, тем, что окружает человека в данный момент его бытия. То, что «есть сейчас» – «настоящее», то, что предшествовало тому, что «есть сейчас» и является причиной нынешнего состояния – «прошлое», то, что произойдет далее и причиной чего является наше нынешнее состояние – «будущее».

При этом важно понимать, что идет непрерывный процесс перехода одного состояния в другое. Настоящее становится прошлым, будущее – настоящим, и так далее. Настоящее, прошлое и будущее – три части временного процесса, которые, находясь в непрерывном движении и соотнесении друг с другом, не могут быть пережиты вторично. Ни одно событие не может произойти вторично точно так же, как это уже однажды произошло.

В мифологическом сознании время подразделяется на периоды на принципиально иных основаниях. «Мифологическое сознание достигает членения пространства и времени, не закрепляя неустойчивые и подвижные чувственные явления в постоянстве мыслей, а прилагая и к пространственному, и к временному бытию свое специфическое противопоставление: противопоставление “священного” и “профанного”»³.

При этом «священное» – это времена первопредков, давно минувшие, и не имеющие причины, однако сами являющиеся главной первопричиной всех вещей⁴. Это время, когда из первоначального «Хаоса» возник «Космос» и жизнь индивида и общества стала упорядоченной. Главная задача всех живущих в «профанном» времени настоящего – максимально приблизить его к идеалу времени первопредков. Время, таким образом, становится циклическим и повторяемым.

Иначе говоря, «то, что произошло вначале, может повториться, в силу ритуального воспроизведения», а «жизнь не может быть исправлена, она может быть лишь сотворена заново через возвращение к своим истокам»⁵. Любое действие в реальности становится попыткой возвращения в прошлое, воспроизведения идеальной модели, воссоздания «Космоса»⁶.

В мифологической модели времени нет категорий прошлого, настоящего и будущего в привычном понимании. Они заменяются на священное время первопредков и профанное настоящее, непрерывно стремящееся воспроизвести в себе далекое священное время. Время не имеет здесь причинно-следственной связи, но обретает цикличность. Будущее в этой системе невозможно, так как оно представимо только в виде времени, когда

профанное настоящее достигнет, наконец, идеала и перейдет в прошлое.

С одной стороны, можно говорить о том, что мифологическая система времени в сравнении с объективно-исторической обладает определенным качеством «безвременья», а с другой – мифологическое представление о времени является более качественным и конкретным. «Для мифа нет времени, равномерной длительности, периодического повторения или последовательности “самих по себе”, напротив, для него есть только определенные содержательные структуры, которые, в свою очередь, представляют собой проявление определенных “временных структур”, исчезновения и появления, ритмического бытия и становления»⁷.

Отсюда и наличие временных отрезков, которые присутствуют в исторической модели времени и исключены из мифологического времени. В историческом времени «прошлое» не гомогенно, оно может подразделяться на периоды по степени удаленности от «настоящего» и степени влияния на это «настоящее». В мифе же «время, протекшее между зарождением и настоящим моментом, “незначимо”, “недействительно” (за исключением, конечно, моментов, когда реактуализируется первоначальное время) – и поэтому им пренебрегают или стараются его отменить»⁸.

Таким образом, мифологическое время содержит представление о двух качественно различающихся категориях: сакральном прошлом и профанном настоящем. При этом сакральная темпоральность отнесена от обыденной на значительное расстояние, а все события, которые могли иметь место между ними, исключаются из репрезентации реальности. Время в мифе имеет циклический характер, и «настоящее» непрерывно пытается посредством специфических процедур – ритуалов – воспроизвести идеальную модель «прошлого», упорядочить актуальность в соответствии с представлениями о космическом абсолюте. Следовательно, «прошлое», являясь идеалом, не имеет причины, но само является причиной «настоящего».

У носителей мифологической традиции возникает так называемое «чувство фазы», сопровождающее все события жизни, прежде всего критические, имеющие особое значение для становления их личности как части социума и активного актора социально-коммуникативной интеракции. Индивид непрерывно соотносит события своего субъективного бытия с событиями общественной жизни и пытается отыскать подтверждения происходящему вокруг в священном прошлом.

Рассмотрим, как обозначенная нами модель времени использовалась при конструировании политической мифологии в переходный период на рубеже XX и XXI столетий в России.

Вследствие утраты членами общества привычной системы идеологических координат социальные коммуникации были полностью нарушены. На месте стройной модели взаимодействия образовалось коммуникативное поле, состоящее из большого количества фрагментов, пришедших из самых разных идеологических течений, не сводимых воедино и имеющих множество лакун между ними.

В подобной ситуации властная элита, получившая право контроля над обществом в результате перехода власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, должна была попытаться построить идеологическую систему, которая отвечала бы нескольким требованиям. Она должна была обладать логической стройностью, полнотой охвата самых разных полей социального взаимодействия, охватывать большую часть общества, а значит, учитывать интересы, порой диаметрально противоположные, разных социальных групп и в итоге узаконивать власть элиты в сознании общества.

Учитывая громадный разрыв между интересами отдельных социальных страт и отсутствие социальных институтов и групп, которые могли бы служить медиатором между этими стратами, построение подобной идеологической системы представлялось чрезвычайно сложной задачей. В этой ситуации власть была вынуждена искать нечто, что объединяло бы разные общественные группы. Подобным фактором объединения стала общая мифологизация массового сознания. В одних группах она проявлялась в большей степени, в других – в меньшей, разные группы использовали разные наборы мифологем, но алгоритм восприятия реальности был общим.

Поэтому, прежде чем приступить к формированию собственно идеологии, представители власти начали конструировать общую мифологию, так как мифология, как мы уже отмечали, с архаических времен является действенным инструментом консолидации общества вокруг политического центра. Первым шагом к созданию этой мифологии естественным образом стало создание мифологической системы координат, т. е. представлений о времени и пространстве, в которых должны проистекать социальные интеракции.

Вначале необходимо было определить, какой период истории российского государства в новой политической мифологии будет отождествлен с сакральным временем предков или «золотым веком». Ближайшим по времени к «настоящему» был советский период, однако он не подходил для этой цели по ряду причин.

Во-первых, тотальное отрицание этого периода истории являлось одной из доминант переходного периода 90-х годов, воспроизведение его в новом качестве могло вызвать отторжение у многих

социальных групп, имеющих ключевое значение для представителей политической элиты.

Во-вторых, система социальных отношений СССР попросту не могла быть воспроизведена в изменившемся социальном контексте в достаточно полном и логически обоснованном виде. В этом изменившемся контексте социальных интеракций огромную роль играли экономические отношения, построенные на праве на частную собственность, свободное предпринимательство и иных элементах, которых попросту не существовало в социально-коммуникативном пространстве Советской России, потому что они противоречили его природе.

В-третьих, период существования СССР не был в достаточной степени удален темпорально от актуального «настоящего» конца 90 – начала 2000-х. Слишком большое количество людей имело возможность сравнить свой опыт социального взаимодействия в советской системе, координат и ее новом гипотетическом воплощении. А мифологическое сакральное время, как мы знаем, должно быть удалено от обыденного времени так, чтобы ни один индивид в социуме не имел субъективного опыта и воспоминаний о взаимодействии непосредственно в сакральном периоде истории.

Слишком далекое историческое прошлое также не подходило в качестве основы модели времени для системы современной политической мифологии, так как не отвечало требованиям относительного соответствия актуальному социальному контексту и в первую очередь той системе управления, которую намеревалась реализовать в российском обществе властная элита во главе с президентом Путиным.

В результате в качестве священного идеала, к которому должны стремиться общество и государство и который они должны воспроизводить посредством ритуальных практик в российской политико-мифологической системе было обозначено время, находящееся на оси времени между периодом Древней Руси и периодом советской истории общественных отношений – время существования Российской империи. В качестве подтверждения правоты нашего вывода мы можем перечислить ряд фактов.

Механизм передачи власти от Б.Н. Ельцина второму президенту РФ по форме был демократическим и нашел свое выражение в свободных выборах. Между тем за полгода до выборов В.В. Путин официально обозначался в публичной риторике политических деятелей из команды Ельцина–Путина и, что важно, в сообщениях СМИ как «преемник», что является прямой отсылкой к системе монархического государственного управления, действовавшей во времена Российской империи.

Дальнейшие действия новой элиты также были направлены на приведение хаоса текущего момента общественных отношений к космосу развития общества в имперской модели. В политическом поле это выразилось в резком сокращении числа политических акторов, имеющих возможность претендовать на значимые позиции в системе государственного управления. Кроме того, были отменены выборы на должности губернаторов областей, их стали назначать из центра, так же, как это происходило в царской России.

Сама система деления государственного пространства на отдельные территории также претерпела трансформацию в период правления новой элиты. Часть территорий и областей формально были упразднены и вошли в состав более крупных образований. Были образованы «мегарегионы» – федеральные округа, во главе которых встали управляющие, назначаемые из единого центра.

Здесь можно усмотреть определенное противоречие, состоящее в том, что и в советской модели на подобные должности людей не избирали, а назначали, но принципы, по которым производились эти назначения, были разными. В СССР решение о назначении того или иного чиновника принималось партией и правительством, т. е. коллегиально, а в РФ, так же, как и в Российской империи, подобные решения принимал единолично глава государства при формальном одобрении кандидатуры местными органами самоуправления, на основании личной преданности кандидата лидеру политической элиты.

Отметим, что поскольку СССР как государство со специфической системой государственного управления и регуляции общественной жизни возникло позже империи, с некоторыми оговорками можно считать, что в советской России принцип назначения чиновников был унаследован от предыдущей системы.

Что касается экономических отношений, то здесь властная элита взяла за основу модель, имевшую место в досоветской истории. Советское государство не признавало права граждан на свободное предпринимательство и частную собственность, что было закреплено юридически в основных законах. Напротив, РФ образца 90-х годов предоставило населению максимально широкие права и свободы для действий на этом поле.

Новая система соединила эти две модели и стала постепенно внедрять такую парадигму взаимодействий государства и рынка, в которой госорганам отводилась роль надзирателя и контролера, определенные составляющие экономических отношений были полностью под контролем государства, но в остальном граждане могли чувствовать себя более или менее свободно. Именно такая система, безусловно с оговорками, связанными с существенными

переменами в мировой экономике, произошедшими за последние сто лет, действовала и в царской России.

Культурная составляющая жизни общества тоже подверглась изменениям, направленным на приведение ее в соответствие с сакральным периодом. Хотя РФ по-прежнему оставалась светским государством, чиновники на самых разных уровнях, начиная с президента Путина, стали оказывать активную поддержку Православной церкви, которая до революции была главным центром духовной жизни общества. Это отразилось и на системе образования как главном инструменте социализации новых членов общества путем введения в школах предметов просветительского характера с религиозным уклоном.

Появились и новые государственные праздники, частично они были связаны со значимыми событиями имперского прошлого, частично это были переосмысленные на новый лад старые торжества. Произошло становление новой системы ритуальных действий на общенациональном уровне, главной функцией которых стало воспроизведение сакрального прошлого в обыденном настоящем. Кассирер писал о значении праздников мифологической модели мира следующее: «Поведение членится соответственно определенной периодической временной схеме. “Священное время”, время праздника, прерывает равномерное течение событий, вводя в это течение определенные разграничительные линии»⁹.

Что касается роли советского периода развития государства и общества в контексте общеисторического становления государственности в России, то она была заметно редуцирована в массовом сознании и в значительной степени переосмыслена согласно новой генеральной идее развития общественных отношений. Произошло мифологическое исключение событий, которые не могли быть отнесены к двум временным доминантам – героическому прошлому и актуальному настоящему.

События и факты истории РФ до принятия новой модели реальности были в ней обозначены как «критическая фаза» перехода между двумя историческими состояниями: «Между двумя значимыми периодами жизни всегда находится некоторая более или менее длительная “критическая фаза”, уже внешне отмеченная множеством позитивных предписаний и негативных запретов и табу»¹⁰.

Чтобы не быть обвиненными в намеренном сужении смыслового и фактического поля, которое было использовано при формировании нового взгляда на историю представителями властной элиты, напомним, что ранее мы говорили, что политическая мифология конструируется под конкретные цели, главными из которых являются консолидация общества и легитимация власти. И там,

где соотнесения текущей ситуации с идеальным примером Российской империи было недостаточно, элиты изредка привлекали определенные смыслы и артефакты, почерпнутые из советского периода развития общественного взаимодействия.

Изложив эти примеры, которыми актуализация новой мифологической модели политико-социального устройства отнюдь не исчерпывается, мы можем сделать главный вывод. В период правления В.В. Путина в РФ действительно была построена и внедрена в массовое сознание парадигма восприятия реальности, активно использующая мифологию как систему глобального концептуализирования фактов, событий и процессов и осмысленная через призму политической коммуникации. Эта мифология в качестве одной из своих основ имеет специфическую модель восприятия времени, функционирующую на фактическом материале развития общественных отношений в разные периоды отечественной истории.

В дальнейшем эта мифологическая система может развиваться как экстенсивно, так и интенсивно до тех пор, пока на ее основе не будет создана новая идеологическая парадигма, которая сможет иметь над общественным сознанием ту же власть, что и советская идеология.

Сейчас мы с уверенностью можем говорить, что эта модель отвечает двум основным целям, для достижения которых она была создана, что доказали, к примеру, недавние выборы Президента РФ, продемонстрировавшие высокую степень консолидации общества вокруг единого политического центра и высокую степень легитимности и принятие имеющейся политической системы широкими слоями общества.

Примечания

- 1 *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 90.
- 2 Там же. С. 94.
- 3 Там же. С. 96.
- 4 Там же. С. 97.
- 5 *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1994. С. 40.
- 6 Там же. С. 40; *Мелетинский Е.М.* Миф и историческая поэтика фольклора: Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 23–41.
- 7 *Кассирер Э.* Указ. соч. С. 121.
- 8 *Элиаде М.* Указ. соч. С. 44.
- 9 *Кассирер Э.* Указ. соч. С. 121.
- 10 Там же. С. 122.

Исследование практик

А.М. Бунеева, Л.В. Мурейко, О.Д. Шипунова

РЕСУРСЫ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ: НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Непредсказуемость человеческого поведения – ключевая проблема любой политической технологии. В статье анализируются феномены неявного знания и массового сознания, которые связаны одновременно с культурными и личностными смыслами; подчеркивается их анонимная власть над индивидуальным сознанием и действием, которая поддерживается процессом порождения смыслов. В качестве средств такой власти рассматриваются: норма, дискурс, когнитивный примитив. Анализ связи культурных способов репрезентации неявного знания с динамикой массового сознания и динамикой субъективности позволяет по-новому взглянуть на принцип свободного выбора и на ресурсы манипуляции.

Ключевые слова: анонимная власть, неявное знание, массовое сознание, дискурс, политическая технология, ресурсы манипуляции.

Непредсказуемость человеческого поведения – болевая точка любой политической технологии, которую мы понимаем как специально организованную область знания о способах воздействия на массовое сознание и как метод управления социальными процессами, обеспечивающий их воспроизводство в определенных параметрах правовой, политической и индивидуальной деятельности¹.

В истории политики формы борьбы за власть эволюционируют от прямого насилия и вооруженного переворота к технологиям скрытого принуждения людей. Информационно-пропагандистские кампании, политические игры, лоббирование вне сомнения зарекомендовали себя как эффективное средство манипулирования людьми в процессе достижения власти. Однако любая покорность масс – иллюзия. В действительности массы, как отмечает Ж. Бодрийяр, оказываются не только объектом воздействия идео-

логов, но анонимно и непредсказуемо действующим субъектом, находящимся на обочине социальности и поэтому неуловимым для социального анализа². М. Фуко, говоря о характерной тенденции к тотальной власти посредством идеологического программирования сознания, утверждал: неизвестно, на что способен человек, «пока он жив» как совокупность «сопротивляющихся сил» по отношению к попыткам формализовать его самобытность. Жизнь «маленьких», безмяннх с точки зрения тотальной власти людей, с одной стороны, является наиболее удобной для управления ею, но, с другой стороны, она подобна частицам, заряженным тем большей энергией, чем меньше они сами и чем труднее их различить³.

Ресурсы манипуляции индивидуальным и массовым действием составляют сложную проблему политической теории, поскольку затрагивают область социальной философии и психологии, культурологии и лингвистики. Популярность в современной литературе представления о социально-когнитивных феноменах, социальном интеллекте, а также гуманистический подход в социологии позволяют говорить об актуальности анализа феноменологии социального действия для политологических исследований, ориентированных на конкретные формы взаимосвязи субъектов и объектов властных отношений.

Политические стратегии предполагают ту или иную форму социального контроля массового сознания и действия. Такой контроль может быть осуществлен разными путями. Знание всегда стояло на первом месте в искусстве политического управления. Элитарность вершителя судеб подчеркивалась процедурами посвящения в сан, который автоматически давал право на власть и сверхзнание. Именно это сверхзнание придавало особый оттенок личности лидера (главе рода, монарху, вождю). В отношении подданных, однако, искусные политики предпочитали формулу ограничения знания. История культуры дает многочисленные свидетельства традиции тайного знания на примерах магии и жреческой науки. В античных концепциях государства массовое распространение знания также не является обязательным условием политического управления. В модели идеального государства Платона только философы имеют на него исключительное право в отличие от воинов и земледельцев, не говоря уже о рабах, лишенных гражданского состояния. Определяя человека как политическое животное, Аристотель тем не менее подчеркнул неосознаваемое подчинение человека общественным нормам, автоматическую регуляцию своих побуждений и действий в соответствии с принятыми установками и традициями. Эта особенность человека опирается на феномен неявного знания.

Выявляя феномен власти неявного знания, М. Фуко использовал концепт *эпистема* для обозначения определенного *социально-исторического пространства знаний*, которое охватывает скрытую от непосредственного наблюдения сложную сеть отношений между «вещами» и «словами». Эта сеть определяет зачастую неосознаваемые, свойственные той или иной эпохе «коды» восприятия, особенность той или иной практики познания. Идея «микроэпистемологии» М. Фуко – пересмотр поведенческих и концептуальных границ социальности, связанных с нормативами и социокультурными запретами, с целью обнажить области, которые вытеснены и репрессированы, а затем, сломав границы, расширить потенциал естественного и доступного. Важно подчеркнуть, что негативизм выявил тот, что запрет и насилие продуцируют иную, изначально анонимную власть.

Согласно Фуко власть представляет не только государство, но систему отношений, пронизывающих все социальное поле. Повсеместно в нем завязываются сложные игры подчинения и сопротивления. Власть исходно ни институциональна, ни персональна. Это прежде всего игровая множественность отношений силы, которые находя опору друг в друге, образуют цепь или систему власти. Власть – это также стратегии, благодаря которым отношения силы достигают своей действенности, воплощаясь в государственных аппаратах, законах, формах социального господства⁴.

Власть и знание пронизывают друг друга. Поскольку зоной пересечения власти и знания является практика, то здесь власть имеет дело прежде всего с таким измерением мысли, которое не сводится к знанию в его стратифицируемой функции и которое характеризуется подвижными, трудно локализуемыми связями⁵. Это другой, не теоретический вид знания, вызывающий особый тип взаимоотношений между зримыми, языковыми и регулятивными формами мышления.

Механизмы неявного принуждения личности – центральная проблема политической технологии. В качестве ресурса скрытой манипуляции можно рассматривать дискурс и норму. Общеобязательность нормы, утверждает Фуко, и есть «власть – знание». Дискурс всегда производителен, чтобы он ни делал – говорил или молчал, нацеливал на автоматическое следование норме или открывал новые смыслы реальности.

В отношении ресурсов манипулирования массовым сознанием представляется продуктивным также анализ концепций «практических схем мысли» П. Бурдьё и микросоциологии Г. Тарда, в которых развиваются представления о диффузных, исчезающе малых взаимоотношениях не великих людей, о влиянии незначительных

идей, мелких стратификаций нашей жизни, предпринимаемых чиновничьим визированием. Обновление местных обычаев, небольшие изменения языковых норм, мелкие изобретения – почва анонимной власти неявного знания над индивидуальным и массовым сознанием.

Зафиксированное в нечетких контекстных формах, неявное знание существует в социуме независимо от людей и в то же время непосредственно связано с каждым индивидуумом некой нормой, предполагающей способность субъекта воспринимать как поверхностный, так и глубинный пласт значений. Персонификация смыслов указывает одновременно и на ментальную активность, и на естественно социальную технологию жизни, и на сложную (не всегда явную) динамику социального контроля.

Понятие «социальный контроль» было введено Г. Тардом для обозначения средств социализации, в частности для преступников, возвращавшихся к нормальной жизни в обществе. Сейчас социальный контроль понимается и как способ поддержания социальной стабильности (Т. Парсонс), и как целенаправленное влияние общества на поведение индивида в интересах поддержания социального порядка (Э. Росс, Р. Парк). Внешний социальный контроль осуществляется посредством санкций, внутренний – через систему ценностей, косвенный – через идентификацию индивидов с определенной группой и принятыми в ней нормами понимания и действия⁶.

В случае внутреннего и косвенного социального контроля актуализация контекстного знания, запускающая феноменальную смысловую динамику в определенном направлении, играет ключевую роль. Понимание, порождение, трансляция смыслов настолько естественны для каждого человека, что это далеко не всегда осознается. В своей фундаментальной работе Д.А. Леонтьев выделил пять внутренних экзистенциальных стратегий самоопределения⁷, которые мотивированы интенцией обретения смысла, актуализирующей неявное знание.

1. Спонтанное обретение смысла (*замыкание жизненных отношений*) – подсознательное движение, которое опирается на механизмы импринтинга, опредмечивания потребности, фиксации установки. Эта стратегия обретения смысла, казалось бы, ближе всего к инстинкту: подспудная потребность лишь находит свой предмет, который приобретает смысл (примерами могут служить: любовь с первого взгляда, пристрастие к алкоголю, курению, наркотикам, азартным и компьютерным играм). Однако она опирается на некоторое неявное знание, поскольку связана с необходимостью обозначения (следовательно, с языком) и невозможна без выделения оценочных критериев.

2. Придание смысла первоначально бессмысленной деятельности (*индукция смысла*). С этой стратегией связан механизм психологической защиты, который в этом случае работает по принципу «стерпится – слюбится». Уход от отрицательных эмоций обеспечивается постановкой собственной цели.

3. *Идентификация* с определенной социальной группой – подсознательная стратегия субъективной динамики, связанная с усвоением и принятием определенных жизненных установок. Этот механизм определяет интуитивное отождествление себя с определенным социальным статусом, усредненность массовой и коллективной психологии. Причем к моменту осознания себя в качестве органичного члена общности (правоспособным, американцем, мужчиной, воином и т. п.) человек уже разделяет ее смысловые ориентации. Архетипы коллективного бессознательного актуализируют неявное знание и запускают когнитивные усилия субъекта.

4. *Полагание смысла* – особый экзистенциальный акт, в котором устанавливается фундаментальная ценностная ориентация, определяющая жизненную стратегию. Примером может служить осознанный выбор веры (в Бога, в коммунизм, в науку, прогресс, зло).

5. *Восприятие смыслов в превращенных формах*. Несмотря на то что восприятие фетиша или символа происходит непосредственно (интуитивно), этот процесс, во-первых, требует минимального знания прагматических критериев, обеспечивающих необходимый уровень социальной адаптации, во-вторых – более глубоких знаний, обеспечивающих процесс смысловой расшифровки превращенных форм. В практических и интеллектуальных действиях превращенные символические формы выступают «форматором» многообразия смысловых горизонтов. Мнимости существуют в социуме объективно, например деньги (которые замещают не только товар, но и социальный статус, и понятие благосостояния). Превращенная форма как «овеществленное представление» программирует целый комплекс человеческих реакций (прежде всего ментальных), выступая источником смысловых уровней в индивидуальном сознании.

Человек в жизненной ситуации мыслит уже сложившимися понятиями. Генезис смысловых форм не прослеживается, но образует пространство иного смысла. Социальные формы (предметные и языковые) в виде символов становятся носителями превращенных форм, которые замещают действительные связи аналогично коду. Так, язык образует реальность дискурсивных формаций, которую человек вынужден принять⁸. В контексте современной информационной парадигмы каждая цивилизация имеет свой

культурный код, формирующий слои информационного пространства, коммуникативные процессы, способы персональной актуализации смыслов в социальной адаптации⁹. Сопряжение личного смыслового пространства и социально-исторического контекста – естественный процесс в жизни каждого человека, который присутствует явно или неявно в любом поступке, как в повседневности, так и в сложной теоретической или практической ситуации.

Антиманипулятивная установка в современных социальных технологиях представлена принципом свободы выбора. Идеалом в этом случае оказывается модель социального управления, в которой нет ни управляющего, ни управляемого. Функции естественного регулирования социума несут символические (языковые, дискурсивные) структуры, образующие своеобразные смысловые сети в социальном пространстве. Имея перед собой смысловые ориентиры, субъект сам решает, как ему действовать и как жить.

Процесс персонификации смыслов, который строится на базе понимания, оказывается феноменологическим идеалом социально-политической технологии управления. Однако власть неявного знания и массового сознания не снимается. Перед каждым встают смысло-жизненные вопросы: «как?» и «зачем?». Первый указывает на границы дозволенности, а второй – на цели, так или иначе связанные с идеалом, социально значимым в данную эпоху.

В современной науке анализ процессов управления опирается на представление о фундаментальной роли информационной среды в организации жизненной прагматики сложноорганизованной системы. Термин «управление» в информационной парадигме раскрывается через понятие «целесообразность». Элементарный процесс управления предполагает цель, а целесообразное поведение, которое строится на основе некоторой информации, так или иначе управляемо. Целесообразность и управление – два полюса существования органичной системы.

С жестким целеполаганием связан принцип программирования. Противопоставление субъекта управления (программиста) и объекта (системы) характеризует персонифицированную модель процесса управления. Рефлексивный принцип управления подчеркивает доминанту ценностной ориентации в качестве альтернативы целеориентированному поведению¹⁰.

Идея рефлексивного управления – передача информации, воздействующей на имеющийся у объекта образ мира (ситуации), – предполагает деперсонализацию управляющих функций, уход от жесткой целевой ориентации и алгоритмизации, которые диктуются субъектом управления. Без управляющего субъекта (персоны) успех достигается за счет включения механизма рефлексии в отно-

пении противодействующих намерений партнера, прогнозирования развития ситуации, ее влияния на динамику внутренней детерминации действий. Хороший пример – игра в шахматы. В этой модели нет и управляемого субъекта, поскольку обращение к некой аудитории анонимно. Порождение управляющей информации в деперсонифицированной модели связано с волевой интенцией, а поведенческие реакции определяются не только управляющими решениями, актуальными стимулами или предшествующими причинными связями, но имеют внутренний вектор, выстраивающий целевые установки и реакции в соответствии с базовой системой ценностей. В интеракциях рефлексивные системы влияют друг на друга, воздействуя на представления (образы) самой ситуации, объекта и субъекта управления.

В ценностно-ориентированной модели управления действия сложноорганизованной системы направляются принципом свободы воли, процесс управления становится самоуправлением, а понятие субъекта управления теряет смысл, уступая место семантике информационной среды. Модель интерактивного управления, наиболее популярная в феноменологическом подходе к социальным действиям, особенно подчеркивает направляющее воздействие информационной среды. Человек всегда погружен в сложную информационную среду. Смысловое поле, направляющее его ментальную и физическую активность, порождается социальной коммуникацией.

В интерактивной и рефлексивной моделях управления человек становится субъектом самоуправления. Необходимость постоянной ценностно-смысловой ориентации в социуме создает психическое напряжение и актуализирует функции интеллекта на разном уровне активности. При этом типология интеллектуального действия, представленная социокультурными схемами (операциональными, инструментальными, концептуальными), может иметь как вербальную, так и невербальную символическую форму. Любое регламентированное действие (например, этикет, ритуал), выступая деперсонализированным фактором управления, несет в себе закодированное смысловое поле, которое разворачивается в субъективном восприятии в определенный контекст, позволяющий человеку ориентироваться в ситуации.

Общее условие процесса политического управления в социальных системах – реализация массового согласованного и целенаправленного действия. Главные средства социального управления, возникшие в глубокой истории человечества: влияние (диктат, давление, манипуляция, которые строятся на подчинении и подражании) и убеждение, которое имеет характер рационально-иррациональной деятельности. И в том и в другом случае неявно присутст-

вует норма, которая соотносится с некоторым инвариантом, запускающим внутреннее действие на нужном уровне активности.

Механизм социального влияния определяется схемой эффективной коммуникации, в которой активизируется взаимосвязь воздействия (ориентированного на доверие и убеждение) и восприятия (актуализирующего смысловой контекст, внимание, эмоцию, понимание). Фундаментальное значение в процессе согласования (и признаки субъекта управления) приобретает не просто информация, а формы представления знания – когнитивные схемы, образы, ментальные модели. Политическая стратегия может быть скрыта за неким когнитивным примитивом.

Следует подчеркнуть, что когнитивный примитив «примитивен» только по форме, ресурсы его воздействия огромны, благодаря неоднозначному контексту. Принимаемые всеми формулы снимают или устанавливают норму и, следовательно, потенциальное пространство жизненных перспектив. В качестве примера можно привести формулу, ставшую символом социальных преобразований в свое время: «Свобода–Равенство–Братство».

На скрытые и не всегда поддающиеся контролю ресурсы манипулирования указывает уже наличие смыслового контекста действий и мыслей, который задает общие нормы высказываний и априорный прототип отношений (например, одушевленный предмет – неодушевленный предмет, мы–они, и т. д.). Норма понимания приобретает главное социальное и экзистенциальное значение в регуляции целенаправленного поведения, а функции деперсонифицированного субъекта управления располагаются в семантическом пространстве информационной среды. Явно выраженные функции управления приобретают смысловые формы и такие психолингвистические реальности, как контекст и дискурс, благодаря которым выстраивается интенциональная сеть и структура мотивов, направляющая ментальную активность. Постоянство смысловой канвы, поддерживаемое языком и традициями, присутствует в коммуникациях имплицитно¹¹. То, что всем ясно из контекста, не проговаривается. Усвоение языка как необходимое условие вхождения индивида в социум делает процесс порождения контекста и дискурса нормой любого человеческого действия.

Рассматривая порождение дискурса в качестве ресурса социального управления, можно выделить два уровня формирования неявного знания: эмоционально-инстинктивный и эмоционально-интеллектуальный. Это соответствует разному психическому действию речи, запускающей целенаправленные действия на эмоционально-аффективном и интеллектуально-рациональном уровнях ментальной активности. В первом случае контекст действий,

обусловленный коммуникативными отношениями, возникает раньше понятийной регуляции и разворачивается на базе сенсомоторного интеллекта (ситуативно-практического). Во втором случае порождение дискурса представлено «информационной моделью», в основании которой лежит схема: адресат–сообщение–смысл¹². Жизненная норма в этом случае требует более сложной интеллектуальной реакции в той или иной жизненной ситуации. Обе схемы порождения жизненного контекста присутствуют и переплетаются в реальной жизни.

Единство разумно-понимающего с эмоционально-волевым началом, вербальный обмен информацией и невербальное общение чрезвычайно важны в разработке политической технологии.

В заключение отметим, что феномен неявного (невербализованного, фонового) знания связан одновременно с культурными и личностными смыслами. Анализ связи культурных способов репрезентации неявного знания с динамикой массового сознания и динамикой субъективности позволяет по-новому взглянуть и на принцип свободного выбора и на ресурсы манипуляции.

Примечания

- 1 См.: *Иванов В.Н.* Социальные технологии в современном мире. М., 1996.
- 2 См.: *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2000.
- 3 См.: *Делез Ж.* Фуко. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. С. 126.
- 4 См.: *Фуко М.* Воля к знанию // Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 367.
- 5 См.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999.
- 6 См.: *Филатова О.Г.* Общая социология. М.: Гардарики, 2005. С. 276–278.
- 7 См.: *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М, 1999.
- 8 См.: *Ревзина О.Г.* Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика: Вып. 8. Новосибирск; М., 2005.
- 9 См.: *Степанов Ю.С.* Концепты: Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
- 10 См.: *Левфевр В.А.* Формула человека. М., 1991.
- 11 См.: *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М., 2005.
- 12 См.: *Пешё М.* Контентанализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М, 1999.

А.А. Журухина

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

В данной статье сделана попытка рассмотреть содержательную часть концепции украинской истории, представленной в учебниках по истории для средней школы, сквозь призму понятия «политизация истории».

Понимание того, какие исторические темы являются наиболее актуальными и каковы механизмы, обеспечивающие взаимосвязь существующего политического контекста с содержательной частью истории, преподаваемой будущим гражданам, позволяет оценивать перспективы взаимодействия между Россией и Украиной, как на политическом, так и на социальном уровне.

Ключевые слова: политизация истории, школьное образование, Россия, Украина.

Тема политизации истории на постсоветском пространстве не нова и вызывает горячие дискуссии как в среде профессиональных политиков, так и среди исследователей, занимающихся историческими, политическими и социальными проблемами.

Распад Советского Союза и последовавшее за этим создание национальных государств спровоцировали главный вопрос: как, с помощью чего и каким образом обосновать национальную самобытность и национальную историю?

Разные государства решали этот вопрос по-разному.

Около года назад историческое сообщество «Мемориал» выступило с инициативой создания Международного исторического форума – дискуссионной площадки для обсуждения неоднозначных, конфликтных вопросов истории Восточной и Центральной Европы. Подобная идея появилась прежде всего по причине обостряющихся конфликтов на исторической почве между госу-

дарствами постсоветского пространства. История, как сказано в обращении сообщества, «становится инструментом для достижения сиюминутных политических целей, дубиной в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще»¹. И в качестве эффективного инструмента как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического давления используется целый ряд провокационных действий: от выкорчевывания памятника «Бронзовый солдат» в Таллине, закрытия посвященной уничтоженным советским гражданам экспозиции в Освенциме, законодательно зафиксированного желания Литвы получить от России компенсацию за якобы имевшую место «оккупацию» и «геноцид» – до появления «Музеев советской оккупации» в Тбилиси и Киеве. Все эти акции направлены на достижение долгосрочной цели – создание национальной идентичности, без которой невозможно стабильное существование новых государств. В результате ухудшаются отношения между странами на международной арене, а во внутреннем политическом поле формируются полноценные образы врага.

Стоит отметить, что для Украины проблема создания национальной идентичности и формирования концепции национальной истории была более острой, чем для других государств Восточной Европы. Обуславливается это прежде всего географической близостью Украины и России – центра Советского Союза. Среди других факторов можно назвать общее историческое наследие, большое количество русскоязычного населения, проживающего на украинской территории, общее экономическое поле, оставленное советским прошлым. Не последнее место занимает тот факт, что Украина не имела сформировавшейся национальной истории, исторических институтов ранее, по крайней мере не в тех рамках, в которых они существовали в других странах Восточной и Центральной Европы.

Формированием национальных идентичностей этот процесс не заканчивается. Для создания образа страны за рубежом необходимо было создать и определенную международную репутацию. События президентских выборов на Украине в 2004 г., известные также как Оранжевая революция, дали толчок целому ряду исследований как в европейских странах, так и в США, о характере изменений, происходящих в украинском обществе, и о том, к чему они могут привести. Европейские исследования, в частности, фокусировались на том, возможно ли вообще и в какие сроки принятие Украины в члены Европейского союза.

В этом контексте можно сказать, что принятие Польши и прибалтийских стран в НАТО и ЕС вывело политизацию истории на

новый уровень. После этого руководство этих стран начало использовать влияние общеевропейских структур для реализации своих «исторических претензий» по отношению к России.

Как показывает практика, процесс политизации является целенаправленным и поддерживается специально созданными для этого структурами: «Институтом национальной памяти», «Центром исследований освободительного движения» и комиссией историков при Службе безопасности Украины. Деятельность этих центров дополняется деятельностью Музея оккупации. Подобные структуры открылись и в Литве (Музей геноцида), и в Грузии (Музей оккупации), и на Украине (Музей советской оккупации Украины). Посетителями подобных музеев, как правило, являются молодые люди или школьники и зарубежные гости. И те и другие – это аудитория только формирующая свое представление об истории, не обладающая широким спектром информации по теме. В подобной ситуации существенно облегчается манипулирование сознанием. При широком общественном резонансе и обсуждении в СМИ некоторых тем можно достичь ощущения, что эти темы являются ключевыми и проблемными для развития самой нации, государства и государственной политики в отношении отдельных стран.

Историк Алексей Миллер, профессор Центрально-Европейского университета, предлагает различать понятия политизации истории и исторической политики. Политизация истории определяется им как постоянное неизбежное явление, обоснованное тем, что историки всегда испытывают влияние современной им политической обстановки и не могут избежать субъективности оценок. Историческая же политика – это «плод вполне сознательной и целенаправленной политической инженерии»², вмешательство в трактовку истории со стороны той части политической элиты, которая в настоящий момент находится у власти и контролирует ресурсное распределение. Подобная трактовка существует для борьбы с внутренней оппозицией и для достижения определенных целей в деле строительства нации, а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях.

Миллер указывает, что термин *Geschichtspolitik* (с нем. – «историческая политика») стал активно употребляться в ФРГ в начале 1980-х годов. В стратегии «духовно-морального поворота», провозглашенной пришедшим к власти в 1982 г. Хельмутом Колем, можно было увидеть многие элементы «исторической политики».

В 2004–2005 гг. сторонники подобной линии в Польше сознательно заимствовали это понятие и дали своей стратегии имя «*polityka historyczna*». В Польше этот феномен развился заметно силь-

нее, причем обрел специфические институциональные формы, – прежде всего здесь следует назвать созданный в 1998 г. Институт национальной памяти, который изначально назывался еще более красноречиво: «Комиссия по преследованию преступлений против польского народа». Польский опыт во многом пытаются копировать на Украине.

Современные сторонники так называемой исторической политики во властной элите и среде профессиональных исследователей обычно ссылаются на специфичность, кризисное положение современности, на долговременное «замалчивание» определенных исторических тем, низкий уровень знания населения о своем историческом прошлом, обусловленный диктатом. Выделяются две причины подобного положения дел: внешняя и внутренняя. В зависимости от страны акцент в формировании концепции истории ставится в большей степени либо на внешнюю, либо на внутреннюю причины. Ссылки на постколониальное состояние, т. е. на многолетний диктат внешних сил (Москвы), особенно громко звучат на Украине. Россия выступает в роли палача, Украина – жертвы.

При существующем на Украине политическом заказе на историю создаются определенные представления о прошлом, с определенными оценками и источниками информации с целенаправленным воздействием. И политический аспект украинской истории только набирает мощь: стоит вспомнить закон Верховной рады от 2006 г. о Голодоморе, указы Президента Украины Виктора Ющенко о том, что нужно в определенном духе праздновать юбилей Полтавской битвы и годовщину уничтожения города Батурина, возведение памятников Карлу XII и Ивану Мазепе. История выступает как транслятор подобных сообщений, как способ формирования политического сознания и политических представлений, источник политического воздействия.

В любой политической системе (авторитарной или демократической) одним из важнейших институтов политического воздействия на будущих граждан является школа. Основным отличием политической социализации в школьный период от других стадий социализации выступает, во-первых, сенситивность детей школьного возраста к освоению политических представлений, во-вторых, возможность проведения политики, нацеленной на формирование тех или иных политических ценностей³.

В середине 1990-х годов вышел в свет сборник статей зарубежных авторов, посвященный проблеме необходимости возрождения более пристального интереса к политической социализации в политической науке. Среди направлений, которые должны быть подвергнуты приоритетному исследованию, указывается изучение

школы как института политической социализации в контексте переноса центра изучения политической социализации с маленьких детей на возрастной период между 14 и 25 годами, так как в этот период общество концентрирует большинство усилий на обучении гражданству⁴.

Анализ официальных документов в сфере образования показывает, что цели формирования гражданственности и представлений о роли собственного государства в истории и его места в мире ставятся как основные во многих программных положениях.

Школа обладает идеологической силой, как централизованный институт, в реализации государственной политики в сфере формирования отношений подрастающего поколения к политическим реалиям⁵.

Изучение особенности школы как института политической социализации является актуальным и обоснованным для современного исследователя политических процессов. Можно в целом сказать, что социальный заказ на целенаправленное формирование гражданина нового типа, постсоветского или же демократического, со стороны государства присутствует, что подтверждается соответствующими документами. Также существует заказ на формирование национальной идентичности.

В качестве процесса усвоения моделей политического поведения подразумевается обретение человеком своей идентичности, т. е. ощущения гражданской принадлежности к той или иной среде.

В обществах переходного типа, к которым относится и Украина, проблема усвоения моделей культуры особенно обостряется, поскольку все ее компоненты неизбежно проходят через процесс трансформации. В этом смысле особенно остро встает вопрос целенаправленного воздействия со стороны государства на процессы социализации, которые, в частности, подразумевают прохождение через них молодежи, и подростков в том числе.

Когда ребенок идет в школу, начинается новый этап политической социализации. Под влиянием социальных институтов происходит не только накопление новых знаний о политической сфере, но это знание становится осознанным, т. е. речь идет о качественном изменении. В школьном возрасте начинает формироваться сознательное отношение к политике⁶.

Особую роль в исследовании процесса формирования политического сознания молодежи занимает учебная школьная литература по истории, так как именно на нее возлагаются задачи формирования первичного представления о собственной истории, стране проживания и ее исключительных, отличающихся от других стран, характеристиках.

Следует сказать, что в рамках исследования учебников истории сравнительно легко выйти на базовый исторический миф о данном народе как носителе определенных ценностей. Обращение к мифам в политике в те или иные периоды исторического развития характерно для всех государств. Оно связано с особыми социально-политическими и экономическими условиями, которые не позволяют решать сложные задачи за счет реально существующих средств и вынуждают политиков с помощью мифов воздействовать на массовое сознание людей и тем самым отвлекать их хотя бы на время от назревших и трудноразрешимых противоречий⁷. В таких условиях оказалась и Украина после распада Советского Союза и обретения ею независимости.

В этом контексте особенно интересным представляется исследование учебников истории постсоветских стран, в рамках которых концепция истории после распада СССР как минимум пересматривалась, а иногда создавалась заново.

Я исследовала учебники истории Украины, рекомендованные Министерством образования Украины для средней школы (входящие в государственную программу) на предмет содержания в них информации, влияющей на процесс формирования политического сознания, особенно уделив внимание образу России, транслируемому через эти учебники.

По результатам исследования наиболее полититизированными и «раскрученными» в средствах массовой информации являются следующие, представленные в учебниках истории Украины, темы.

1. Иван Мазепа и его роль в украинской истории. (В СМИ он упоминался в рамках различных тем, как от создания одноименного фильма, так и до воздвижения ему памятника). Данная тема затрагивается в рамках школьной программы по истории для 5-го и для 8-го классов.

2. Роль УПА во время Второй мировой войны. Эта тема относится к программе 11-го класса.

3. Голодомор 1932–1933 гг. Или все-таки геноцид? Тема относится к программе 11-го класса.

Далее предлагается содержательный разбор каждой темы в соответствии с расставляемыми в учебнике для более эффективного формирования образа акцентами.

1. Иван Мазепа: герой или предатель?

По подаче в учебниках, Иван Мазепа, безусловно, является героем. Причины для этого можно выделить следующие:

– хотел сделать Украину великой и свободной европейской державой, освободить из-под гнета Московского царства;

– просвещал украинский народ, создавал школы, университеты, отстраивал церкви на собственные деньги, сам был очень образованным человеком;

– действовал осторожно и осмысленно: сначала заключил договор со Швецией, пользуясь тем, что Москва вела с ней Северную войну, рассчитывая в случае победы первой на независимость Украины, о чем договорился со шведским королем.

Он наделен и геройскими качествами: образованностью, использованием дипломатических методов при ведении переговоров, патриотизмом, религиозностью, склонностью к реформаторству. Для большего понимания значимости этих качеств следует рассмотреть их значения в рамках учебников.

1. Патриотизм – использование украинского языка, обычаев, уважение к культуре, стремление к просвещению населения, его духовному и физическому освобождению, нелюбовь к неприятелю и к чужому, стремление его обмануть.

2. Образованность – это либо образованность в буквальном смысле, либо тяга к знаниям, либо склонность к пожертвованию собственных средств на нужды образования (как в случае Ивана Мазепы).

3. Религиозность – от использования религиозной символики в творчестве до склонности к строительству храмов.

4. Использование дипломатии – использование интриг, заговоров, переговоров, договоров, временных союзов с неприятелем (именно неприятелем) с целью помочь родной стране (под этим подразумевается как личное, так и общественное понимание помощи).

5. Реформаторство – способность к нестандартным ходам и решениям в целях решения проблемы, а также стремление изменить существующий порядок к лучшему.

Весь этот спектр положительных качеств, качеств героя, позволяет говорить о том, что Мазепа является символом борьбы Украины за независимость, наряду с Тарасом Шевченко и Богданом Хмельницким. При этом содержание борьбы, ее методы, не являются материалом для обсуждения. Важна лишь конечная цель предпринимаемых действий.

Как и всякий герой, Мазепа в учебниках наделен сильным противником. Петр I, образ которого является самым негативным образом в этих учебниках вообще, видел в Украине «многовековую рабу, которая не имеет право на собственный язык и на культуру, не говоря уже о воле⁸».

Поэтому Иван Мазепа на фоне Петра I выглядит героем, борющимся за свободу и справедливость, а не предателем. Поэтому под

властью России Украина стала превращаться в руины, стала Малой Россией. Екатерина Вторая, уничтожив казацкую самостоятельность, институт гетманства, таким образом уничтожает целую эпоху украинской истории. Причем героическую эпоху – каждый описанный в этом разделе деятель наделяется качествами героя и лидера.

Для некоторых учебников характерны провоцирующие вопросы в названиях подглав: Иван Мазепа – предатель или герой? Специфика заключается в том, что если данный вопрос выводится как дискуссионный в заданиях к параграфу, возможен и тот и другой вариант ответа, но когда он является заголовком – ответ будет однозначным.

Гетман Мазепа согласно учебнику для 5-го класса под авторством В. Мысана, обращается к казакам с надеждой поднять боевой дух: «Братья! Настал наш час. Воспользуемся этой возможностью! Отплатим москалям за насилие над нами, за нечеловеческие муки и неправду (несправедливость), причиненные нам! Пришло время скинуть ненавистное ярмо и сделать нашу Украину свободной державой!» Царь в ответ обещает покарать «предателя» и дает указ уничтожить гетманскую столицу Батурин. «Российское войско полностью, до щепки разрушило его⁹». Этот отрывок формирует яркий эмоциональный образ и, что характерно, является неким лозунгом, вполне применимым и в наше время.

Про И. Мазепу писал Жан Балюз, цитируемый Мысаном: «Он имеет большой опыт в политике и, в противоположность москвитам, следит и знает, что творится в чужеземных странах¹⁰». Образованность Мазепы, как подчеркивается в учебниках для 5-го класса, является одной из его исключительных черт. Характерно задание, предложенное ученикам в одном из учебников по этой главе: составьте рассказ на тему «Борец за волю Украины».

Стремлением к свободе объясняется поведение Ивана Мазепы по отношению к России во время Северной войны: он идет на сговор со шведским королем Карлом XII, так как тот обещает в случае победы полную свободу Украине. Постоянное наступление московского царя на независимость Украины вынудило Мазепу пойти на сговор. На это последовал ответ: «Сумасшедший ливень адской злости и мстительности упал на украинские города и села – так отплатил московский царь Петр I за освободительные устремления Мазепы¹¹». При этом в другом учебнике говорится о дружбе Мазепы с Петром, которая, однако, по политическим причинам, не смогла продолжиться¹².

Неадекватность ответа – один из приемов, используемых авторами, чтобы подчеркнуть, насколько велика нелюбовь чужих

к Украине. «Неслыханная жестокость» Петра I по отношению к украинским жителям противопоставляется искреннему желанию Ивана Мазепы спасти свой народ и от московских и от шведских властей.

Вопрос о предательстве или геройстве Ивана Мазепы в каком-то смысле является ключевым для формирования политических представлений о России в рамках украинской истории. Именно потому, что Мазепа нарушает договор с Петром I, идет на открытый конфликт, в итоге он оказывается героем. Особая трагичность его ситуации в том, и это неоднократно подчеркивается, что в построенных им же церквях ему провозглашают анафему. Таким образом, он становится своеобразным мучеником, жертвой в борьбе с деспотом, врагом. А сама эта тема становится примером исторической политики, активно используемой в современной украинской политической риторике.

2. Роль УПА во время Второй мировой войны.

Данная тема затрагивается в учебной литературе весьма осторожно, но вместе с тем основательно. Характер действий УПА, ее сотрудничество с фашистскими захватчиками объясняется инстинктом самосохранения в той же мере, в коей и ненавистью к советской стороне. В итоге получается эффект «отбеливания» сомнительных действий – как вынужденных при недостатке вариантов для выбора.

В обозначении политизации роли УПА стоит выделить несколько моментов:

– роль России в XX в. показана очень негативно. Особенно это заметно в учебниках для 5-го класса, где информация очень концентрирована и эмоционально насыщена: она является неким каркасом, на котором в дальнейшем будут строиться концепция истории, гражданственности, и национальная идентичность молодежи. В частности в учебнике В. Мысана акцентируется внимание на последствиях действий советских властей следующим образом: «Ты – маленькая частичка украинского народа. Наш народ морили голодом, высылали в Сибирь, уничтожали, расстреливали¹³».

Суть подобных призывов в одном – автор намеренно делает акцент только на украинском населении Советского Союза, не упоминая о других народах. Читатель должен почувствовать, что политика, повлекшая за собой столь негативные, страшные последствия, была направлена против именно Украины, за то, что она – Украина. Что это, как не намеренная политизация?

– главы о деятельности УПА, как правило, акцентируют не столько деятельность этих войск, сколько последствия их деятельности. Как пишет В. Мысан, для жителей Западной Украины

послевоенное время было слишком тяжелым. Отряды УПА с оружием в руках активно боролись против советской власти. Они не теряли надежды и желали возродить независимую Украину. Против повстанцев действовали специальные отряды советских вооруженных сил. Поскольку местное население поддерживало украинских патриотов, советская власть начала борьбу и против мирных жителей края. Семьи, мужчины которых воевали в составе УПА, преследовались. Их вывозили в Сибирь, на Дальний Восток, кидали в тюрьмы. За ними на десятки лет закрепилось название бандеровцы. Их называли националистами и врагами народа, предателями. «Однако стоит помнить, что они жили и боролись на своей земле. Они не стремились завоевать кого-то или отобрать у кого-либо чьи-то территории. Они не хотели жить в большевистском рабстве и стремились возродить независимое государство. Так в чем их вина?»¹⁴. Исходя из предложенной автором оценки событий виноватыми оказываются большевики, Москва или же центр (все три названия взаимозаменяемы в учебнике);

– в продолжение этой темы следующий отрывок. В 1944 г. семьи ОУН УПА выселяли в тыловые области Союза. «Это был акт политического своеволия сталинско-бериевского руководства. Большинство репрессированных не имели никакого отношения к УПА. Однако в нелояльности к советской власти сталинский режим подозревал всех украинцев, которые оказались на оккупированной территории»¹⁵. Таким образом, внимание читателя переносится с деятельности УПА и ее оценки на деятельность советских властей (по принципу «может, мы и виноваты, но они виноваты больше, а то и первыми начали»). Эта оценка очень хорошо усваивается подростками, с их комплексами и желанием оправдать свои недостатки, которые осознаются в этом возрасте особенно остро.

Роль УПА как освободительная сродни образу Ивана Мазепы – важно не столько «как», сколько «из каких побуждений». При этом никто из учеников не пытается задаться вопросом: а была ли именно эта цель?

3. Голодомор 1932–1933 гг. Или все-таки геноцид?

Руководство Украины в настоящее время активно поднимает вопрос о голодоморе, призывая международное сообщество признать голод 1932–1933 годов фактом геноцида украинского народа, вслед за решением Верховной Рады в ноябре 2006 г. и при активной поддержке правящей коалиции и президента В. Ющенко.

Искусственный голодомор – идет речь о спланированном органами власти голоде; голоде, которого можно было избежать – такое определение дается в учебнике В. Власова для 5 класса. Советская власть обвиняется в замалчивании факта существования голода,

отсутствии помощи населению и отклонении предложений помощи из-за рубежа. «Голодомор 1932–33 гг. является самым жестоким фактом уничтожения украинского народа на протяжении его тысячелетней истории»¹⁶.

Предпосылкой голодомора называется начавшееся со второй половины 20-х годов насильственное создание коллективных хозяйств – колхозов. «У крестьян отбирали землю, коней, скот, орудия труда. Против тех, кто сопротивлялся, использовали силу. Их называли кулаками, целыми семьями ссылали в Сибирь, где, нередко среди лютой зимы, выкидывали наполовину раздетыми в пустынных местах на поселение»¹⁷. Голодомор предстает как намеренно организованная большевиками для дезорганизации крестьянского сопротивления акция. Это – «одно из самых страшных преступлений сталинизма»¹⁸. Стоит отметить, что подобные оценки есть уже в издании учебника В. Мысана в 1996 г.

Как пример жестокости советской власти, или Москвы, приводятся высказывания и политических лидеров. В январе 1933 г., когда от голода ежедневно погибали десятки тысяч крестьян, Сталин на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП (б) заявил, что «материальное положение работников и крестьян улучшается из года в год и что в этом могут сомневаться только заклятые враги советской власти»¹⁹. Подобные формулировки вызывают резкое отторжение и недоумение перед столь вопиющим злодейством, несмотря на то что откровенно вырваны из контекста и никак не относятся только к Украине.

«Трагедия 1932–1933 гг. вконец сломила сопротивление крестьян колхозно-феодальной системе, существенно *подорвала силы в отстаивании исконных национальных интересов*». Последняя фраза превращает голод в целенаправленно организованный голодомор с национальной подоплекой, геноцид. Голодомор становится символом боязни советской власти выпустить Украину из своих сетей.

Приводится документ, нелицеприятно характеризующий советскую власть. Очевидец событий, эмигрант О. Высоченко, писал про жизнь партийно-советской верхушки в украинской провинции 1933 г. – «Столовую... охраняли милиционеры, чтобы к помещению не подходили голодные крестьяне или их дети и своим страшным видом не портили аппетит идейным строителям социализма. А вокруг этих партийных оазисов свирепствовали голод и смерть»²⁰. Здесь мы опять-таки видим очень живой и яркий образ, который направлен на формирование резко негативной оценки по отношению к «идейным строителям социализма», к которым в учебнике приравниваются чиновники из Москвы и украинские перебежчики.

Наибольшая путаница существует вокруг количества жертв голодомора на Украине в те годы. В 1990-е годы в украинских учебниках назывались цифры 3–4 млн. (те самые, которые сейчас озвучивают российские историки).

Голод 1932–1933 гг., по оценкам некоторых украинских историков, унес жизни от 7 до 10 млн. человек. По оценкам российских ученых, он охватил не только Украину, но и другие основные зерновые районы СССР – Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал. По различным данным, от голода погибли 7–8 млн. человек, из них 3,5 млн. на Украине.

В. Ющенко, предлагая принять закон о голодоморе, предполагал, что там будут статьи, предусматривающие уголовное преследование людей, не просто отрицающих факт голодомора, но отрицающих голодомор как геноцид, оспаривающих эту характеристику голодомора. И численность жертв в 2006 г. при принятии закона В. Ющенко обозначал как 10 млн. А за памятником жертвам голодомора у Михайловского собора в Киеве уже многие годы стоит стенд, где специально подчеркнуты слова о том, что на место заморенных голодом украинцев Советы завезли русских.

В целом данный вопрос является знаковым для понимания направлений современной украинской политики как в отношении собственной истории и определения своего места в международных отношениях, так и в отношениях с Россией. Весьма показательно то, что для политической аргументации используются неподтвержденные исторические факты.

Итак, мы можем видеть, как через учебник истории передается минимальный набор политических сведений, позволяющих школьнику идентифицировать себя со своим государством, понимать его роль и миссию и воспроизводить их, формируя образ героя и действий, которые могут считаться геройскими. Помимо этого, в учебнике заложен образ врага, который позволяет еще и отличать своих от чужих. Образ врага – образ России. Другой вопрос, насколько характеристики, данные учебником, данные историей, или, точнее, исторической политикой, соответствуют действительности. Однако понимание того, что представляет собой украинская история как конструкт, в котором заложено вполне определенное отношение к окружающей действительности, позволяет совершенно по-иному взглянуть на процесс политической социализации и процесс формирования политического сознания молодежи.

Построение украинской идентичности в настоящий момент основывается на том, что «Украина – не Россия». И если отрицать общие исторические корни невозможно, то отстройка идет за счет

формирования у молодежи, ввиду ее восприимчивого возраста и самой формы подачи материала, ориентированной на максимальный эмоциональный отклик, негативного образа государства-захватчика, не уважающего украинских национальных ценностей. Подобные оценки подтверждаются и политической риторикой, в которой определенные исторические темы становятся оружием для достижения амбициозных целей действующих властей. Включение этих тем в учебники позволяет заинтересованным политическим агентам получать позитивные отклики на применение исторической политики в политике реальной.

Примечания

- 1 Дюков А. Примирения между правдой и ложью, между фальшивками и архивными документами быть не может // <http://www.inosmi.ru/translation/241032.html>
- 2 Миллер А. История, историческая политика и политизация истории в Польше, Украине и России // <http://www.rondon.org/society-081219132551>
- 3 См.: Молчанова О.А. Политическая социализация в школе // Вестник МГУ. Сер. 12. Политика. М., 2005. № 3.
- 4 См.: Niemi R.G., Hepburn M.A. The Rebirth of Political Socialization // Perspectives on Political Science. 1995. Vol. 24. P. 7–16.
- 5 См.: Молчанова О.А. Указ. соч.
- 6 См.: Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. С. 149.
- 7 См.: Чудинова И.М. Политические мифы // Социально-политический журнал. 1996. № 6.
- 8 См.: Власов В.С., Данилевська О.М. Вступ до історії України: Підручник для 5-го кл. загальноосв. навч. закладів. Киев: Генеза, 2004. С. 119.
- 9 См.: Мисан В.О. Оповідання з історії України: Підручник для 5-го кл. серед. шк. Киев: Генеза, 2003. С. 133.
- 10 Там же. С. 135.
- 11 Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 141.
- 12 См.: Швидько Г.К. Історія України. Киев: Генеза, 1997. С. 238.
- 13 Мисан В.О. Указ. соч. Киев. Генеза, 1997. С. 178.
- 14 Там же. С. 180.
- 15 Турченко Ф.Г. Новітня Історія України. К.: Генеза, 2002. С. 54
- 16 Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 19.
- 17 Там же. С. 198.
- 18 Турченко Ф.Г. Указ. соч. С. 279.
- 19 Там же. С. 282.
- 20 Цит. по: Турченко Ф.Г. Указ. соч. С. 292.

А.В. Левадная

СМИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПОСРЕДНИК ИЛИ САМОВОСПРОИЗВОДЯЩАЯСЯ СИСТЕМА?

Современная политика представляет собой борьбу за перераспределение ресурсов, главным среди которых являются средства массовой информации. В настоящее время главенствующую роль в жизни общества играют информация и коммуникация, в связи с чем политология уделяет все больше внимания коммуникативным процессам в политическом пространстве. По сути, современная политическая коммуникация представляет собой опосредованное квазивзаимодействие, которое является формой социального взаимодействия, создающей особую ситуацию общения людей в процессе обмена символическими формами.

Ключевые слова: политическая коммуникация, квазивзаимодействие, средства массовой информации, политическое пространство, формирование политических предпочтений.

Современная политика представляет собой борьбу за перераспределение ресурсов, главными среди которых являются средства массовой информации. В связи с этим политология уделяет все больше внимания коммуникативным процессам в политическом пространстве. Поэтому основная исследовательская проблема статьи – роль средств массовой информации как посредника в политических коммуникациях: как изменилось взаимодействие политики и общественности при появлении СМИ? как влияет развитие средств массовой информации и коммуникации на взаимодействие политиков и общественности?

Трансформация средств технологии и коммуникации происходит в рамках становления информационного общества как нового этапа в развитии социальной действительности. Впервые идея информационного общества была сформулирована в конце 60 –

начале 70-х годов XX столетия. Изобретение же термина «информационное общество» приписывается профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши¹. Японский вариант концепции информационного общества разрабатывался прежде всего для решения задач экономического развития страны. Это обстоятельство обусловило его в известном смысле ограниченный и прикладной характер. Однако в 70-е годы происходит конвергенция двух почти одновременно нарождающихся идеологий – информационного общества и постиндустриализма. Последняя в отличие от первой имела достаточно солидную теоретическую основу. Идея постиндустриального общества была выдвинута в 60-е годы американским социологом Д. Беллом, который представил в развернутом виде концепцию постиндустриализма в своей книге «Наступление постиндустриального общества. Опыт социального прогноза»². Понятие индустриального общества, подчеркивает он, охватывает прошлое и настоящее различных стран, которые могут принадлежать к противоположным политическим системам.

Факторы трансформации неких средств и технологий – бурное технологическое развитие носителей информации, процессы глобализации, которые связаны с умножением и ускорением коммуникации, ростом объема информации. Э. Тоффлер назвал возникновение информационного общества новой технологической революцией, самой быстрой, охватившей весь мир (по сравнению с изобретением колеса). М. Кастельс говорит о том, что информационное общество – новая технологическая парадигма, в основе которой – ИТ, их ядро – обработка информации, компьютеры, возникновение Интернета.

По мере технологического развития средств передачи информации претерпевает определенные изменения и система политической коммуникации, а следовательно – политическая система как таковая. Это связано со спецификой современного общества, в котором передаваемая посредством СМИ информация приобретает особую роль. Сегодня многие исследователи рассматривают информацию как «важнейший источник власти»³. «По сути, политическая система может рассматриваться как погруженная в информационное пространство»⁴. Отталкиваясь от сходных предпосылок, И. Засурский отмечает: «Средства массовой информации становятся основной средой политической коммуникации. Происходит полное переплетение сферы политического и СМИ, что позволяет говорить о медиатизации политики и формировании медиapolитической системы»⁵.

Возникновение термина «политическая коммуникация» непосредственно связано с эволюцией западного общества в XX в.

Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное направление на стыке социальных и политических наук, получившее название политической коммуникативистики, было вызвано демократизацией политических процессов в мире во второй половине XX в., развитием кибернетической теории, возникновением новых коммуникационных систем и технологий.

Политическая коммуникация имеет специфические закономерности функционирования и развития, способна к опережающему воздействию на государственную политику, выступает непосредственной причиной, определяющей выбор того или иного варианта политического развития, поведения различных групп и отдельных граждан, перевода государственной системы в новое состояние. Таким образом, политическую коммуникацию можно охарактеризовать как информационно-пропагандистскую деятельность социальных субъектов в отношении производства и распространения социально-политической информации, направленной на формирование, стабилизацию или изменение образа мыслей и действий других социальных субъектов.

Средства массовой информации – не только субъект политической жизни, но одновременно и объект ее, поскольку сами являются частью современной действительности со всеми ее противоречиями, конфликтами, неурядицами и в той или иной форме воспроизводят их, испытывая на себе их сильнейшее воздействие. Поэтому потоки информации состоят из множества противоречивых, зачастую несовместимых друг с другом сообщений и материалов. Как относиться к ним? Ведь ясно, что одному человеку или отдельной группе людей невозможно ни голосовать за все партии или за всех кандидатов, ни покупать все рекламируемые товары, ни согласиться со всеми предлагаемыми мнениями. Зачастую эти сообщения и материалы нейтрализуют друг друга.

Формирование политических предпочтений населения под воздействием СМИ в значительной степени зависит от уровня доверия к источнику информации. Согласие с оценками, содержащимися в конкретных сообщениях, с позицией источника в целом рождает чувство психологической близости, идентификации с содержанием и источником информации. Доказано, что люди, доверяющие данному источнику информации, склонны не замечать тех элементов содержания, которые вызывают у них непонимание или несогласие. В России уровень доверия к СМИ сравнительно невысок. Так, например, по данным на март 2007 г. им доверяли 32% населения⁶. В современной России также одной из нерешенных проблем власти является отсутствие продуманной коммуникационной стратегии. Властные институты недооценивают использование

каналов коммуникации и коммуникационных технологий в процессе повышения доверия к власти среди населения: например власти информируют население о решении того или иного вопроса, но о промежуточных этапах или о конечных результатах работы общественность и население не знают.

Согласно Дж. Томпсону, существует три типа коммуникации – непосредственное взаимодействие (межличностная коммуникация «лицом к лицу»), опосредованное взаимодействие и опосредованное квазивзаимодействие⁷.

Непосредственное взаимодействие имеет место в случае прямого контакта участников коммуникационного процесса, находящихся в одной пространственно-временной системе. Такая коммуникация построена на двустороннем информационном обмене, т. е. в формате диалога. Кроме того, для передачи или интерпретации смыслового содержания в процессе межличностного общения наряду со словами обычно используются и другие символичные формы – интонация, жесты, выражения лица и т. д. Данному типу коммуникации может быть противопоставлено опосредованное взаимодействие, предполагающее обязательное использование вспомогательных средств, которые позволяют обмениваться сообщениями людям, «отдаленным» друг от друга в пространственно-временном отношении. По сравнению с межличностным общением опосредованное взаимодействие оказывается способным «преодолеть» пространственно-временную локализацию и тем самым приобретает ряд принципиально иных характеристик. Так, например, участники подобного коммуникационного акта не могут быть уверены в адекватном восприятии некоторых смысловых выражений (например, «здесь», «сейчас» и т. п.) и по этой причине вынуждены использовать в ходе символического обмена определенное количество дополнительной, конкретизирующей тот или иной контекст информации. Кроме того, опосредованное взаимодействие предполагает (по сравнению с непосредственным) и определенное изменение набора символических форм, доступных участникам коммуникационного акта. Так, например, обмен письмами исключает возможность использования мимики и жестов, но в то же время допускает использование других, сугубо специфических символических форм, присущих письму, – шрифтовых выделений, подчеркивания и др.

В контексте политических коммуникаций традиционные СМИ начинают играть роль массового посредника между властью и народом и несут функцию информирования (в том числе передачи административных распоряжений), связи между социальными группами, идеологизации, обучения, развлечения и обратной связи между управляющей и управляемой подсистемами общества.

Таким образом, отношения между политиками и гражданами в современном мире все в большей степени превращаются в опосредованное квазивзаимодействие.

Понятием опосредованного квазивзаимодействия можно обозначить особые виды социальных отношений, которые устанавливаются в результате использования средств массовой коммуникации – печати, радио, телевидения и т. д.⁸ Хотя такая форма коммуникационного акта также предполагает расширение доступности информационно-смыслового содержания в пространственно-временном континууме, но она существенно отличается двумя важными особенностями: во-первых, при опосредованном квазивзаимодействии символичные формы воспроизводятся для неопределенного круга потенциальных получателей; во-вторых, опосредованное квазивзаимодействие, по существу, является монологом – в плане односторонности информационного потока. Таким образом, опосредованное квазивзаимодействие является формой социального взаимодействия, создающей особую ситуацию общения людей в процессе обмена символическими формами.

Благодаря возникновению новых форм опосредованного публичного доступа к информации, принципиально отличных от механизма информационного обмена в рамках межличностных контактов, коммуникация приобрела совершенно иное качество. Так, доступность сведений о каком-либо действии или событии перестала зависеть не только от количества людей, непосредственно наблюдавших за ним в момент его свершения, но и от фактического местонахождения «источника» и «потребителя» информации в пространственно-временном континууме. Однако современные массмедиа едва ли можно назвать идеальными посредниками в коммуникации: они сильно автоматизировались и от власти, и от аудиторией. Встречаются утверждения, что медийная трансляция, строго говоря, не передает, а производит, что в «в сфере масс-медиа возникает аутопойетическая, самовоспроизводящаяся система, более не зависящая от передачи в процессе интеракции между присутствующими» и «возникает оперативная замкнутость, вследствие которой система воспроизводит собственные операции из себя самой⁹. Собственно, новшество такого подхода заключается в том, что в его рамках перцептивные свойства приписываются машине информационного производства. Однако такой подход упускает антропокультурную многослойность медийности. Как бы институционально и технологически ни обособливалась коммуникация, она все равно оказывается в контексте с более «простыми», исторически ранними более способами передачи, остающимися как исторические медийные системы за рамками массмедийной практики.

Таким образом, усложнение структур и повышение динамизма в развитии современного общества актуализируют вопросы коммуникаций внутри общества. Преобразования в социально-политической сфере, происходящие под воздействием новых коммуникационных технологий, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению «видимости», открытости осуществления власти, с другой – создают потенциальную возможность концентрации управления информационными потоками в руках достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях. В последнем случае «видимость» власти может трансформироваться в «видимость демократии», представляющую собой «господство хорошо организованного, опирающегося на экономическую, а также информационную власть и социальные привилегии меньшинства над большинством, осуществляемое при формальном согласии большинства граждан»¹⁰.

Примечания

- 1 См.: Информационное общество. М., 1999. Вып. 1.
- 2 См.: *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N. Y.: Basic Books, Inc., 1973.
- 3 См.: *Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю.* Информационно-коммуникативные технологии в политике // Вестник Российского университета дружбы народов: Сер. Политология. 1999. № 1. С. 40.
- 4 Там же. С. 44
- 5 См.: *Засурский И.И.* Массмедиа второй республики. М.: Изд-во Московского университета, 1999. С. 87
- 6 См. Информационный Центр Правительства Москвы -http://www.mosinform.ru/full_new.shtml?myid=17979&id=18
- 7 См.: *Thompson J.B.* Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. P. 350.
- 8 См.: *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития, М.: Прометей, 2004. С. 225.
- 9 См.: *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005. С. 30.
- 10 См.: *Бауман З.* Глобализация: Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Л. Коробочкиной. М.: Весь мир, 2004. С. 88.

И.А. Царегородцева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ КОПТСКОЙ ОБЩИНЫ И ВЛАСТЕЙ ЕГИПТА

Начавшийся в 1970-х годах процесс «возрождения ислама» в Египте, в течение которого государство оказывало самую широкую поддержку исламскому фактору, привел к резкому ухудшению взаимоотношений между мусульманами и христианами этой страны. В то время как интересы мусульман поддерживались на государственном уровне, другим этнорелигиозным меньшинствам очевидно недоставало представительства во власти. Это положило начало политизации самой многочисленной этнорелигиозной общины Египта – коптов, которые по разным оценкам составляют от 5 до 20% всего населения. Главным центром силы для коптов и выразителем их интересов является Коптская православная церковь, в особенности ее нынешний глава – Папа Шенуда III. Вместе с тем, церковь не может и не хочет исполнять роль настоящего политического игрока, поэтому в последнее время в Египте и за его пределами стали появляться светские коптские организации, которые, в отличие от папы Шенуды III, зачастую отстаивают интересы коптов в более жесткой форме. Возникновение и оформление «альтернативного» коптского фронта должно стать серьезным предупреждением для египетских властей. Это говорит о том, что, вопреки принципиальной отрешенности КПЦ от государственных дел, уровень политизации коптской общины за последние годы заметно вырос. Если эти процессы будут усиливаться, уже в скором времени Египет может оказаться в ситуации, когда этноконфессиональное меньшинство будет выдвигать политические требования. Это заметно осложнит положение властей, которые действуют в условиях, когда ислам признан государственной религией Египта, а шариат – основным источником законодательства.

Ключевые слова: Египет, копты, политика, религия, этнорелигиозные меньшинства.

Копты, основное этноконфессиональное меньшинство в Египте, составляют по разным оценкам от 10 до 20% всего населения страны. В отличие от многих других религиозных меньшинств арабского Востока, копты долгое время редко проявляли свою политическую активность, однако в последние десятилетия ситуация стала меняться. Изменился и характер отношений коптской общины и власти Египта – они стали гораздо менее стабильными, чем в предыдущие годы. Период демократизации, который переживает сейчас эта страна, должен определить, какими должны быть эти отношения в ближайшие годы. От этого во многом зависит и будущее самого Египта.

Причины и этапы политической активности коптов. Отношения коптской общины и египетских властей на современном этапе невозможно осмыслить вне исторической перспективы. Особая роль в понимании этого явления отведена процессу политизации коптов, который положил начало их активному приобщению к государственным процессам.

Начало политизации коптов некоторые отечественные и зарубежные ученые относят к рубежу XIX–XX столетий, когда коптская община включилась в общеегипетское национально-освободительное движение и борьбу за независимость Египта от колониальной власти Великобритании¹. До этого политическая и гражданская активность коптов почти никак не проявлялась. Их занятость преимущественно в сферах торговли, финансов и на административной работе предопределила отсутствие их интереса к «непрофильной» сфере – политике.

Отсутствие четких конфессиональных линий разделения между коптами и мусульманами в повседневной жизни предопределило то, что становление политической и гражданской активности коптов и мусульман Египта происходило примерно в одно и то же время. Поэтому в конце XIX в. копты наряду с мусульманами достаточно быстро включились в национально-освободительное движение в Египте, поднятое полковником Ораби-пашой. Однако по причине того, что у коптов того времени еще не сложились какие-то особые общинные интересы, сразу после обретения Египтом независимости в 1922 г. их политическая активность была заметно снижена.

Тридцатилетие развития Египта после обретения независимости (1922–1952 гг.) был относительно благоприятным периодом для коптской общины. Принятая в 1923 г. первая конституция независимой страны уделяла большое внимание статусу и правам меньшинств. Копты пытались участвовать в обсуждении ряда конституционных положений, касающихся их прав², но выступали

исключительно от имени общеегипетских организаций, в которых были представлены как христиане, так и мусульмане³.

Благодаря активному развитию сети образовательных учреждений при коптских церквях в 1940-х годах было положено начало процессу, получившему название «Коптское обновление». Это было движение, которое включило в себя весь спектр религиозной, культурной и общественно-экономической деятельности, направленной на поддержку и укрепление общинного духа коптов. Этим процессам оказывали поддержку и египетские власти⁴.

Революция 1952 г. во главе с организацией «Свободные офицеры» и распространение в Египте панарабистских идей были восприняты коптами неоднозначно. Представители среднего класса и бедноты приветствовали объявленные главой революционеров Гамалем Абдель Нассером (1954–1970) национализацию и аграрную реформу, однако люди, принадлежавшие к элите, в том числе и копты, потеряли в результате этих процессов около 75% своей собственности, что вызвало с их стороны большое недовольство политикой новых властей⁵. Республиканские власти, кроме того, несмотря на объявленные принципы панарабизма и построения единой египетской нации, так и не наделили коптское меньшинство обещанными правами, а некоторые, напротив, даже урезали⁶.

Политика «открытых дверей» при президенте Анваре Садате (1971–1981) ускорила и усугубила социальное расслоение общества, привела к первым серьезным столкновениям мусульман и коптов. Копты, как и представители других религиозных меньшинств на мусульманском Востоке, составляли большую часть ростовщиков в Египте, были активно задействованы в финансовой сфере. В условиях кризиса гнев и недовольство нищавших слоев населения, большую часть которого представляли мусульмане, нередко были направлены против тех, кто имел доступ к финансам, в том числе и против коптов.

Поддержка Садатом исламистских сил и движений в борьбе против левых сил и нассеристов вывела на авансцену политической жизни Египта организации исламистского толка, многие из которых придерживались радикальных взглядов («Аль-Джихад», «Ат-Такфир ва-ль-Хиджра»). Нередко копты наряду с представителями других религиозных меньшинств становились объектом критики активистов этих организаций, выступали в роли виноватых в том, что происходило обнищание населения.

Египетские власти поначалу не оказывали сильного противодействия этому поиску «козла отпущения» вне мусульманской уммы. Поиск внутреннего врага позволял «выпустить пар» части мусульманского населения и отвлекал его от критики государ-

ственной политики. Основной формой атаки мусульманских экстремистов на представителей конфессиональных меньшинств были поджоги имущества и мест отправления культа, избиения, драки, иногда убийства.

Появление новых организаций исламистского толка, частичная «реабилитация» властями старых движений (наиболее популярным и многочисленным среди которых была Ассоциация «Братья-мусульмане») и начавшаяся впервые при Садате поляризация египетского общества по конфессиональному признаку подталкивали коптов к более тесной кооперации внутри своей общины. Столкновения же с мусульманами и поддержка исламского фактора в политике на государственном уровне диктовали необходимость более активной защиты коптами своих гражданских и политических общинных прав.

Единственным центром, способным сплотить вокруг себя коптов, была Коптская православная церковь (КПЦ).

Церковь и государство. КПЦ отведена значительная роль в жизни коптской общины. Она представляет около 90% христианского населения страны⁷, является для него самым главным связующим институтом. Авторитет КПЦ также простирается и за пределами православной коптской общины. Так, функционирующие в среде коптов светские организации, несмотря на позиционируемое ими «инакомыслие», тем не менее стремятся получить благословение и одобрение своей деятельности со стороны главы церкви. Фигура нынешнего патриарха КПЦ Папы Шенуды III также пользуется большим уважением среди представителей мусульманского духовенства и властей Египта.

Начиная с 1970-х годов роль КПЦ в жизни коптской общины и государства усиливалась. Начало этому процессу было положено в период правления А. Садата. В условиях роста напряженности в отношениях между коптами и мусульманами КПЦ выступила не только как представитель интересов коптского меньшинства, но и как медиатор в межконфессиональных противоречиях. Позиция церкви, направленная на поддержку межобщинного духа в Египте, не могла встретить активного сопротивления со стороны властей, поэтому усиление роли КПЦ в этот период шло естественным образом.

Этому процессу способствовало также еще как минимум одно важное обстоятельство. На волне садатовской политики «открытых дверей» вместе с приходом в Египет западных компаний и предприятий в стране стали активно распространяться модернистские настроения, происходило активное приобщение египетской элиты к нормам жизни западного общества потребления.

Подобные перемены в образе жизни обернулись общей деморализацией и секуляризацией египетской интеллигенции, государственных управленцев, а также молодежи. Религиозные институты и организации Египта постепенно стали терять влияние над этой растущей массой «модернистов». Не поддающееся контролю идейное брожение в египетском обществе представляло опасность и для властей.

Усилия КПЦ по предотвращению деморализации и секуляризации общества были поддержаны властями. Это способствовало укреплению авторитета церкви и привело к ее более глубокой вовлеченности в гражданские и государственные процессы.

Несмотря на усиление своей роли в жизни коптской общины за последние годы, КПЦ по-прежнему остается центром преимущественно конфессионального и социального, а не политического, представительства интересов египетских христиан. Это связано прежде всего с принципиальным нежеланием папы Шенуды III и его окружения вмешиваться в политическую борьбу в стране, а также потерять ресурс доверия со стороны властей. Кроме того, вмешательство КПЦ в политическую жизнь страны может «поссорить» церковь с исламскими институтами и авторитетами. Допустить это в условиях необходимости активного поиска решения непрекращающихся коптско-мусульманских конфликтов было бы неправильным.

Инициированные Х. Мубараком (1981 – по настоящее время) в 2005–2007 гг. конституционные реформы стали важным этапом не только в политической жизни Египта, но и в отношениях КПЦ и властей⁸. Первые за последние тридцать с лишним лет серьезные изменения конституции породили в среде коптского православного духовенства разговоры о необходимости внесения поправок к статье 2 основного документа страны, согласно которой шариат является основным источником законодательства⁹. Однако глава КПЦ заявил, что не будет участвовать в спорах по поводу дальнейшего изменения конституции¹⁰. Он также официально поддержал кандидатуру Х. Мубарака накануне первых в истории республиканского Египта альтернативных президентских выборов¹¹, тем самым вновь подтвердив, что церковь по-прежнему не намерена вмешиваться в политику.

Позицию главы КПЦ разделило не все коптское православное духовенство. Одним из наиболее ярких сторонников внесения поправок в статью 2 конституции Египта стал официальный пресс-секретарь церкви отец Маркос. В начале 2007 г. он потребовал от властей изменить роль шариата в египетском законодательстве, превратив его из «основного источника» в «один из источников»

регулирования правовых норм. Его инициатива была поддержана некоторыми представителями коптской интеллигенции и правозащитниками¹².

Во избежание раскола церкви и общины прихожан по политическим мотивам, а также ради сохранения относительно ровных отношений церкви и власти папа Шенуда III отстранил отца Маркоса от занимаемой им должности.

Таким образом КПЦ удастся сохранить относительный паритет в своих отношениях с властями, а позиция принципиального невмешательства в большую политику, которой придерживается глава церкви и которую, соответственно, разделяет большая часть православных коптов, пока нейтрализует возникшее напряжение. Вместе с тем стоит понимать, что огромную роль в этом играет фигура нынешнего главы КПЦ. С его уходом, если египетские власти не пойдут на определенные уступки требованиям коптской общины, отношения церкви и государства могут обостриться.

Зарождение секулярных коптских движений. В коптской общине существуют иные институты выражения их интересов, которые придерживаются сходных с отцом Маркосом позиций. Как правило, они имеют светский характер и притягивают к себе наиболее политизированных представителей христианского меньшинства, не согласных с политикой невмешательства КПЦ в государственные дела. Между тем секулярные коптские движения никогда не были в прямой оппозиции Шенуде III, а, критикуя тактику невмешательства церкви в межобщинный конфликт и государственные дела, они никогда не ставили под сомнение авторитет папы среди коптов.

Одним из самых активных светских движений коптов в Египте является Секулярный коптский фронт (СКФ) во главе с его генеральным секретарем Камалем Захером. Главное в политике СКФ – несогласие с тактикой невмешательства КПЦ в государственные дела, а также общественная и гражданская активность ее участников в отношении защиты основных прав и свобод человека. Вместе с тем, несмотря на слово «секулярный» в названии этого движения, его активисты не являются сторонниками отделения церкви от государства. Кроме того, среди «симпатизирующих» СКФ есть не только египтяне-копты, но и египтяне, исповедующие ислам.

Упоминания о СКФ стали появляться в египетской прессе относительно недавно – примерно тогда же, когда власти объявили о начале конституционной реформы (2005–2006 гг.). В отличие от папы Шенуды III позиция Камала Захера в отношении коптско-мусульманских противоречий более жесткая. По словам лидера СКФ, мусульмане являются подстрекателями конфликтов, а мера

их наказания не соответствует уровню их вины¹³. Резкое же усиление радикальных настроений среди мусульман должно поставить вопрос о необходимости пересмотреть статью 2 конституции Египта, потому что мусульмане используют ее в качестве оправдания актов дискриминации коптского меньшинства, считает Захер. Кроме того, по его мнению, принятие поправок к этой статье основного документа страны ускорит модернизацию политической системы¹⁴.

Деятельность СКФ не ограничивается защитой прав коптского меньшинства. В 2008–2009 гг. стали происходить определенные изменения в тактике этого движения. Если раньше активисты СКФ призывали к реформам внутри Коптской православной церкви¹⁵, то в 2008 г. на ежегодной конференции, устроенной под эгидой СКФ, основной темой было развитие гражданских прав в египетском обществе, а также связь между гражданством и религией. Примечательно, что среди участников конференции были не только копты, но и мусульмане¹⁶. Таким образом, сфера деятельности СКФ за последнее время расширилась, и теперь, помимо инициатив, связанных с интересами коптской общины, его активисты выдвигают также и общегражданские требования.

Несмотря на то что СКФ пока не претендует на роль альтернативного КПЦ коптского института, сам факт и время его возникновения говорят о том, что в среде коптов назрела необходимость перехода к активному отстаиванию интересов, а следовательно, к новому этапу взаимоотношений коптской общины и властей. Этот новый этап должен отличаться от предыдущего более тесным взаимодействием по всем текущим вопросам, затрагивающим интересы религиозных меньшинств Египта.

Копты-эмигранты и их давление на власть в Египте. Помимо КПЦ и СКФ, координационные центры которых находятся в Египте, существуют также и зарубежные общественные движения коптских эмигрантов. Наиболее известные центры таких движений находятся в США (U.S. Copts Assosiation, The Free Copts) и в Великобритании (UK Copts, United Copts of Great Britain). Существует также Европейский союз коптских организаций по защите прав человека (European Union of Coptic Organizations for Human Rights – EUCOHR), в который входят коптские объединения из европейских государств¹⁷. Основные задачи этих зарубежных коптских организаций – привлечь внимание мирового сообщества к проблемам коптов и подтолкнуть реформы в Египте с помощью внешнего давления на местную власть.

По мнению коптов-эмигрантов, проводимые президентом Мубараком конституционные реформы носят ограниченный характер

и не способствуют улучшению ситуации с защитой прав и свобод коптского меньшинства в Египте¹⁸. Вместе с тем зарубежные коптские активисты не только выступают за совершенствование условий жизни коптского меньшинства, но и пропагандируют общие либеральные ценности для всех граждан Египта вне зависимости от их национальности и вероисповедания¹⁹.

Опасаясь быть не услышанными в Египте по причине наличия там политической цензуры, они пытаются оказать давление на Каир через международные институты. Распространена также практика написания писем и петиций о нарушениях прав коптов в Египте в адрес западных руководителей. Так, в 2007 г. Американский коптский союз (American Coptic Union) призвал американское правительство наложить экономические санкции на египетские власти и осудил «симпатизирующего арабам-мусульманам» папу Шенуду III²⁰. Однако никаких санкций за этим не последовало, а реакция Белого дома на проводимые в Египте реформы, в том числе на мартовский референдум о внесении 34 поправок к конституции, была достаточно мягкой²¹.

Призывы зарубежных коптов к третьим силам вмешаться во внутреннюю ситуацию в Египте и их резкая оппозиция главе КПЦ не находят широкого понимания среди египетских коптов. Копты Египта считают, что дополнительные реформы необходимы, но это должно быть внутренним делом их страны.

К началу XXI в. в коптской общине Египте сложилось два основных центра, по-разному оценивших начавшиеся в 2005 г. конституционные реформы. Коптская православная церковь во главе с папой Шенудой III официально поддержала этот процесс. Члены же секулярных объединений посчитали, что эти реформы никак не коснулись прав и интересов этноконфессиональных меньшинств Египта и потребовали новых поправок к конституции страны.

Возникновение и оформление «альтернативного» коптского фронта на волне внутренних преобразований должно стать серьезным предупреждением для египетских властей. Это говорит о том, что, вопреки принципиальной отрешенности КПЦ от государственных дел, уровень политизации коптской общины за последние годы заметно вырос. Если эти процессы будут усиливаться, уже в скором времени Египет может оказаться в ситуации, когда этноконфессиональное меньшинство будет выдвигать политические требования. Это заметно осложнит положение властей, которые действуют в условиях, когда ислам признан государственной религией Египта, а шариат – основным источником законодательства.

- 1 См.: *Кокарев В.Г.* Биконфессионализм в Египте: политический аспект взаимоотношений коптской и мусульманской общин (1900–1990 годы). // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. 1991. № 4. С. 21–28.; *Behrens-Abouseif D.* The Political Situation of the Copts: 1798–1923 // Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. Ed. by Braude V. N.Y., London. 1982. P. 185–205.
- 2 Например, положения о том, каково должно быть представительство этноконфессиональных меньшинств в парламенте.
- 3 *Mohammad Solihin S.* Copts and Muslims in Egypt: A Study on Harmony and Hostility. Islamic Foundation (UK). 1991. P. 63–64.
- 4 *El Khawaga D.* The Political Dynamics of the Copts: Giving the Community an Active Role // Christian Communities in the Arab Middle East: The Challenge of the Future. Oxford, 1998. P. 172–190.
- 5 Minority Rights Group International: Egypt: Copts [Электронный ресурс на англ.яз.] // Minority Rights Group International: Homepage. – <http://www.minorityrights.org>. – режим доступа: <http://www.minorityrights.org/3933/egypt/copts.html>, свободный. – Данные соответствуют: Июнь 2008.
- 6 В эпоху Нассера были изданы два самых известных декрета, направленных против коптских интересов: один предписывал обязательное изучение истории религии в школах, а другой – запрещал немусульманам становиться студентами университета Аль-Азхар.
- 7 Около 90% проживающих в Египте коптов – православные.
- 8 Целью реформы, по словам президента, должно было стать проведение широкомасштабного внутреннего реформирования, а также приведение законодательства страны «в соответствие с текущим этапом национальной истории» Египта. Одним из первых этапов конституционной реформы стали поправки к статье 76 основного документа, в соответствии с которыми следующие выборы президента Египта должны были пройти на альтернативной основе с участием нескольких кандидатов. Египетские власти также пообещали отменить действие закона о чрезвычайном положении, который, по мнению представителей оппозиции, ограничивал права и свободы граждан.
- 9 Требования некоторых коптских клерикалов сводились к замене выражения «основной документ» на выражение «один из», настаивая на признании за коптами равного с мусульманами права на совершение судопроизводства в соответствии со своими религиозно-правовыми нормами.
- 10 См.: Pope Shenouda: involvement in debate on constitutional amendments destabilizes homeland [Электронный ресурс на англ.яз.] // Modernizing the Constitution in Egypt. – <http://constitution.sis.gov.eg>. – режим доступа: <http://constitution.sis.gov.eg/en/new152.htm>, свободный.
- 11 Pope Shenouda, 71 archbishops support Mubarak's nomination [Электронный ресурс на англ.яз.] // ArabicNews.com. – <http://www.arabicnews.com>. – режим до-

- стуга: <http://www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/050730/2005073022.html>, свободный. – Данные соответствуют: 30 июля 2005.
- 12 См.: *Shahine G.* More than semantics [Электронный ресурс на англ.яз.] // Al-Ahram Weekly. <http://weekly.ahram.org.eg>. – режим доступа: <http://weekly.ahram.org.eg/2007/829/eg7.htm>, свободный. – Данные соответствуют: 25–21 января 2007, №829.
- 13 См.: *Shukry N.* Never a culprit caught [Электронный ресурс на англ.яз.] // U.S. Copts Association. – <http://www.copts.com>. – режим доступа: <http://www.copts.com/english1/index.php/2008/12/28/never-a-culprit-caught>, свободный. – Данные соответствуют: 28 декабря 2008.
- 14 См.: Civil Society and Democratization in the Arab World: The Khaldun Center for Development Studies. 2007 Feb. Vol. 3. № 146.
- 15 См.: *Samaan M.* Copts call for Church reform, greater role for secularists [Электронный ресурс на англ.яз.] // Daily News Egypt. – <http://w.thedailynews-egypt.com>. – режим доступа: <http://www.thedailynewsegypt.com/article.aspx?ArticleID=3961>, свободный. – Данные соответствуют: 15 ноября 2006.
- 16 См.: Secular Copts Aim for Citizenship, not Church Reform [Электронный ресурс на англ.яз.] // Coptreal: News Observation Network. – <http://coptreal.com>. – режим доступа: <http://coptreal.com/ShowSubject.aspx?SID=6316>, свободный. – Данные соответствуют: 26 июня 2008.
- 17 См.: Paris Declaration on November 8, 2008 [Электронный ресурс на англ.яз.] // Copts United: A Site for All Egyptians – <http://www.coptsunited.com>. – режим доступа: http://www.coptsunited.com/confres/confres.php?subaction=show-full&id=1226914784&archive=&start_from=&ucat=2&, свободный. – Данные соответствуют: 17 ноября 2008.
- 18 См. например: International Coptic Community Petitions. President Bush to Promote Democratic Reform, Coptic Rights in Egypt [Электронный ресурс на англ.яз.] // U.S. Copts Association. – <http://copts.com>. – режим доступа: <http://copts.com/english1/index.php/2005/03/18/international-coptic-community-petitions-president-bush-to-promote-democratic-reform-coptic-rights-in-egypt>, свободный. – Данные соответствуют: 18 марта 2005.
- 19 Так, в резолюции, принятой по итогам Второй международной коптской конференции в Вашингтоне 16–19 ноября 2005 г., говорится о «едином демократическом Египте, в котором все граждане, как мусульмане, так и копты, равны между собой и в котором любой другой компромисс по этому поводу быть не может». См.: Second International Coptic Conference. Washington, DC. November 16–19, 2005 [Электронный ресурс на англ.яз.] // Copts United. – <http://www.copts-united.com>. – режим доступа: http://www.copts-united.com/Copts_United_N/Resolutions/rw_en.htm, свободный.
- 20 См.: American Coptic Union Calls for U.S. Sanctions Against Egypt [Электронный ресурс на англ.яз.] // ChristianNewsWire. – <http://www.christiannewswire.com>. – режим доступа: <http://www.christiannewswire.com/news/367392535.html>, свободный.

Новые тенденции в отношениях между коптской общиной и властями Египта

- 21 См.: U.S. concerns over Egyptian reforms [Электронный ресурс на англ.яз.] // BBC News – Middle East. – <http://news.bbc.co.uk>. – режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle_east/6492657.stm, свободный. – Данные соответствуют: 25 м

А.А. Курбет

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России разговор об институтах публичной политики все чаще начинается с констатации их неэффективности. Отмечается неэффективность парламента, так как при явном доминировании одной партии парламентские дискуссии утрачивают свой смысл. Очевидна неэффективность института разделения властей, ибо исполнительная власть фактически диктует свою волю власти законодательной. Неэффективен и институт политических партий, которые так и не стали выразителями политических интересов и воли больших социальных групп. В данной статье автор пытается разобраться почему публичная политика в России до сих пор не получила развития.

Ключевые слова: публичная политика, публика, современная Россия, трансформация, политическая система, политический институт, политическая партия.

В современной России разговор об институтах публичной политики все чаще начинается с констатации их неэффективности. Отмечается неэффективность парламента, так как при явном доминировании одной партии парламентские дискуссии утрачивают свой смысл¹. Очевидна неэффективность института разделения властей, ибо исполнительная власть фактически диктует свою волю власти законодательной. Неэффективен и институт политических партий, которые так и не стали выразителями политических интересов и воли больших социальных групп. Нарастающей критике подвергается также институт выборов, поскольку постоянно меняющиеся правила их проведения все больше ограничивают круг политических субъектов, сужают права граждан, повышают «цену выхода» на политический рынок². Почему же,

© Курбет А.А., 2010

несмотря на заведомую неэффективность, институты публичной политики сохраняются, продолжают функционировать и по мере приближения очередных парламентских/президентских выборов даже увеличивают свое влияние?

Ответы на эти вопросы предлагает фундаментальное научное издание «Институциональная политология», подготовленное исследовательским коллективом ИСП РАН под руководством С. Патрушева³. Отталкиваясь от концепции институциональной эволюции Д. Норта, С. Патрушев отмечает: «Отсутствие институциональных изменений означает, что никто из агентов не заинтересован в изменении существующих “правил игры”». «В сохранении неэффективных институтов, – подчеркивает он, – может быть заинтересовано государство, если это способствует максимизации разницы между доходами и расходами казны; такие институты могут поддерживаться могущественными группами со специальными интересами; а эволюция общества... может попасть в зависимость от однажды избранной институциональной траектории (path dependence)»⁴.

На зависимость эволюции российского общества от некогда избранной «институциональной траектории», или «исторической колеи», обращают внимание многие исследователи. Наиболее последовательные сторонники подобной интерпретации российской истории исходят из того, что традиции авторитарного правления, опирающиеся на устойчивые архетипы «самодержавной политической культуры», в России настолько сильны, что их нельзя преодолеть никакими «демократизаторскими» усилиями. Так, по мнению члена корреспондента РАН Ю. Пивоварова, Россия, выйдя в начале 1990-х годов из пункта «А», спустя десятилетие в него же и вернулась. Более того, как считает Пивоваров, «то, что мы видим сегодня, есть не только и не просто “возвращение” к советским временам. Это возвращение вообще. Возвращение к тому, что было всегда, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм и т. п.»⁵.

Предложенная Ю. Пивоваровым трактовка специфики российских трансформаций принимается далеко не всеми. Однако то, что возникшие в ходе реформ или революционных институциональных изменений новые институты очень быстро заполняются у нас старым содержанием, едва ли кто-то возьмется оспаривать. Очевидно, что данную закономерность функционирования публичной политики в современной России невозможно понять вне институционального подхода. Вместе с тем этот подход не всегда может объяснить особенности российской публичной политики.

Как известно, один из постулатов институционального подхода заключается в том, что институты «структурируют политический процесс, определяя доступ к участию в нем и очерчивая рамки активности политических акторов»⁶. Действительно, в политических системах, где политические интересы структурированы, баланс политических сил достигнут, политические институты устойчивы и стабильно функционируют, воспроизводя хорошо усвоенные всеми правила, так и происходит. Но в российской практике 2000-х годов дело обстоит иначе. Возьмем, к примеру, институт выборов. Если в развитых демократиях все без исключения партии следуют единому для всех порядку проведения выборов, то у нас электоральное законодательство чуть ли не ежегодно меняется, причем доминирующая парламентская партия, используя имеющийся у нее «контрольный пакет» голосов в Государственной думе, создает себе явные преимущества перед конкурентами. Сходная ситуация сложилась и в других институциональных сферах. Иными словами, мы видим в России удивительное «перевертывание» зависимости между институтами и акторами: не институты «определяют рамки активности политических акторов», а акторы «подгоняют» институты под свои потребности.

Примечательно, что явные искажения содержания и смысла публичных институтов, призванных обеспечить доступ «публике», т. е. активным гражданам, к выработке политических решений, самой «публикой» воспринимаются довольно равнодушно. Во всяком случае, никаких массовых выступлений протеста по поводу извращения роли парламента, политических партий или других институтов публичной политики не наблюдается. Это свидетельствует о том, что российская «публика» данные институты не так уж и ценит, ориентируясь в реализации своих интересов на непубличные социальные связи.

Все вышесказанное позволяет заключить, что на нынешнем этапе развития публичной политики в России ключевое значение имеют не институты, а скорее акторы, или субъекты политики, которые способны использовать эти институты в своих интересах. Тем не менее субъектный подход к анализу публичной политики тоже нельзя абсолютизировать, ибо он «замыкает» внимание исследователя на единичных субъектах политики, оставляя «за кадром» условия, в которых тем приходится действовать. Кроме того, не следует забывать о такой важной составляющей отношений субъект–институт, как «субъективное институциональное строительство». Для повышения эффективности своей деятельности и минимизации издержек при реализации собственных политических интересов активные субъекты публичной политики стремятся

закрепить свои отношения с политическими партнерами посредством формальных соглашений, а при возможности – и специальных нормативных актов. Тем самым они, по сути дела, создают новые публичные институты, которые соответствуют их индивидуальным политическим интересам. Так, организациям крупного бизнеса, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с федеральной властью, уже не нужно каждый раз налаживать заново контакты с федеральными чиновниками и все время осваивать новые «правила игры». Это взаимодействие теперь институционализировано в форме системы или даже «режима» консультаций⁷. Аналогичным образом, крупнейшая парламентская партия фактически институционализировала свое доминирующее положение на политической сцене, подстроив под свои интересы институт выборов. И таких примеров можно привести немало. Независимо от того, находятся ли в фокусе анализа сами институты, подлежащие преобразованиям, или политические акторы, которые привыкли действовать в старых институтах и по старым правилам, главное заключается в том, что «традиционные» институты и использующие их политические акторы усиливают друг друга. «Традиционные», т. е. заинтересованные в авторитарных практиках, акторы вопреки всем институциональным реформам в своей повседневной деятельности воспроизводят «традиционные институты», а те, будучи глубоко укоренены в общественном сознании на уровне привычек или даже ценностей, в свою очередь, обеспечивают устойчивую защиту этих акторов. Иначе говоря, изменениям в нашей стране «сопротивляется» не конкретный актор и даже не отдельный социально-политический институт, но вся социальная среда, весь социально-культурный слой.

Размышляя о содержании публичной политики, о ее современных акторах и институтах, важно не потерять из виду цель существования публичной политики, ее основное «назначение». В этом вопросе, как представляется, позиции большинства исследователей совпадают. Как справедливо отмечает немецкий исследователь М. Риттер, понятие «публичная политика» появилось в контексте теории либеральной демократии, продвигавшей ценности гражданского участия в политическом процессе, в частности, через политические дебаты, создание добровольных ассоциаций и отстаивание своих интересов⁸. Это понятие было введено в оборот в первой половине XX в., когда возникла потребность в соединении политической теории и практики, дабы оценить реальные достижения правительств в обеспечении нужд граждан⁹. За прошедшее с тех пор время было сформулировано немало различных определений публичной политики, наиболее простым (и распространен-

ным) из которых является следующее: публичная политика – это политика, проводимая в интересах «публики»¹⁰. Гарантировать, что политика государства действительно отвечает интересам граждан, призваны институты гражданского участия, а также механизмы «обратной связи», обеспечивающие контроль «публики» над процессом принятия и реализации конкретных политических решений. Проанализировав работу таких институтов и механизмов в Великобритании, российская исследовательница Ю. Загоруйко предложила короткое и емкое определение современной публичной политики как формы «участия людей в принятии жизненно важных для общества решений». По ее мнению, «публичная политика – это не инструмент, с помощью которого истеблишмент манипулирует народом и общественным мнением, и не инструмент, которым пользуется оппозиция в борьбе за власть. Это прежде всего способ сосуществования народа и власти»¹¹. Как бы хотелось, чтобы данное определение «работало» и в России.

Можно ли преодолеть инерцию институциональной траектории и начать последовательное преобразование наших институтов публичной политики, несмотря на очевидное сопротивление социально-политической среды? И что необходимо для этого сделать?

Ответы на эти вопросы, на мой взгляд, можно найти в небольшой, но очень емкой книге «Институты: от заимствования к выращиванию», подготовленной группой исследователей из Высшей школы экономики¹². Хотя ее авторов интересуют главным образом экономические институты, многие их выводы и рекомендации применимы и к сфере публичной политики, тем более что эффективные институциональные изменения в экономике невозможны без аналогичных изменений в политике.

Первый из выводов авторского коллектива, на котором стоит остановиться, – это необходимость перехода от «заимствования» институтов к их «культивированию» или «выращиванию», опираясь на наиболее перспективные инновационные социальные практики, которые уже сложились в российской социальной среде. Институциональные изменения должны начинаться с выявления этих практик, их систематизации и закрепления путем принятия соответствующих нормативных актов (возможно, на первом этапе – в порядке эксперимента).

Имеются ли в современной российской публичной политике подобные перспективные инновационные практики? Безусловно, да. Это различные формы гражданского участия, гражданской экспертизы и гражданского контроля, которые уже много лет используются на региональном уровне. Именно их и следует выявлять и поддерживать законодательно.

Второй важный вывод заключается в том, что институты начинают «работать» только тогда, когда за ними стоят интересы реальных социальных субъектов – экономических или политических. Успешное внедрение или «усвоение» нового института невозможно до тех пор, пока в социальной среде не появятся силы его поддержки – активные социальные слои или группы, заинтересованные в его появлении. При этом нужно быть готовым к тому, что будут существовать и силы, противодействующие нововведениям.

В сфере публичной политики, как уже говорилось, противодействие реформам оказывают те акторы, которые получают политическую выгоду от сложившихся институтов. Как правило, это силы, группирующиеся вокруг действующей власти. Их данная система институтов вполне устраивает; поэтому, чтобы глубокие политические изменения стали возможными, необходимо найти способ переориентации интересов таких сил (например, путем демонстрации преимуществ гражданской экспертизы и контроля с точки зрения повышения эффективности государственного управления)¹³.

И наконец, третий вывод: институциональные изменения никогда не бывают «бесплатными». С формальным принятием новых правил изменения не заканчиваются, а только начинаются. Реализация любого институционального изменения сопряжена со значительными затратами. Без вложения ресурсов – временных, материальных, организационных, человеческих, медийных – нельзя обеспечить «укоренение» нового института и преодолеть так называемый барьер большинства, убедив основную массу социальных акторов в том, что новый институт сулит им больше выгод, чем издержек.

Важно учитывать и то, что субъектам публичной политики в отличие от экономических субъектов, заинтересованных в закреплении новых – конкурентных – экономических институтов, новые политические институты не дадут прямой материальной выгоды. Более того, преимущества, которые несет с собой соблюдение правил открытости, публичности, социальной ответственности, станут очевидными только в отдаленной перспективе. Это означает, что затраты на внедрение политических институтов, строящихся на принципах ответственности власти перед гражданами, неизбежно будут очень высокими и потребуют много времени, много терпения и исключительно творческого подхода.

Если мы действительно стремимся сделать нашу политику более открытой, а властные институты – более ответственными, нам надо быть готовыми к этим вызовам.

- 1 См.: Публичная политика: от теории к практике // Сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008. С. 53.
- 2 Там же. С. 202.
- 3 Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.
- 4 Там же. С. 31.
- 5 *Пивоваров Ю.С.* Русская Власть и публичная политика: Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. № 1.
- 6 Институциональная политология... С. 32.
- 7 См.: *Зудин А.Ю.* Новая публичность? Моноцентрическая система и режим консультаций // Сборник программ и тезисов участников секции «Публичная политика как инструмент российского выбора» Третьего Всероссийского конгресса политологов. М., 2003. С. 375.
- 8 См.: *Rutten M.* Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы. М., 1998. С. 243.
- 9 См.: *McCool D.C.* Public Policy: Theories, Models, and Concepts: An Anthology. N. J., 1995.
- 10 См.: *Birkland T.A.* An Introduction to the Policy Process: Theories, Concepts, and Models of Public Policy Making. N.Y., 2001.
- 11 *Загоруйко Ю.* Публичность и политика // Зеркало недели. 2004. № 39.
- 12 *Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г.* Институты: от заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М., 2005. С. 173.
- 13 См.: *Беляева Н.Ю.* Гражданский контроль и гражданская экспертиза нормативных актов // Президентский контроль. 2006. № 1.

Abstracts

D. Aksenovsky

BUREAUCRACY WITHIN SOCIAL EDUCATIONAL PROJECT: IMITATION OF POWER MODERNIZATION

Educational projects devoted to personnel training for government service are micro models of practical power. Thus, in Russia the start of the new government official's educational project, named as «MBA for bureaucracy», appears to be a sign of expanding the power modernization imitation. It is designed to hide noncompetitiveness of bureaucracy that achieved its identification with the state, due to transferring political projects into the field of economic and social initiatives.

Keywords: bureaucracy, pseudo-elite, noncompetitive power, exper-tocracy

G. Bakulev

POWER AND MASS MEDIA: NOT CONSIDERING THE MASSES

Traditionally critical theories of mass communication study the way power uses mass media to promote and support the status-quo and culture, trying to keep its dominant position in the public sphere. Elite theories point to the limited influence and minimization of citizens' role in society. Instead of involving masses of citizens in political process election campaigns, interpartizan fight, groups of interests' activity lead to forming specialized elites. These spheres are now controlled by mass media professionals, party and large groups of interests' leaders, public relations and marketing firms. Ordinary citizens and voters are regarded as extras to discuss problems from the ready-made agenda on the basis of very a scarce information diet. In fact, a new alternative variant of mass-elite dichotomy is being developed, namely, elite-elite, which does not take into consideration the masses.

Keywords: critical studies, elite theory, power and mass media, elite-media paradigm, elite-elite communication

A. Buneyeva, L. Mureyko, O. Shipunova

RESOURCES OF MANIPULATION FOR POLITICAL
TECHNOLOGIES: IMPLICIT KNOWLEDGE
AND MASS CONSCIOUSNESS

Resources of Manipulation in Political Technologies: non-obvious knowledge mass consciousness. Human behavior unpredictability has always been a key problem of any political technology.

The article analyses impact knowledge and mass consciousness phenomena which deal with both cultural and individual reasons. The author emphasizes their anonymous power over individual consciousness and social activity reached by social tense-making process. Norm, discourse and cognitive primitive are all considered the tools of such power. The analysis of links between cultural methods of the implicit knowledge representation and the dynamics of subjectivity enables one to enhance the free-choice principle and manipulation resources.

Keywords: anonymous power, implicit knowledge, mass consciousness, discourse, political technology.

N. Gromyko

THE ADVANCED KNOWLEDGE:
COGITATIVE EXPERIMENT
OF GALILEO GALILEE AGAINST
THE INQUISITION POWER

The article deals with the description of cogitative experiment of Galileo as means of conceptual opposition to peripatetic-scholastic paradigm of knowledge and eventually to the power of the inquisition on the whole. The described model might be applied to different social and political situations where innovative approaches are indispensable to life.

Keywords: cogitative experiment, knowledge translation, power paradigm, model of thinking, management activities and reflective procedures.

G. Kosach

SAUDI ARABIA: EDUCATION, SOCIAL TRANSFORMATION, POWER

The article analyzes the system of high education's in the Kingdom of Saudi Arabia as part of modernization process that country, began in the 1950s. Modern "educated class" became the main outcome of this process. At the beginning of the 2000s this class demanded the traditional "ruling class" represented by the royal family and official religious establishment be included in the system of Saudi political power. The Consultative Council – the body of legislative power, appointed by the king, – became an institution, aimed at realizing political ambitions of the "educated class".

Keywords: Saudi Arabia, doctrine of wahhabism, dynasty Al Saud, family Al Al-Sheikh, King Saud University, educated class, Consultative Council.

A. Krauze

EPISTEMES OF RULING: SOCIAL AXIOMATIC OF GLOBALIZATION EPOCH

The article emphasizes the necessity to make research of contextual connections and the role of cognitive mechanisms in various plots of ruling. Episteme of ruling correspond to the ideas, aims and purposes, which are made no doubt about and accepted as axioms by all citizens. Putting forward new ideas standing for social axioms and being really powerful is a challenge which requires comprehensive analysis of objective processes. The article investigates social axiomatic of globalization epoch and social effects of the monetarism efficiency axiom.

Keywords: social epistemology, social axiomatic, globalization, monetarism, episteme of ruling (episteme of an authority), cognitive forms.

A. Kurbet

PUBLIC POLICE IN MODERN RUSSIA

In modern Russia to talk about public policy institutes are increasingly begins with a statements of their ineffectiveness. The inefficiency of the parliament, as in the apparent dominance of the party parliamentary debate lose their meaning. The apparent ineffectiveness of the Institute of separation of powers, because the executive branch actually dictates his will power the legislature. It is ineffective and the institution of political parties, which have not become mouthpieces of polit-

ical interests and will of large social groups. In this article the author tries to understand why public policy in Russia is still not received development.

Keywords: public policy, audience, modern Russia, transformation, political system, policy institute, political party.

A. Levadnaya

MASS MEDIA IN MODERN POLITICAL COMMUNICATIONS: INTERMEDIATE OR SELF-REPLICATING SYSTEM?

Modern policy is a field of intense rivalry for world resources redistribution, mass media being the main. Nowadays communication and information play the leading role in social life. Thus political science attracts more attention to the communicative processes in political spheres. As a matter of fact, modern political communications are the mediated quasiinteraction, being the form of social interaction. It provides peculiar types of false political and interpersonal communication constituted by empty, self-sufficient symbolic interaction.

Keywords: political communications, quasiinteraction, mass media, political space, formation of political preferences.

I. Logvinova, E. Riazanov

STATE AND SOCIAL CONTROL IN SPHERE OF EDUCATION – PROBLEMS OF OPTIMIZATION

The article investigates the mechanisms of state and public control. The research focuses on the proposals state and public control optimization. The research is to stimulate the development of objective and actual knowledge about the process in education, the results consequence of reforms in this sphere, as well as about the effective measures, aimed at improving the educational process that represents an innovative model of Russian education. Public organizations which exercise control in the educational sphere should have a legal status that would enable them to interact with state bodies and educational institutions to influence the state policy in the educational sphere.

Keywords: the state control and supervision, the social control, control and supervising activity, monitoring of the legislation, education rights.

N. Lukianova, D. Chajkovsky

THE PROCESS REGULARITIES
OF SIGN DYNAMICS IN THE TIME
OF POLITICAL AND SOCIAL CRISES

The article considers the basic ideas in configurations of the communicative field in the time of social and political crisis. The author emphasizes contradictions in estimating the reasons for cultural deformations. Cultural deformation is defined as a consequence of modern communication technologies. It is stated that the key cultural deformations are connected with communication technologies acquisition of semiotic function in designing reality. Assumes that main technology of designing reality is not a “sign”: it represents the processes of sign dynamics. They play the role of “connective tissue” which ties different elements of communication field together. Therefore, external and internal regularities of the processes of sign dynamics at the time of social and political crisis are analyzed. This analysis gives us the understanding of internal trends of modern communication field development. Moreover, such analysis is a condition of our knowledge about the influence on the processes of sign dynamics correctly divided in time and space.

Keywords: sign dynamics, semiotics, sign, text, and culture, process of communication, communicative technologies, power, and signs of power.

A. Mar'in-Ostrovsky

POLITICAL REGIME, INSTITUTE
OF PROPERTY AND KNOWLEDGE ECONOMY
IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the problem of emerging knowledge economy in modern Russia. The author argues that knowledge economy can exist only under conditions of favorable institutions. It is first about institute of property which is unspecified in Russia. It means that property rights aren't well-defined. The shaping of such kind of institutional framework is the result of contradictory political and economical development. The author assumes that institute of property was framed by interaction between key political and economical decision-makers. For a long period of time there weren't any actors interested in the effective regime of property. Thus for today the problem of creation knowledge economy in Russia is mainly political then economical problem.

Keywords: knowledge economy, innovation, political regime, property, institutions.

N. Medushevsky

THE PRESENT LEVEL OF DEVELOPMENT OF ANALYTICAL CENTERS IN RUSSIA

The article highlights the issues of structure and operation of Russia's think tanks. Content analyses of sources of analytical and quantitative information on Russia's think tanks are included and released a set of organizations in the political spectrum. The total number of organizations mentioned in the article sources of more than 100 items, but relevant (i.e. repeated three times or more), are only 20 titles. These two dozen organizations may be summarized as an exemplary model averaged Russia's think tank. Study of Russia's model of think tank conducted us through the analysis on the Weiss model, followed in the mid-90's for a similar analysis of American think tanks.

Keywords: think tank, mediators, lobbyists, invited experts, academic scientists, non-governmental organizations.

E. Melkumyan

SYSTEM OF POWER IN KUWAIT: TRADITIONS AND MODERNITY

The article analyzes the text of Constitution, which fixed the responsibilities of the State ruler – emir, government and parliament. The system of power is based on traditional and universal elements. In recent years political practice demonstrated parliament's readiness to increase its role in socio-political life of Kuwait.

Keywords: Kuwait, power, emir, family Al Al-Sabah, parliament, government.

G. Mikhaleva

FEATURES OF POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA AND POLITICAL PROCESS STUDYING PROBLEMS

Studying modern political process in Russia is fraught with a number of methodological complexities. Closeness, of political institutes and actors, uncertainty of accessible are added by the malfunctioning in editing statistical documents. The Internet and blog-sphere prevent from gaining reliable data.

Research process should be characterized by certain scientific criteria in a closed society informational processing faces a number of con-

straints. Consequently, comprehensive social prerequisites for effective social explorations should be established.

Keywords: theory, methodology, technique, qualitative methods, quantitative methods, a closed society, information.

E. Reznitsky

TEMPORAL MODEL IN MODERN RUSSIA'S POLITICAL MYTHOLOGY

The article is devoted to the analysis of mythological model of time, as a key component of political mythology, and technology of its introduction in mass consciousness by modern political elite in Russia. The author considers temporal category as one of the basic dominants that enables to set borders to the whole system of political mythology of the state. That in its turn allows arranging the process of social consolidation of ruling elite. It is especially important while analyzing modern Russian history when the society turned out to be in the situation of destroying habitual social communications, which led to the threat of the state integrity.

Keywords: politology, political power, political mythology, political elites, techniques and technology of social construction of reality.

I. Tsaregorodtseva

NEW TENSIONS IN RELATIONSHIPS OF COPTIC COMMUNITY AND POWER IN EGYPT

Process of the “Islamic revival” in Egypt started in 1970s when the power gave a great support to the Islamic factor had worsened relations between Muslims and Christians of the country. While the government protected Muslim interests, the other ethno-religious minorities obviously had lack of their representation in power. This brought the beginning of politicization of the most numerous ethno-religious community in Egypt – the Copts who, by different estimations, constitute from 5 to 20% of total population. The main representative power of the Copts and their interests’ supporter is the Coptic Orthodox Church especially its present leader – Pope Shenouda III. At the same time the Church is not able to be a real political player. By this reason recently a number of secular Coptic organizations have emerged in Egypt and abroad. They often defend Coptic interests more rigidly than the Pope. The appearance and formation of this “alternative” Coptic front should be an alarm sign for Egyptian government. It means that, contrary to the

basic detachment of the Coptic Orthodox Church from the state affairs, level of the politicization of Coptic community has considerably grown during the last years. If these processes amplify, Egypt can shortly appear in a situation when the ethno-confessional minority will make political demands. It will considerably complicate the position of the authorities which operate in conditions when Islam is recognized as the state religion of Egypt, and shariah -as the basic source of the legislation.

Keywords: Egypt, Copts, politics, religion, ethno-religious minorities.

A. Zhurukhina

POLITICS AND HISTORY WITHIN RUSSIA-UKRAINE INFORMATIONAL FIELD

The conception of the Ukrainian history represented in course books on history for secondary schools is analyzed from the point of view of «confluence of history and politics» concept. Priming different historical themes may configure social and political ideas of young citizens. This fact must be taken into consideration at both political and social levels.

Keywords: politics and history, school education, Russia, Ukraine.

O. Zinovieva

LEGACY POLITICAL TECHNOLOGIES: MONUMENTAL PROPAGANDA OF STALINIST MOSCOW

The paper describes the formation and the role of the political propaganda in the Moscow urban environment during Stalin's rule. Stalin used the architecture as a means of propaganda for Soviet ideology, to inspire people to work for the sake of the industrialization and collectivization as well as the monument to him. The size and grandeur of the buildings symbolized the power of the state and the Utopian future that the Soviet people were striving toward.

Under the Master Plan of the Moscow Development (1935), many of Moscow's narrow streets were widened, a vast subway system was built, and the city was filled with massive government buildings, apartments, and monuments. The symbolism hidden in Moscow architecture of 1930–1950 reflects interaction with the Russian and Western European classical traditions of the XVIII–XIX centuries, which often

interpreted Egyptian monumental presentation of eternity and immortality of gods and leaders.

Keywords: history of Moscow, urban culture, urban symbols, symbols of Stalinist Moscow, architectural image, urban communications, monumental art and politics, concept of the paradise.

A. Zverev

ON COMPETENCIES FOR CREATING APPLIED KNOWLEDGE IN POLITICAL SCIENCE

The article is devoted to the issue of the development of competence of the future political scientists in sphere of applied knowledge of functioning of political power. The article considers necessary for the competence of the expert of applied area of political science which successfully would enable it to operate within the limits of political and election campaigns as political manager. The article presents the analysis of base principles formed the competence the political scientist which it is desirable to adhere in translation of applied political knowledge of realization current an expert of political power in its communications with various political actors are considered. The author also presents the substantial filling of target educational programs in sphere of the public policy, providing functioning of modern political power.

Keywords: competency, political competency, political education, applied political knowledge.

Сведения об авторах

Аксеновский Дмитрий Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий, факультет истории политологии и права РГГУ; +7(910)4610064, axenovsky@mail.ru.

Бакулев Геннадий Петрович – завкафедрой иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета, доктор филологических наук, профессор; +7(916)2801670, gebak@mail.ru.

Бунеева Анна Михайловна – начальник отдела маркетинга закрытого акционерного общества «47 ТРЕСТ», соискатель степени кандидата философских наук Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; +7(812)5528701, kaphphil_2005@list.ru.

Громько Н.В. – кандидат философских наук, замдиректора НИИ инновационных стратегий развития общего образования при Департаменте образования г. Москвы, завотделом философии образования и эпистемологии;

Журухина Анастасия Александровна – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета; +7(903)5123928, stay_c@bk.ru.

Зиновьева Ольга Андреевна – кандидат культурологических наук, руководитель офиса российских программ Государственного университета штата Нью-Йорк; ozinovieva@gmail.com.

Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; zveandr@mail.ru.

Косач Григорий Григорьевич – профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; g.kosach@mail.ru.

Краузе Александр Анатольевич – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; +7(812)5528701, kaphphil_2005@list.ru.

- Курбет Александр Андреевич* – аспирант факультета истории, политологии и права РГГУ; alexkubert@gmail.com
- Левадная Анастасия Викторовна* – аспирантка факультета истории политологии и права, кафедра культуры мира и демократии; +7(926)1798753, asya.levadnaya@gmail.com
- Логвинова Инна Владимировна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права; +7(906)0820989, logvinova_inna@mail.ru.
- Лукьянова Наталия Александровна* – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, психологии и права гуманитарного факультета Томского политехнического университета, заместитель декана по научной работе; kir712@yandex.ru.
- Марьин-Островский Андрей Николаевич* – аспирант кафедры общей политологии факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ; +7(910)4035080, M-Ostrovsky@yandex.ru.
- Медушевский Николай Александрович* – аспирант факультета истории, политологии и права РГГУ; руководитель сектора Международных отношений отдела проблем глобализации РИЭПП; lucky5659@yandex.ru.
- Мелкумян Елена Суреновна* – профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; +7(916)6202717.
- Михалева Галина Михайловна* – кандидат философских наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; g_mihaleva@mail.ru.
- Мурейко Лариса Валериановна* – докторант, доцент кафедры философии РГПУ им. А.И. Герцена; +7(960)2347742, lamureiko@mail.ru.
- Резницкий Евгений Сергеевич* – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; +7(916)1931797, evgenijrez@gmail.com
- Рязанов Евгений Енкирович* – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ; +7(495)6983460.

Царегородцева Ирина Алексеевна – аспирантка РГГУ;
+7(965)3508178, elselm@gmail.com

Чайковский Денис Витольдович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры социологии, психологии и права гуманитарного факультета Томского политехнического университета;

Шипунова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; +7(812)5528701, o_shipunova@mail.ru.

General data about the authors

Aksenovskiy Dmitriy – PhD (Philosophy), associate professor of communications and social technologies department, Russian State University for the Humanities. +7(910)4610064, axenovsky@mail.ru

Bakulev Gennady – PhD (Philology), professor at social studies and humanities department of Russian State Social University, Moscow, Russia. +7(916)2801670, gebak@mail.ru.

Buneeva Anna – chair of Department of marketing at the CO “47th Trest”, postgraduate program at the St.Petersburg State Polytechnic University. +7(812)5528701, kaphphil_2005@list.ru.

Chajkovsy Denis – PhD, associate professor of Faculty of Humanities, Tomsk Polytechnic University.

Gromyko Natalia – Cand. of Sciences, the Deputy Director of the Institute of innovation strategies of general education development, the Head of the Department of educational philosophy and epistemology.

Kosach Grigory – professor, modern oriental studies department, the Faculty of History, Political Science and Law, the Russian State University for the Humanities; g.kosach@mail.ru.

Krauze Alexander – PhD (Philosophy), associate professor at St.Petersburg State Polytechnic University. +7(812)5528701, kaphphil_2005@list.ru.

Kuerbet Alexander – the post-graduate, the Russian State University for the Humanities; alexkubert@gmail.com

Levadnaya Anastasia – post-graduate, Faculty of History, Political Science and Law, the department of world culture and democracy; +7(926)1798753, asya.levadnaya@gmail.com.

Logvinova Inna – Cand. of sciences (law), associate professor. +7(906)0820989, logvinova_inna@mail.ru.

Lukianova Natalia – PhD, associate professor, vice-dean, Tomsk Polytechnic University. kir712@yandex.ru.

Mar'in-Ostrovsky Andrey – the post-graduate student, State University-High School of Economics; +7(910)4035080, M-Ostrovsky@yandex.ru.

Medushevsky Nikolay – the post-graduate student, Faculty of History, Political science and Law, RSUH; lucky5659@yandex.ru.

Melkumyan Elena – professor of modern oriental studies department, faculty of history, political science and law of Russian State University of Humanities; +7(916)6202717.

Mikhaleva Galina – Cand. of sciences, associate professor, Russian State University For the Humanities; g_mihaleva@mail.ru.

Mureiko Larisa – doctoral student, associate professor, Department of philosophy, Saint-Petersburg State Pedagogical University. +7(960)2347742, lamureiko@mail.ru.

Reznitsky Evgenie – the post-graduate student of Division for History, Political Science and Law of Russian state university for the humanities; +7(916)1931797, evgenijrez@gmail.com.

Riazanov Evgeniy – Cand. of sciences (law), associate professor. +7(495)6983460

Shipunova Olga – associate professor, Doctor of Philosophy, St.Petersburg State Polytechnic University. +7(812)5528701, o_shipunova@mail.ru.

Tsaregorodtseva Irina – the the post-graduate student, the Russian State University for the Humanities; +7(965)3508178, elselm@gmail.com.

Zhurukhina Anastasia – the post-graduate student, the Russian State University for the Humanities; +7(903)5123928, stay_c@bk.ru.

Zinovieva Olga – PhD degree (Cultural studies). Director of the State University of New York Office. ozinovieva@gmail.com.

Zverev Andrei – Cand. of sciences, associate professor, Russian State University For the Humanities. zveandr@mail.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Редактор *О.Н. Панкова*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 13.01.2010.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 8

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru